

ЭММА РОСА



МОГУТЪО-
КАМЕНЬ

Маг в третьем поколении Кларисса фон Райхенбах оказывается втянутой в незаконную авантюру своей подругой и подопечной Наташей Георгиевой. Запрещенная книга профессора Кравцова, попавшая им в руки, содержит в себе тайны, способные изменить мир. Но чтобы ее прочитать, они нарушают вереницу законов, не подозревая, что находятся под колпаком жандармерии и полиции, а их случайный помощник слесарь на самом деле агент.

Удастся ли девушкам узнать тайны, скрытые в книге? Получится ли выпутаться и отвести от себя подозрения полиции? Какие изменения в обществе и в мире потянет за собой пустяковая на первый взгляд бытовая магия?

Старуха наконец остановилась и взгромоздила переполненную кошелку на надгробие провалившейся могилы. На ней, вопреки отгулявшему сентябрю, живой чертополох раскинул колючие плети прямо поверх бурого мха. Из пузатой сумки она достала свернутый платок, расстелила его на сухой траве и, встав на колени, вынула еще столько всего, что рот у Войцеха открылся сам собой. О заклятии расширения пространства он уже слышал, но еще никогда не видел в действии. В пятом классе о нем еще не рассказывают, но он точно знал от своего друга, у которого отец был полицмагом, что использовать его категорически запрещено. Не простая старуха-то оказалась! Впервые с тех пор, как он начал следить за ней, где-то внутри шевельнулось беспокойство.

— Не осталось подходящих могил, — вдруг услышал Войцех ее громкое ворчание и пригнул голову, прячась за кустом шиповника. С кем это она? — Еще немного и придется ездить на погост в соседний город. А там, кто его знает, что за покойники.

— Истинно так, фрау Гретхен! — с изумлением услышал он, как ей кто-то ответил. — И мертвецы-то уж не те пошли.

Войцех осмелился выглянуть из-за куста — все равно старуха стояла к нему спиной — огляделся внимательно, но никого не увидел. Успел рассмотреть лишь моргающую огоньками прямоугольную коробушку с антеннами — радио! — да шар с торчащими вверх четырьмя трубками, полностью стеклянный. Старуха оглянулась. Войцех сжался за кустом и перестал дышать. Одним глазом он видел сквозь ветки, как она шарит взглядом по могилкам и крестам. Неужели услышала его? — сердце бойко заколотилось в горле. Но нет, пронесло.

— А помните, как было в две тысячи двухсотом на Рождество? — продолжал меж тем ласковый голос, и Войцех внезапно понял, что идет он прямо из радио и чуть было не вскрикнул, не выдал себя. — Даже герра Клауса фон Райхенбаха, вашего дедушку удалось тогда поднять, и батюшку герра Вольфганга. Вся семья собралась. Как в старые добрые времена.

— Тихо, Николаша, — старуха подняла ладонь и прислушалась.

Войцех затаил дыхание, закрыл глаза и представил себя частью куста, одной веткой. Большой, с множеством маленьких веточек-отростков. С отвердевшей корой и тихим движением соков внутри. Урок про мимикрирующих животных в школе не прошел мимо.

— Нет, показалось, — после невероятно долгой паузы сказала старуха и склонилась над могилой. Войцех открыл глаза, очень медленно выдохнул и так же медленно вдохнул, голова немного кружилась.

Он лелеял план выследить старуху еще с весны, когда впервые заметил ее. Тогда был родительский день. Народу в эти дни ходит мимо их барака много, но ее он запомнил. Было в ее фигуре что-то пугающе-притягательное, похожее на хищную птицу — бледная, худая и немного сутулая, в длинном черном платье со стоячим глухим воротником и пучком седых волос на макушке. Увидев однажды, он снова и снова, придя домой со школы, видел ее из окна, бредущую меж могил с кожаной, похожей на сундучок, сумкой в руке. Не проходило и недели, чтобы она не попала на глаза.

“Наверное, похоронен кто-то близкий здесь, — говорила мамаша. — Вот и ходит, тоскует.”

Но старуха возвращалась всегда из разных мест кладбища. И это не давало Войцеху

покоя. Чутье подсказывало ему, что не в усопших родственниках тут дело. А не прирученная еще как следует ахно-энергия[1] отзывалась на ее появление внутренним волнением. Он чувствовал в старухе силу, которая пугала его. Потому что больше ни у кого из его знакомых ахноген[2] такой силы не было.

И вот, прячась за кустом шиповника, рядом с зияющей чернотой свежевырытой ямой, Войцех видел, как разлетелись в разные стороны колючие ветви чертополоха вместе с землей, как взвился в небо тоненький дымок, услышал, как забулькало что-то в принесенном стеклянном шаре с трубками, и потянуло оттуда горьким запахом — не то полыни, ни то дубового мха.

Войцех уже сбежал бы, если бы не боялся так сильно, что старуха его услышит и не сходя с места пришибет. В том, что она это может, он не сомневался. Ведь она колдовала. По-настоящему. А колдовство, он это точно знал, запрещено законом. Под страхом страшных мук от лишения магии. И грозные полицмаги[3], знай они, чем она тут занимается, немедленно надели бы на нее магические путы и отвели куда надо. Но их не было, а он был со старухой. Один на один.

Однако в большей степени его держало на месте любопытство и восторг. Папаша с мамашей всю жизнь прожили, не познав не только ахно-энергии, но и кто такие колдуны имели весьма слабое представление. А он, Войцех, — сидит тут и видит живую колдунью своими глазами!

— Осталось мне недолго, Николаша, — сказала старуха так горько, что отозвалось в сердце Войцеха смертной тоской. — Вот где ее черти носят сейчас, скажи на милость?

— Так ить в Оренбурге, — отозвалось радио.

— Вот как мне за ней уследить? Как объяснить ей, что она растрчивает себя почему зря? Ведь это уму не постижимо, сколько они с нее тащат. А ведь могла бы продолжить мое дело. Столько трудов, столько усилий. И для кого все?!

Радио тяжело вздохнуло.

— Может, запретить? — предложило оно.

— Ага! Запретишь ей, как же! На концерты прохвоста этого, Мяконького... Тьфу, срам один! Запретила — и что? Тайком бегают, и спускает там все подчистую. Ну не дура ли? А ты карнавал ей запретить хочешь... Нет, Николаша. Запретами тут ничего не решишь.

— При вашей то силе, фрау Гретхен...

— Да, пока я жива, ей ничего не грозит, кроме истощения. А это дело поправимое. Как она потом жить будет — вот, о чем у меня душа болит. Будь Гошенька ахногеном, я бы померла спокойно хоть сегодня, — радио очень натурально сплюнуло три раза. — У нее, в отличие от этой пигалицы, голова на плечах, приглядела бы за ней... Ах, какая славная из нее колдунья бы вышла! Но. При всей своей разумности, она не сможет удержать Клару от глупостей, просто потому что бурлак[4]. И рисковать последним отпрыском Райхенбахов, я тоже не могу, сам понимаешь. Так что придется тебе...

Радио издало странный булькающий звук и сдавленно спросило:

— Что мне?

— Тебе придется присматривать за ней. И сейчас ты тут находишься с одной целью — я перепрошью твою программу, законнектю ее на себе. Будешь помогать ей по жизни советом и направлять по мере сил. И мне будет спокойней. А если что, то... дашь мне знать.

Радио снова тяжело вздохнуло, но промолчало.

— А ты думал, я тебя на уикэнд сюда привезла? — усмехнулась старуха.

Войцех так увлекся подслушиванием про какую-то неразумную пигалицу, что следом за старухой незаметно для себя издал тихий смешок.

В этот же миг ее лицо оказалось прямо за кустом, пронзительный взгляд выцветших до пепла серых глаз уставился на него сквозь ветки, заморозил, приковал к себе. Все внутри Войцеха застыло от ужаса.

— Не показалось значит, — прошипела она тонкими губами, сощуриив глаза в щелки. — Но какой молоде-ец. Долго пря-ятался. Ти-ихо сидел. Любишь подслушивать? — она приняхалась к нему, шевельнув тонкими ноздрями, и стала над кустом подниматься. — Ишь ты! Ахноген. Первый в своем роду. Интере-есно. Родители — бурлаки значит, а у тебя силушку наши? Редкость какая. И родителям отрада. А ты, значит такой, что до чужих секретов охоч? Ходишь тут. Высматриваешь. Вынюхиваешь. И не знаешь, что нехорошо в чужое дело нос совать?!

Она медленно поднялась, пригвоздив Войцеха взглядом, обогнула куст и теперь возвышалась над ним хищной птицей — лицо ее заострилось, нос стал похож на клюв ястреба, а позади черные дымные тучи захлопали крыльями. Войцех сжался в комок, сделался маленьким и жалким. Она вскинула одну руку вверх, растопорщив корявые от старости пальцы, а второй коснулась его щеки и крикнула:

— Эрит дефенсор![5]

Над ее головой сверкнула молния и треснуло в небе так, что Войцех, окончательно потерявший себя от страха, впал в ступор и кулем повалился на землю. Он, потерял сознание, а точнее впал в какую-то прострацию, и поэтому совершенно не чувствовал боли, когда, скатившись по накиданному холмику земли, свалился прямо в черную могильную яму.

[1] Ахно-энергия — энергия ахно-волн, которую генерируют люди, открытая российским ученым Ильей Васильевичем Кравцовым. И.В.Кравцов нашел способ не только аккумулировать ее в природных камнях — могуто-камнях, но и стал основоположником ее повсеместного распространения. Ахно-энергия в силу своей необъяснимости получила также второе название — магия, которое со временем было принято официально.

[2] Ахноген — человек, носитель ахно-энергии.

[3] Полицмаг — сотрудник государственного учреждения Полицмагии, сыщик, который расследует преступления, связанные с нарушением законов, ограничивающих применение ахно-энергии.

[4] Бурлак — человек, лишенный способности генерировать ахно-волны.

[5] Erit defenser (лат.) — Будешь защитником

Глава 1. Заброшенная фабрика

Время остановилось в старых цехах бывшего механического завода, брошенных и разграбленных во времена активного освоения ахно-волн. Бешеный огурец, клен и мох хозяйничали тут вволю, стремясь сгладить страшную картину разрушения.

Клара и Гоша уже полчаса бродили по сооружению, издали напоминающему скелет огромного чудовища, с торчащими голыми ребрами сводов, и свисающих лохмотьев обшивки. Кучи битого кирпича и щебня чередовались с нагромождениями из покореженного металла, кусков труб, деталей неизвестных механизмов, останков каких-то станков и прочего металлолома. Солнце тут было везде: щедро дарило тепло и свет сквозь уцелевшие арки перекрытий, разбитые окна и прорехи в стенах. А куда не дотягивалось — в тех углах отражали темноту не просыхающие лужи, поросшие мхом и ряской.

Безвременье и тишина.

Несмотря на разгорающийся жаркий день, Клару знобило. Вся эта умершая много десятилетий назад фабрика, начиная от ворот, простеганных магической защитой, и заканчивая пугающе-бойкими кустами, растущими прямо из стен, вызывала у нее сильную головную боль и мандраж во всем теле.

Но Гошу, казалось, не волновали ее страхи. Она шла вперед так же уверенно, как по ярмарке бурлаков в Малых Вещунах, внимательно обшаривая глазами каждую кучу мусора в поисках одной ей известных полезных железяк. За спиной у нее болтался пустой пока рюкзак, а сама она напоминала бы кошку во время охоты, да только непропорционально большая грудь, торчащая бушпритом, тяжелая нижняя челюсть с большим полногубым ртом, улыбающимся вопреки всем невзгодам, напоминали Кларе скорее веселого бегемотика из детских книжек, особенно сейчас, когда на голове у нее была бандана, а не обычная встрепанная шевелюра.

Эта копна коротких, прямых и очень жестких русых волос, не поддающихся покраске никакими средствами, в том числе и магическими, приводилась в приличный вид кое-как только мастерством парикмахера Клары, который после стрижки Гоши всегда брал выходной на целый день. Но стоило лишь немного упустить — и ее голова становилась похожа на чучело для распугивания ворон. Клару это нервировало невероятно — ведь по внешнему виду вверенного ей на попечение бурлака, люди судили и о ней, насколько хорошо она справляется со своей обязанностью ахногена. И если с одеждой все было куда ни шло, то Гошина постоянно растрепанная голова всегда вызывала у Клары досаду.

Однако сейчас досаду вызывала вся Гоша, целиком. Ведь именно она притащила ее сюда и заставила взломать правительственный замок. Снова! Эта наивная простота каждый раз забывала, что Клара не просто снимала государственную защиту, но и держала над этим местом инфополе, блокирующее сигнализацию, до тех пор, пока они не выйдут, и Клара не вернет защиту на место. Иначе полицамаги были бы уже здесь. Это столько забирало сил, что не прошло и получаса, как они вошли, а голова у нее уже шла кругом и ноги предательски подрагивали от слабости. Не сильно пока, но все же.

— Долго мы еще будем тут болтаться? — раздраженно спросила она.

— Я рассчитываю найти одну полезную вещь, — ответила Гоша.

— У тебя весь хлам полезный. Какую в этот раз? — съязвила Клара, злясь и на жаркое солнце, и на прохладную тень, и на запах пыли и запустения.

— Дрель.

— Дрель? Что еще за дрель?

— Штука такая, которая дырки в стене делает.

— Зачем она тебе?

— Ха, ну ясно же, Кларисса — делать дырки. Иногда в хозяйстве не заменима. А еще могу ее в аренду артели сдавать. Все хлеб.

— Можно подумать я мало тебе «на хлеб» даю, — сказала Клара и осеклась — холодильник Гоши она не пополняла уже больше месяца. — Если тебе чего-то не хватает, просто скажи. Мы уже говорили об этом. Ты уже десять лет отдельно живешь. Я же не вижу, что там у тебя с запасами.

— Все нормально, дорогая. Если надо будет — скажу.

Но Гоша не скажет. Еще со школы она была такой гордячкой — никогда ни о чем не попросит, даже если у нее будет последнее платье, или туфли совсем развалятся. Бабушка, когда была жива, не спрашивала, просто давала ей что нужно. Но Кларисса с тех пор, как ее похоронила, все время жила в режиме непрерывного праздника, и постоянно забывала про Гошины нужды, а когда спохватывалась, вот как сейчас, ей всегда становилось за себя стыдно.

— Я серьезно, Гоша! Зачем ты шляешься по этим развалинам? И меня с собой таскаешь? Это же преступление! Ты понимаешь или нет? Если поймают, то не тебя, а меня! И накажут — меня!

— О-о! Не начинай опять! Ты каждый раз так говоришь! Но пока еще никто никого не поймал!

— Только потому, что я тщательно скрываю взлом.

— Вот видишь! Ты молодец! Ты умней их всех.

— Сколько веревочке не виться, а конец будет. Ты что думаешь — это так просто? Что не найдется полицмага, который меня раскроет? Ахногенов и за меньшее наказывали.

— Не такое уж это и большое преступление. Выпишут штраф и предупреждение, — проворчала Гоша, сдаваясь под напором Клары.

— Серьезно? А позор? Кларисса фон Райхенбах, потомственная немка, — мелкая воришка! Да бабушка воскреснет и не даст мне покоя ни на этом свете, ни на том! Да мне придется тогда уехать куда-нибудь подальше... В Восточную губернию или вообще в Африканскую. Потому что — как я людям в глаза буду смотреть?! Вот так просто все у тебя, да?!

— Не хочешь быть мелкой воришкой, давай по-крупному что-нибудь украдем. Чтоб не обидно было уезжать... — и Гоша громко захохотала. Даже загоготала, — со злостью подумала Клара. — Да шучу я, шучу.

Но Клара почувствовала в ее голосе слабинку, и расценила это как хороший симптом. Она давно хотела прекратить вылазки на заброшенные предприятия, но до сих пор ей не удавалось убедить Гошу. И сейчас она вцепилась в Гошино сомнение, как ей казалось, мертвой хваткой.

— Сколько таюн тебе нужно в месяц, чтобы перестать лазить по заброшкам? Назови любую сумму. Я буду перечислять тебе на кредитку. Ежемесячно. Или, когда попросишь. Куплю еще один могуто-камень, или два, если нужно будет, чтобы...

— Десять, — бросила Гоша, и Клара почувствовала в ее голосе металл.

— Что десять?

— Десять могуто-камней.

Кажется, Гоша разозлилась не на шутку — нахмурилась и выдвинула нижнюю челюсть немного вперед — верный признак, не сулящий Кларе ничего хорошего.

— Если тебе настолько претит помогать мне, я больше никогда к тебе не обращусь, — она говорила тихо, но Кларе казалось, что каждое слово впечатывается в нее раскаленным клеймом. — Ты — самый близкий мне человек, и я полагала, что могу рассчитывать на твою помощь. Мне не нужны от тебя таюны, Кларисса. Пойми меня правильно. Я не знаю, кто придумал этот дурацкий закон, который поделил людей на бурлаков и ахноген, какому гаду пришло в голову, что ахноген обязан содержать бурлака. Я бы всех их — и тех кто это придумал, и тех, кто проголосовал за этот закон, — отправила бы на Северный полюс к белым медведям, айсберги на лед долбить... Почему никто из вас не задумывается... Ладно, плевать на всех. Но почему ты? Мы ведь росли вместе... Ты-то должна понимать, что меня, лично меня это унижает!

Как всегда, Гоша выкрутила все так, что опять Клара была перед ней кругом виновата.

— Зачем вообще правительству эти развалины, — перевела она разговор в другое русло, понимая, что партия опять проиграна. — Здесь давно уже все ценное разворовали.

Гоша пожала плечами.

— Я могу только предположить. Здесь до сих пор много металла, который можно переработать. Надеюсь, когда-нибудь люди поймут какие технологии они утратили и захотят восстановить.

Клара фыркнула.

— Ты говоришь так, потому что... у тебя нет ахно-энергии, — она чуть на сказала «потому что ты «бурлак», но вовремя сдержалась. Бабушка считала это слово не допустимым, хотя его приняли официально, и оно прочно вошло в обиход, и, услышав, надавала бы Кларе по губам. — Если бы у тебя не было необходимости собирать металлолом, ты бы говорила по-другому.

И снова это прозвучало обидно, — злясь на себя, подумала Клара. Но Гоша уже спустила пары и снова была прежней Гошей.

— Вовсе нет, — ответила она. — Уже всем давно понятно, что магия — не панацея. Нельзя с ее помощью создать вещь, можно только продлить ей жизнь, и то на некоторое время. Физический износ никуда не делся. Ты и сама это знаешь, — тут Клара не могла не согласиться и кивнула. — Просто признавать это никто не хочет. Потому что, если признать, то надо признать и то, что люди совершили самую большую глупость за все время, как перестали быть неандертальцами. А кому хочется считать себя дураком?

— Не знаю, как у неарден... как их там... и вообще, кто это? Вечно ты придумашь какие-то глупости. Но к старому возврата уже не будет. Это и бабушка говорила: и велика была мощна, да вся изошла... Взять, например, батарею в моей кухне. Каждый год ее ремонтирую. А она после дивных пассатижей[1] служит все меньше и меньше. В последний раз гарантию дали на полгода, а она снова течет. А раньше ремонта на год хватало.

— Знаю одну артель, там есть мастера. Я спрощу.

[1] Дивные пассатижи — магический инструмент, которым делается ремонт сантехнического и прочего оборудования из металла путем прикосновения его к части, которую необходимо отремонтировать.

Далее по тексту — все инструменты со словом «дивный» — предназначены для соответствующего ремонта.

Глава 2. Расследование начато

Когда у малыша Войцеха в положенные три года при осмотре обнаружили ахно-энергию, пан Казимир Загорски устроил пир, на который позвал всех своих сослуживцев — от постового жандарма до начальника полицейского управления, которые на тот момент, к его счастью, все были сплошь поляки и шведы.

— Российская среда — радушна, — говорил он, разомлев от выпитого бочонка баварского, лучшего на все Малые Вещуны. — Но русские ленивы и взбалмошны. Сам Бог призвал нас на эту землю, чтобы блюсти порядок и закон, держать их в узде.

— Просто Господь обделил их ахно-энергией больше, чем других, — отвечал ему старый швед-криминалист.

— Господь мудр! Дай всем русским ахно-волны, и мир полетит в тар-тарары, — подхватывал его молодой помощник.

— Ничего. Скоро в полку полицмагов прибудет пополнение! — говорил пан Казимир, глядя своего карапуза по светлой головке.

Он вдруг забыл, что у него самого ахно-волн не было, и всю жизнь он числился бурлаком, что и не дало ему подняться по служебной лестнице выше сержанта. Гордость за сына распирала его так, будто бы он и сам вдруг стал ахногеном. Коллеги, кто и заметил, как его занесло, помалкивали, добродушно посмеиваясь в усы. Потому как те, кто был бурлаком, и сами в душе проклинали ахногенную пустоту внутри себя. Все знали, что раз не открылся дар до трех лет, то не стать уж магом никогда.

Маленький Войцех словно бы родился полицмагом. Папаша не мог нарадоваться. Он не жалел ни сил ни таюн на муштру сына, готовя его к исполнению важной миссии — стать самым великим полицмагом и тем самым прославить род Загорски, увековечить его в анналах Объединенного государства. И Войцех, впитавший уверенность родителей с молоком, старался оправдать доверие изо всех сил — осваивал магию в школе и практиковался с большим усердием.

И теперь, на двадцать пятом году жизни, на краю повышения по службе, он был бы доволен всем, если бы не одно обстоятельство.

Прошло почти пятнадцать лет, но он до сих пор помнил взгляд, запах и прикосновение холодных пальцев старухи к его лицу, там на кладбище. Много сил ушло у Войцеха, чтобы восстановить разрушенное душевное равновесие. Но папаша верил в него. А он в папашу. Так же сильно, как в бога и в ахно-волны. Он включился в борьбу со своим страхом и годам к пятнадцати изгнал старуху из кошмаров, хотя и не его в этом была заслуга.

Немного поработав и распробовав вкус магии на практике, он, наконец, понял, почему она так сильно напугала его в детстве — он чувал ее магию. И магия эта была такой, какая ему пока что больше нигде и никогда не попадалась. Глубокая и мощная, насыщенная, как ягодный сироп, полная неведомых тайн. Войцех хорошо помнил это ощущение, когда старуха прикоснулась к нему, — чувство, что он стоит на краю пропасти, у которой нет дна, пугающая, манящая пустота. Как смерть. Это не шло ни в какое сравнение с его личной ахно-энергией, или с энергией любых других людей, с кем бы он ни работал — будь это сослуживец или преступник. Он чувствовал перед силой проклятой старухи свое бессилие.

И вот, на излете солнечного душного дня, у взломанного правительственного замка на полуразрушенной ткацкой фабрике, Войцех неожиданно для себя почувствовал её магию.

Он долго «принюхивался», не доверяя своим чувствам. Ведь это было невозможно. След был слабым, тающим буквально на глазах. Чтобы не потерять его, он встал на колени и лизнул ржавый навесной замок — мера крайняя, влекущая за собой последствия. Но распробовать и сохранить вкус этого следа ему показалось важней, чем получить откат за присвоение чужой магии в виде головной боли и несварения.

Однако, эта магия была другая, не такая удушливая, как та. От той веяло смертью и ужасом. У этой он ощущал флер взбалмошности, ахно-волны порхали легко и в какой-то степени плохо контролировались носителем, который знал ахно-энергию и умел ею пользоваться... но, как старшеклассник, который усваивает то, что дается с первого наскока, но без вдумчивости, без труда и бдений над уроками. Поверхностно.

Войцех поспешил домой, оставив группу криминалистов заниматься своим делом, — ему требовалась тишина. Головная боль меж тем набирала обороты, и он спешил, пока она не затмила формирующийся образ. Это было невероятно — магия на кончике языка вырисовывала образ совершенно другого человека. И тем не менее он чувствовал в нем старуху. Эта двойственность пугала. Детский страх вернулся, словно и не было долгих пятнадцати лет борьбы с ним и победы. И разобраться с ним Войцеху следовало немедленно!

Заперев дверь на замок, он задернул шторы и наложил заклятье тишины на квартиру, чтобы ни один звук не просочился. Сел в кресло и закрыл глаза.

Определенно взломщик был беспорядочен и беспечен, пуглив и глуп, вел беззаботный образ жизни, любил праздники, и в общем следовал курсу, который держит правительство — сливал свою ахно-энергию государству. Типичный представитель их времени, ахноген, живущий просто для того, чтобы жить, бесцельно. Прожигатель жизни, не приносящий обществу ни пользы, ни вреда. Один из миллиардов. Если бы не вскрытие замка. Что это? Шалость? Необдуманый порыв? Зачем? Что он там искал, чего нет у него в жизни? Имея ахно-энергию, человек обеспечен всеми благами, кроме разве что еды, на которую ему всегда хватит таюн. С лихвой. И ему хватало, иначе Войцех не чувствовал бы оттенок непрекращающегося праздника жизни.

Итак, каков его характер? Он любит потакать собственным слабостям, не утруждается сделать над собой усилие, у него нет цели в жизни, он спит до обеда, ест что придется, любит кофе и музыку. Музыку — да. Он непостоянен, капризен, болтлив, завистлив...

Войцех поморщился — да это же женщина!

От этой догадки он разволновался. В порыве он пошел на кухню, сварил крепкий кофе и сыпанул в него побольше сахару. Однако, поднеся чашку к губам, он вовремя спохватился — один глоток кофе убьет магический след. Придется потерпеть.

Он вернулся в комнату, снова сел в кресло и со стоном закрыл глаза.

Войцех не любил женщин. Не понимал. Не знал, что можно от них ждать, в какую струю вывернет их пресловутая женская логика в следующий момент. Женская логика — кто только такое придумал?

Итак, это женщина.

Определенно, один положительный плюс он все-же нашел: весь этот характер, который подсказал ему вкус магического следа, во всей своей противоречивости, укладывался в одно слово: женщина.

И тем не менее это была не старуха. А кто тогда? Человек, тесно связанный со старухой? Пожалуй. Есть у ахно-энергии такое свойство — взаимопроникновение. Как

супруги, прожившие в мире и любви всю жизнь, становились похожи друг на друга, так и их магия имела похожий вкус, флюиды и флер. Опытные оперативники использовали это свойство, чтобы выйти на преступника через родного человека... Родного человека... Родного...

Точно!

Какой же ты тугодум, Войцех! — сказал он себе. — Просто осел!

От осенившей его догадки он подскочил и заходил по квартире. После того, как ударил коленку и опрокинул торшер, он приказал себе успокоиться и пошел на кухню. Кофе уже остыл. Он вылил его в раковину и сварил новый, добавив в этот раз капсулу с вытяжкой из флюидированного розового катарантуса, от которого в голове прояснилось.

Что нужно было этой родственнице старухи на закрытом разрушенном предприятии? Кто она ей? Дочь? Тогда ей должно быть между шестьдесятю и семьдесятю. Нет, не то. В таком возрасте праздник каждый день проживать не хватит здоровья. Тогда — внучка? Может быть.

Войцех мог отправиться за нужной информацией в участок. Но это означало потерю времени. А он, напав на след, жаждал поскорей подтвердить собственные подозрения, или опровергнуть их, и идти дальше.

Сев в позу лотоса у стены, он надел на указательный палец и мизинец напальчники из кишечной пленки казуара с тонкими стержнями на концах и вставил пальцы в радиорозетку. Побежали мерзкие мурашки данных общего архива, сначала по пальцам, потом по руке, плечу, и наконец, они забегали по голове, отчего ее страшно захотелось почесать. Войцех терпел, скрипя зубами.

Через пять минут он знал об этой женщине все:

Кларисса Никитична фон Райхенбах, ахноген, двадцать девять лет, рост — метр шестьдесят восемь, фигура грушевидного женского типа, размер — пятьдесят — пятьдесят два, цвет глаз — синий — Войцех поморщился — какой олень составлял эти карточки? — Размер ноги — тридцать восемь. Цвет волос — русый, крашенный в платиновый, длина волос — до плеч. Энергоемкость — семь из десяти.

Войцех вынул пальцы. Голова немного кружилась. Если не дозировать, то откат будет такой, что выбьет его из рабочей колеи на пару дней.

Энергоемкость семь из десяти — да эта Кларисса редкая штучка! Среднестатистическая энергоемкость считалась от единицы до пяти. Ею обладали восемьдесят процентов ахноген. Шесть — семь — был показатель лишь у пятнадцати процентов. Оставшиеся пять процентов распоряжались восьмью и девятью. Десять из десяти не имел никто. Во всяком случае, о таких людях в новостях не рассказывали, и никто из его знакомых их не знал.

Теперь понятно почему он почувствовал флер праздников. С емкостью до пяти ахногену хватало едва обеспечить свой быт, те, кто имели меньше четырех, отказывались обеспечивать бурлака, так как самим едва хватало. И при этом лишь единицы из них стремились найти службу или работу. Зачем им? Зато везунчики с шестью и семью баллами могли позволить себе жить на широкую ногу. И, похоже, Кларисса Никитична мало в чем себе отказывала.

Войцех дождался, когда перед глазами перестанет плыть, и снова подключился к архиву.

Мать — Августа Рудольфовна фон Райхенбах — шестьдесят два года, в возрасте тридцати четырех лет отбыла в Африканскую губернию с исследовательской экспедицией,

числится без вести пропавшей.

Отец — Никита Олегович Галкин — шестьдесят семь лет, в возрасте тридцати девяти лет отбыл в Африканскую губернию с исследовательской экспедицией, числится без вести пропавшим.

Назначенный в опеку бурлак — Наталья Георгиевна Георгиева, тридцать два года, официально числится безработной, на попечении Райхенбах К.Н.

Кларисса Никитична воспитывалась бабушкой — Гретхен Вольфганговной фон Райхенбах — умерла в возрасте 97 лет, похоронена на городском кладбище Малых Вещунов.

Войцех отключился. Второй сеанс вызвал тошноту. Головная боль, преследовавшая от самых взломанных ворот, зашла на новый виток, и он несколько минут не шевелился, чтобы не спровоцировать рвотный рефлекс.

Значит, он не ошибся. Старуха и внучка связаны магией крепче, чем можно было предположить. Интересно, какая была энергоемкость у бабули?

В этот момент на полке задрожало голодное око[1]. Если связь прорывается даже сквозь заклятье тишины, то это могло быть только по работе и срочно. Он глянул на солнце за окном — прошло уже три часа, как он тут заперся. Однако! Войцех смочил слюной большой палец и мазнул по радужке ока. Она довольно чавкнула, вогнулась внутрь глазного шара и стала похожа на маленький динамик.

— Пан Войцех, — связь была плохой, но Войцех узнал старшего криминалиста, оставшегося на фабрике. — Вы слышите?

— Да, господин Васильев, докладывайте.

— Мы закончили осмотр. Обнаружены следы двух женщин.

— Двух? Вы уверены?

— Да. Пыли много, следы свежие, видны отчетливо.

— Что-то еще? — из-за одних следов вряд ли Васильев стал бы звонить. Чтобы порвать защиту тишины, наверняка пришлось прикормить голодное око каплей крови. А оно того не стоило.

— Да. Тут такое дело...

— Да что там? Говорите же!

— Две тысячи семнадцатая.

Войцех присвистнул.

— Научлит?!

— Предположительно. Мы нашли ящик с книгами. Разобранный. Техническая литература, инструкции. Но есть подозрение, что отсутствует книга из научной литературы. На слое пыли есть оттиск от обложки. Удалось четко зафиксировать три буквы: “цов”. С такой фамилией запрещенных к публикации и хранению авторов у меня четверо: Ларцов, Кравцов, Скворцов и Стрельцов. Книг ни одного из них я бы не хотел иметь в своем доме. Сами понимаете — по соображениям безопасности.

— Понял. Хорошо. Спасибо, что связались со мной...

— Это было не просто.

— Да, понимаю. С меня причитается.

— Свои люди, сочтемся.

«С меня причитается» Эту фразу он сказал по русскому обычаю. Означало это, что за получение оперативных данных прямо с места преступления, в обход всех бюрократических проволочек, он теперь что-нибудь должен Васильеву. Сложность была в том, что он не знал

— что именно. Это был какой-то негласный и нелепый русский закон, принципы которого ему были не ясны, а объяснить никто не мог. Сложно было оценить оказанную услугу. И потом, когда приходил час расплаты — было невозможно понять, соразмерна ли оказанная взамен услуга или кто-то кому-то остался так же негласно должен. Такие отношения всегда нервировали Войцеха. В них не хватало ясности. Он от души ругнулся — ведь он не просил Васильева ни о какой услуге. Тот сам позвонил, но остался должен почему-то Войцех. Хотя, надо признать, сведения были и своевременны, и важны.

Он наблюдал, как после окончания сеанса радужка чпокнула и выпуклась. Надо будет подкормить голодное око глюкозой и ромашковым настоем. Выглядело оно неважно — белок потускнел и даже пожелтел, а сам шарик выглядел очень уж уставшим. Можно будет попробовать отвар шиповника. Но приучать к своим жидкостям Войцех не торопился.

Внезапно он поймал себя на мысли, что думает о чем угодно, только не о том, что сообщил ему Васильев. К чему бы это? А, собственно, к тому, что сведения были не просто важные, а можно сказать рискованные. Когда дело касалось запрещенной литературы, все было зыбко, нестабильно и очень размыто. И главное — нигде не прописаны критерии. Критерии отдали на откуп спецотделам. И тут надо было быть весьма и весьма аккуратным. С научлитом можно было как сделать значительный прыжок по службе, так и одним неверным действием разрушить карьеру полностью, и всю оставшуюся жизнь проторчать на улицах постовым.

Он все же воткнул пальцы в розетку еще раз и сделал запрос в архив о Гретхен Вольфганговне фон Райхенбах. И к своему великому удивлению, не узнал о ней практически ничего, кроме как то, что приехала она в Российскую среду с отцом и с дедом фон Райхебахами во время великого перерасселения, в возрасте приблизительно двух лет, когда после известной катастрофы и подписания соглашения всех стран мира об Объединенном государстве, в Российскую среду хлынул поток переселенцев из Европы. Ни точной даты рождения, ни ее вероисповедания, ни о состоянии в браке, ни точных биометрических данных, и даже — ни о энергоемкости, ни о чем этом сведений он не получил.

И если бы не два этих факта, которые не укладывались в общую картину легкомысленной шалости, а именно: пропажа предположительно научлита и тайна вокруг личности старухи — безусловно, той самой — была бы какая другая — Войцеху было бы на этот факт совершенно плевать! — возможно он поступил бы иначе: принял бы флюидированный редис, абсорбирующий яд чужой магии, и лег отдохнуть.

Но Войцех поднял трубку телефонного аппарата и сказал:

— Журавлиная слобода, дом номер три, Медведева Семена Павлыча.

Трубка тихо щелкнула, пошуршала и знакомый низкий голос ответил:

— Да, Войцех.

— Откуда узнали, что это я? — не смог он скрыть своего удивления.

Голос в трубке хмыкнул.

— У меня определитель номера. — Войцех почувствовал себя наиглупейше, щеки запылали. — Сегодня суббота, что-то серьезное?... Впрочем, приезжай, будем тебе рады.

Войцех выдохнул. С Семен Павлычем он постоянно чувствовал себя туповатым подростком. И тем не менее общение с ним неизменно поднимало его в собственных глазах, и он всегда летел в дом Павлыча на всех парусах.

Он поспешил ополоснуться, надеть свежую отглаженную рубашку, причесать мокрые волосы, и отправился в Журавлиную Слободу. Слишком большой риск влек за собой

сегодняшний взлом. С научлитом он мог вляпаться по полной. Шеф первым делом спросит с него за политические мотивы подозреваемых, и если он не ответит, то передаст дело в госбезопасность. А Войцех вдруг понял, что должен сам... непременно сам! расследовать это дело. Оно было его личным, выстраданным все пятнадцать лет. Поэтому ему необходим был совет более опытного в политике человека. Человека, которому он доверял. Который с того самого дня считал самым лучшим другом, а позже и наставником.

Семен Павлыч в домашней обстановке был рассеян, как-то особенно добродушен и нетороплив. Его небольшой коттедж — небольшой по меркам занимаемой им должности начальника жандармерии бурлаков, — был всегда наполнен светом и уютом, над которым неустанно трудились умная и красивая супруга Семен Павлыча и две его дочери. Одна из них готовилась выходить замуж, а вторая только что преодолела подростковый период и стала похожа на готовую распусться розу.

Семен Павлычу минуло сорок пять, он был высок, здоров и бородат, напоминая неуклюжестью животное, которому она свойственна, и фамилию имел подобающую — Медведев. Именно он нашел тогда Войцеха в могиле, спустя сутки, когда папаша Казимир уже отчаялся. Войцех хорошо помнил, как его внезапно выдернуло из ледяной мглы и погрузило в теплое одеяло — это Семен Павлыч, тогда еще просто дядя Сеня — молодой оперативник на службе жандармерии бурлаков, — вытащил его из могилы, напоил теплым чаем и отнес к обезумевшему от горя папаше. С тех самых пор Семен Павлыч стал самым главным человеком в жизни Войцеха — его товарищем, старшим братом, учителем и авторитетом. Папаша Казимир, конечно, любил сына больше, чем кого-либо. Но для сообразительного и жаждущего познать весь мир Войцеха, он был слишком прост и мало знал. Зато Семен Павлыч с лихвой компенсировал этот недостаток, так как был умен, разносторонне развит, но главное — имел такую внутреннюю силу, которая притягивала к нему людей магнитом. И Войцеха всегда поражала эта несправедливость в жизни — Семен Павлыч был бурлаком. А ведь сколько полезного и хорошего он мог сделать, откройся в нем ахноэнергия.

Город окунулся в теплый июльский вечер, когда трамвай привез Войцеха на Журавлиную Слободу. Цикады оглушительно трещали, пичуги заливались трелями и воздух был густо насыщен цветочными ароматами.

— В такой вечер грех сидеть дома, — сказал Семен Павлыч, указывая жестом на шезлонг под раскидистой яблоней.

Войцех уселся, поерзал, устроился поудобней. Сначала шезлонг показался ему страшно неудобным — Войцех оказался в полулежачей позе. Но уже через минуту почувствовал, как напряжение в теле уходит и его заполняет томная нега. Вскоре он уже любовался семейным гнездом Семен Павлыча, отмечая маленькие изменения, которые произошли с тех пор, как он был тут в последний раз: виноград, казалось, поставил себе задачу в этом году затянуть всю веранду и был близок к ее выполнению, ряд розовых кустов разухабались шапками цветов, а вдоль дорожки появилась эскадра из горшков с мохнатыми стриженными шариками.

— Что-то на службе? — спросил Семен Павлыч, наливая из пузатого чайника ароматный, пахнущий мятой и сладкими ягодами чай.

— Взлом правительственного замка на ткацкой фабрике. Две тысячи семнадцатая и кое-что еще, — ответил Войцех без долгих предисловий.

Он мог рассказать Семен Павлычу вообще все, даже самые страшные государственные тайны под грифом «совершенно секретно» и быть уверенным, что они не просочатся.

— Хватило бы и этого. А что еще?

— Магия той самой старухи, которая шваркнула меня тогда, пятнадцать лет назад.

— Той самой?

— Не совсем, — смешался Войцех и попытался рассказать Павлычу, как называл его про себя, а иногда и в порыве особого воодушевления, все от начала до конца — и про свои исследования магии, и об архивных данных, и о звонке Васильева.

— Что думаете, Семен Павлыч? — закончил он свой рассказ.

— Думаю, что маловато информации ты собрал пока. Вот что. Во-первых научлит. Нужно больше данных об этих «цов»-ых, какие из их книг могли попасть на ткацкую фабрику. Все они деятели разных направлений науки, и распространение их работ организовывалось по разным каналам. Исключить тех, которые и вовсе не могли туда попасть. Глядишь, круг сузится. Во-вторых: кто вторая?

Войцех пожал плечами.

— Что ты знаешь о ее бурлаке?

Войцех повторил информацию, которую выудил из архивов.

— Это ты мог бы и в справочном бюро спросить, — с укоризной ответил Павлыч. — Впрочем, времени у тебя было немного. Порой архив тщательней — кто она, биометрические данные, где живет, чем зарабатывает. Это понятно, что она находится на обеспечении у ахногена. Но...

Павлыч, все это время набивающий курительную трубку табаком, поджег ее спичкой и некоторое время пыхтел дымом.

— Понимаешь, — сказал он, выпустив несколько колец в неподвижный вечерний воздух и наблюдая за ними, — ни один ахноген не способен в полной мере обеспечить бурлака, как бы не старался. И дело тут не в ахно-энергии, а в человеческой природе. Сколько ни дай энергии ахногену — ему всегда будет мало, сколько ни дай человеку таюн — ему всегда будет мало. А когда и то и другое даром — теряется смысл бытия, который заключается в чем?

— В чем?

— В процессе выживания. Когда человеку не нужно выживать, смысл жизни теряется.

— И это значит?..

— Что еще пропало, кроме книги с фабрики?

— Пока неизвестно. Криминалисты закончили примерно час назад. Пока поднимут архив по фабрике, пока сравнят их с полученными, завтра к вечеру в лучшем случае что-то прояснится.

Павлыч кивнул.

— Ахногены по своей воле не шастают по заброшенным фабрикам. Им это ни к чему.

— По своей воле? Думаете ее заставили?

— Или попросили, или вынудили — не важно. Бурлаки сбивают артели и приносят людям, всем людям, много пользы, пытаясь возродить хоть какое-то производство. Конечно, громким словом «производство» их кустарщину называть смешно. Но так или иначе на их изделия, скажем так, есть устойчивый и немалый спрос. Та же одежда, те же запчасти или стройматериалы, детали, бытовые приборы, да мало ли. Но учитывая, что оборудование и инструменты для этого давно уже не делают в промышленных масштабах, им приходится подвизаться таким вот воровством. Тебе нужен бурлак, который привел туда ахногена. И начинать надо с ближайшего. Бьюсь об заклад, что это идея как ее там, Георгиевой

Георгиев... Тьфу. Язык сломаешь...

— А научлит?

— Научлит сюда не вписывается, это верно. И ты очень правильно сделал, что зашел ко мне. Заторопка, знаешь ли, со спотычкой живет. Прежде чем докладывать начальству, неплохо бы проверить, что там стоит за этой книгой. Есть у меня один человек, который умеет внедриться в любую группу. Твои дамы сами ему все расскажут. Ты только собери мне побольше сведений о них.

Пришла супруга Семен Павлыча с огромным блюдом спелой клубники, и разговор перешел в более спокойное русло. Говорили о Леониде Мяконьком и его удивительных способностях менять голос и перевоплощаться. О приближающемся бразильском карнавале и прошедшем слухе, что в этом году он не будет проходить через Малые Вещуны. Вечер скатился в великолепный закат, и с последними лучами Войцех покинул гостеприимный дом.

[1] Голодное око — живое средство связи между полицмагами, похоже на глазное яблоко с радужкой и зрачком. Для обеспечения связи его необходимо “кормить” собственной жидкостью — в основном слюной, но очень хорошо отзывается и на другие, особенно на кровь.

Глава 3. Ночные бдения

После вылазки на заброшенную фабрику Кларисса слегла. Задернув шторы, наложив на квартиру заклятие тишины, следующий день она пролежала в кровати, не испытывая ни голода, ни жажды, и ожидая лишь одного — вот сейчас, в следующую минуту придут полицаи и заберут ее. Жизнь сосредоточилась на шорохах чужой магии за окном и в перекрытиях. Она вздрагивала, когда Гоша подавала голос и ходила мимо.

— Это крысы, — говорила она. — Тебе давно пора сделать в квартире ремонт.

Взгляд у нее при этом был виноватый и жалобный, Клару это злило, и она шипела:

— Ты лучше в голове у себя сделай ремонт. Если бы не твое сумасбродство...

— Или хотя бы уборку, — не унималась подруга.

Она брала тряпку или щетку и начинала что-то тереть и мыть, и делала столько шума, что Клара, которая в это время старалась превратиться для всего окружающего мира в ничто, спрятаться, сделаться незаметной, закрывала уши руками и тихо выла:

— Прекрати-и-и!

Радио, перегреваясь, водило антеннами, ловило эфир.

— Ничего подозрительного не слышу, дружок, — говорило оно участливо, и по голосу было слышно, что оно очень старается.

На мгновение тревога отступала, но Гоша, словно не понимая, что происходит, словно специально! задумчиво роняла:

— У полицаигов свои каналы связи, недоступные для общего эфира.

И от нового приступа страха не спасала даже тихая перепалка радио с Гошей, в которой Николаша пытался доказать несостоятельность Гошиних замечаний.

Наконец, когда дневная жара спала, а город погрузился в неон, Клара сделала то, за что ей потом было стыдно — она попросила Гошу уйти. Гоша не обиделась. Весь день слонявшаяся с виноватым видом и безуспешно пытающаяся помочь, она только кивнула и как ни в чем не бывало сказала:

— Приду завтра. Если что — звони.

Потом обняла ее. Кларе пришлось вытерпеть и это. С трудом ей удалось не разрыдаться, потому что, несмотря ни на что, она страшно боялась оставаться одна. Гоша лишь сказала:

— Все обойдется.

— Все было бы совсем не так, — прошептала в ответ Клара, — если бы не эта проклятая книга! Понимаешь? Где она сейчас?

— У меня дома. Я ее даже посмотреть не успела.

— И не смотри! — Клара вцепилась в плечи Гоши, притянула ее к себе и вполголоса, чтобы никто не услышал, проговорила. — Не смотри! Сожги ее! Чтобы ее никогда не было! Поняла? Сожги!

Гоша мягко убрала руки Клары, терзающие ее спецовку. Во взгляде ее появилась жесть, а нижняя челюсть чуть выдвинулась вперед.

Уперлась, — с тоской поняла Клара.

— Конечно, дорогая, — ответила Гоша, сжав ее ладони. — Обязательно сожгу. Но сначала... Пойми, это сам Кравцов. Я столько слышала о его последнем труде. Посмертном. Если это он, то... Возможно, это прольет свет на многие вещи...

— Борешься за правду? — прошипела со злостью Клара. — А обо мне ты подумала?

Мне плевать на несправедливость... Как только придешь домой — сожги книгу! Поняла?!

— Они не посмеют. А если посмеют, я не дам тебя в обиду. Разбомблю их, не сомневайся.

Но Клара знала, что посмеют. Гоша могла, конечно. Но кто она такая против полицмагов, она даже пикнуть не успеет, как ее скрутят и отправят туда, куда Макар гусей не гонял. Или коров? Не важно. Отправят далеко и надолго.

Оставшись одна, она погрузилась в пучину отчаянья уже без остатка.

За полночь она так устала от собственного страха и окружающей ее тишины, что выглянула из-за шторки в окно кухни, и, не увидев ничего подозрительного — только спящий двор — открыла форточку и впустила ночной прохладный воздух. Но уже через минуту закрыла — слишком много жизни ночью, а ее состояние не имело с ней ничего общего.

Она думала о том, какая же Гоша упрямая и своевольная. Как изменилась она за те десять лет, что не живет с ними под одной крышей. Не живет с ней. Когда она из бойкой, неугомонной, веселой девчонки, совершенно не отягощенной своей участью бурлака, стала идейным борцом за их права? Какой справедливости она хочет вообще? Разве не справедливо, что государство обязывает ахноген заботиться о бурлаках? Да, не все это могут, но кто может, тот берет на себя этот груз. А остальные получают от государства ахно-энергию в субсидиях и дотациях. У каждого из них, так или иначе есть все необходимое. Если уже на то пошло, ахногены с уровнем личной емкости менее трех сами едва сводят концы с концами, а никаких субсидий не получают. И Гоша еще о какой-то справедливости... С жиру бесится!

Однако тут же она вспоминала о том, что частенько, особенно в последние годы... да с тех пор, как бабушка умерла... частенько пренебрегала своими обязанностями. Праздники! Только в них и заключался смысл ее существования. Только ради них и стоило жить... Почему она должна по Гошиной прихоти нарушать закон и трястись от страха, что ее лишат магии навсегда?!

Наконец, устав и от этих мыслей, глубоко за полночь, она услышала новый звук и уцепилась за него, как утопающий за спасательный круг, звук, который помог пережить часы томительного ожидания и ужаса, — тихое шипение. Она тут же определила, откуда он шел — от батареи, которая доставляла в последние годы ей столько хлопот. Опасаясь зажигать абажур, она осветила ее лучом могуто-камня. На нижнем крае грязно-коричневого от ржавчины чугунного колена наливалась мутная капля. Бесформенный сгусток жидкости жирел, отвисал брюхом, отрывался от торчащей окалины и звонко плюхался в миску. Эта течь появилась неделю назад. Сейчас же сверху, на стыке двух секций, тихо со свистом шипела и пузырилась та же неизвестная влага. Еще в трёх местах появились мокрые кляксы, а значит, и они скоро просочатся.

Клара сосредоточила на них свое внимание. Она смотрела на пятно и внимала его шипению, гадала, что это за жидкость, что так настырно рвется наружу, откуда, и главное — куда она течет, прислушивалась, как меняется шипение от прерывистого сипения до захлебывающихся всхлипов. Если закрыть глаза и только слушать, то можно представить, что это кто-то живой, сидит тут перед ней и дышит сопливом от вируса носом. Она так и сделала, положив руки на стол, а на них голову. Слушала это безобидное и болезненное существо, которому, судя по звукам, было еще хуже, чем ей, и от этой мысли становилось немного легче. Она даже ясно его себе представила — теплое и ярко-оранжевое, мохнатое и кажется,

что приятное на ощупь, от него веяло радостью и спокойствием. И Клара расценила это как хороший знак. Она протянула руку, чтобы погладить и... проснулась.

Лучи утреннего солнца, отражаясь от окон дома напротив, проникали сквозь оранжевые занавески и освещали кухонный стол. Голова Клары лежала аккуратно в солнечном ореоле. Зажмурившись, она встала и, когда солнечные зайчики перестали плясать перед глазами, выглянула в окно.

— Тишина? — спросила она у радио.

— Тишина, — ответило оно эхом.

В душе Клары затеплилась надежда.

Если бы полицмаги нашли ее, то они уже без сомнения пришли бы за ней. Прошло — она посмотрела на настенные часы — почти сутки. С каждой минутой ее магия на правительственном замке таяла. К полудню распознать, чья она, будет уже невозможно.

Тревога отступила, и теперь Клара почувствовала накрывший ее откат в полной мере. Болело все — каждая мышца, голова гудела чугуном и кружилась, мутило.

«Надо поспать», — подумала она и посмотрела на фотографию бабушки, что стояла на столе в черной ажурной рамке на кухонном столе с самого дня похорон. Клара по привычке взгляделась в гордые черты лица, плотно сжатые тонкие губы и глаза, от которых разбегались в стороны смешливые морщинки. Бабушка не одобрила бы ее затеи. Но и от воровства на заброшенных фабриках она тоже не пришла бы в восторг. Так чего уж теперь.

— А как бы ты поступила на моем месте? — спросила она у фотографии.

— Пошла бы в баню, — ответил Николаша за бабушку, как это частенько бывало, и, как всегда, оказался прав.

Однажды, когда Клара была еще совсем ребенком, бабушка притащила ее в деревянную избушку на краю пригорода, заставила раздеться и потеть в жарко натопленной крохотной комнатке, а потом била веником. Не больно, но от этого было еще жарче. Клара не понимала, за что она ее наказывает. Но бабушка утверждала, что это не наказание, а забота о ее здоровье.

— Без бани бурлак пропал, — говорила она.

— Вот пусть бурлаки в ней и моются, — плакала маленькая Клара, упревшая вконец.

Но бабушка вместо того, чтобы отпустить ее, рассказывала какие-то истории про бурлаков, которые в древние времена тянули баржи.

— Не было такого, — возражала Клара.

Но бабушка только благодушно махала на нее рукой, мол, что с тебя взять, дурочка, и снова била веником.

На следующие попытки сводить ее в баню, Клара закатывала истерики, и, наконец, к ее облегчению, бабушка отступилась. Но сама каждую субботу уезжала и возвращалась разомлевшей, доброй и помолодевшей.

— Нет, Николаша, — твердо сказала Клара. — Только не баня. У меня свои способы.

Она подняла трубку новенького красного телефона и четко произнесла: “Жилкоммаг. Отдел сновидений”. Трубка тут же ответила:

— Отдел сновидений. Что желаете, фрау Райхенбах?

Клара закрыла глаза и начала перечислять:

— Море с водой в тридцать градусов, солнце, песок, дельфины, пальмы, шезлонг, яхта, вилла, спа, семифредо, чтобы никаких туристов и... тайский массаж.

— Пятьдесят семь тысяч сто восемьдесят таюн, — бойко ответила трубка. Улыбка сама

собой сползла с лица, и Клара больно прикусила губу — живодеры! — Единовременным платежом или оформим кредит?

— Погодите, погодите, — заторопилась Клара, пока эта нахалка не повесила на нее ярмо. — Почему так дорого?

— Температура воды под заказ...

— Убирайте... Температуру убирайте, — перебила ее Клара.

— Тогда море может быть некупабельным.

— Пусть, — ответила Клара, решив, что все равно плавать она не умеет, а ноги помочить можно и в... как она сказала? Некупабельном? — Что еще?

— Дельфины и пальмы — воспроизводство живой природы во сне...

— Их тоже. И шезлонг... — В конце концов, зачем действительно нужны дельфины? Клара видела их на картинке и всегда сможет представить, что они плавают там, в море. Не будет же она их ловить, в самом деле. И пальмы. Они не дают тени, это всем известно. Да и не нужна ей тень. Ей нужно солнце, а это к живой природе не относится. Посидеть на раскаленном песочке куда приятней. — И яхту, — добавила она и тут же пожалела. Но было поздно.

— Восемнадцать тысяч двести пять таюн.

И все-равно было много. Если бы у нее не висело кредитов с бразильского карнавала, и с Нового года, и после Рождества, тогда бы можно было. Но... Если она влезет еще в один, то уже точно не попадет на бразильский карнавал этого года, что совершенно недопустимо. Клара вдохнула поглубже и решительно сказала:

— Хорошо. Убирайте спа.

— Ваш заказ: море, солнце, песок, вила, семифредо, отсутствие туристов и тайский массаж. Четырнадцать тысяч сто три таюн. Оформляем кредит?

Она не предложила единовременный платеж? Да что эта загребала о себе возомнила?

— Единовременный платеж! — ответила она с достоинством и тут же пожалела. После этой проклятой вылазки могуто-камень был почти пустой, и она даже не была уверена, что он мог конвертировать такую сумму.

— Назовите идентификационный номер могуто-камня, пожалуйста, — с удовольствием промяукала трубка.

Клара назвала. Трубка с некоторой заминкой в голосе произнесла:

— Вам не хватает...

— Убирайте массаж, — зло выплюнула Клара и нашарила рукой баночку с ядомуцином.

— С вашего счета списано одиннадцать тысяч двести тридцать таюн. Приятного просмотра, фрау Райхенбах. Будем рады...

Клара бросила трубку, не дослушав, и закинула в рот горошину. «Очень важно регулировать баланс яда в крови, Кларисса!» — говорила ей бабушка с тех самых пор, как обнаружилась ее исключительная особенность ахногена вырабатывать яд в ответ на несправедливость окружающего мира.

Щурясь от яркого солнца, Клара скользила взглядом через белоснежные балясины террасы, по ласковым песочным изгибам пустынного пляжа. Все ее существо пребывало в безмятежном радостном покое. Сочетание голубого небесного и голубого морского ласкало взор, легкий ветерок обдувал разгоряченную солнцем кожу. Невесомость вне пространства и времени. И никаких книг и полицмагов.

Торопиться некуда — вся ночь впереди.

Она отломилась позолоченной ложечкой кусочек семифредо, с прослоенными «Маскарпоне» кусочками меренг и поднесла ложечку с оплывающим на солнце мороженым ко рту. В глубине виллы раздался раздражающий телефонный трезвон. Кларисса поморщилась: про телефон в контракте не было ни слова. Или было?

Звон разрастался и становился громче, и вскоре весь сказочный пляж гремел и дребезжал словно пустая кастрюля с гайками. Воздушная одухотворенность пейзажа застыла и потемнела, граница голубого с голубым покрылась глубокими трещинами. Первым отвалился нижний кусок с песчаным пляжем.

Да что б тебя! — в сердцах подумала Клара.

Бросив семифредо, она закрыла уши обеими руками, пытаясь удержать рассыпающуюся на глазах картинку счастья. Но, казалось, звук проникает сквозь ладони ещё сильнее. После упавшего в замершее море осколка солнца, весь остальной ландшафт вспучился и ссыпался разноцветной мозаикой, оставив её в серой мгле.

Клара застонала.

Телефон надрывался. Лихорадочный, неистовый его звон проникал сквозь стены, плотно притворенную дверь спальни, пробивался под плинтус и пожелтевшие наличники, содрогался меж пяти рожков пыльной люстры, заставляя хрустальные бирюльки дрожать и жалобно позвякивать.

Откуда в нем столько ярости? — подумала Клара и вспомнила, что накладывала на квартиру заклятье тишины.

Полицмаги?

Сердце сделало тревожный тычок.

— Это Наташа Георгиевна, — отозвался Николаша с кухни, угадав как обычно ее страх, и Клара с облегчением выдохнула.

Прикрыв одной рукой ухо и вытянув вторую в сторону ненавистного аппарата, она встала с кровати, и шагнула в прихожую. Голова закружилась, ее мотнуло в сторону, и стены, скрипя дранкой растянули проём почти вдвое, чтобы она не ткнулась в косяк. Пропустив ее, встали на место, шурша штукатуркой и плюясь известковой трухой.

Клара наощупь сняла подпрыгивающую от нетерпения трубку, и с облегчением выдохнула:

— Алло.

— Ты спишь? Кларисса! Немедленно проснись и ответь, сколько денег у тебя есть? — Властный голос Гоши взорвался в голове Клары энергичным аккордом, чистым, звонким и со сводящей с ума экспрессией.

— Как ты дозвонишься до меня?

— Звонила-звонила, и дозвонишься. — Трубка захохотала Гошиным голосом.

— Какой сегодня день?

— Четверг, Кларисса, четверг! Ты спишь уже третий день!

— Третий? — Клара от возмущения проснулась окончательно. — Но прошло не больше пятнадцати минут!

— Во сне? А ты думала заснешь как медведь на зиму и все это время проведешь на курорте? Ха-ха-ха! — радостно хохотала Гоша, и Клара, вспомнив про взлом правительственного замка и книгу, закипела. Чему это она так радуется? Потом вспомнила ее вопрос про деньги.

— Деньги? Ты спросила про деньги?

— Да деньги. Не таюны, Клара, настоящие деньги! Из бумаги, с водяными знаками! Красные, можно зелёные, с портретами. А лучше, если это будут монеты времён Королевы Анны, что показывала нам в детстве бабуля Гретхен. Таюнами ты никого не удивишь!

— Монеты, — пробормотала Клара растеряно. — Когда это было... Я вообще не знаю, есть ли у меня такое... А кого это ты собралась удивить «настоящими деньгами»?

— Слесаря, Кларисса! — радостно кричала в трубке Гоша. — Я его нашла!

Слесарь? Сердце отчего-то скакнуло и забилось робким зайцем. Слесарь — это хорошо! Это не полицмаг! Четверг, значит? И она до сих пор дома, а не в казематах полицмагии? Значит, обошлось! Обошлось! Боже мой!

— Боже мой, Гошенька! Какая радость!

— Он готов прийти и провести осмотр, когда ты будешь готова его принять.

— Осмотр? Кто готов? Куда прийти? — не поняла Клара.

— Да слесарь, же, господи! Батарея твоя, в кухне!

От радости Клара села бы прямо на пол, не поднырни предупредительный пуфик хозяйке под зад. И наконец-то до нее дошло, о чем говорила Гоша.

— Настоящий слесарь? Не с дивными пассатижами, с настоящими? Ты уверена? Не аферист?

— Да нет же, не аферист, проверенный человек! Найди монет, сколько сможешь. Он не берет таюнами. Пошарь в бабушкиных закромах, наверняка что-то осталось.

— Где ж т-ты его?... От-ткуда? — от волнения и ощущения полноты вернувшейся жизни Клара начала заикаться.

Трубка затряслась от смеха, выпрыгнула из рук и закачалась на упругом, свёрнутом в тугие колечки, проводе.

— погоди, — крикнула она трубке, — я сначала в Жилкоммаг схожу.

— Только время потеряешь, Кларисса!

Клара хотела было уже положить трубку на рычаги, но вспомнила про самое главное.

— Гоша! А как с ... ну сама знаешь с чем. Ты сожгла то, что я тебя просила?

В трубке воцарилась тишина и на миг Клара испугалась, что она вот так открыто спрашивает, а вдруг Гоша ответит, как есть? Вдруг она не сожгла эту проклятую книгу, и она до сих пор лежит у нее дома?

— Да, Кларисса, твоя просьба выполнена, — тысячи тонн тяжелого груза упали с плеч Клары, она вздохнула с облегчением. Однако, что с Гошиным голосом? — Кто-то сделал это до меня, — Гоша говорила так, словно речь была о безвременно ушедшем глубоко близком человеке.

— При встрече расскажешь, — остановила Клара поток слов, готовый вылиться в эфир и положила трубку.

Обошлось! Обошлось! — пело сердце Клары, хотя червячок беспокойства еще подтачивал — слишком мало времени прошло, слишком расстроенный голос был только что у Гоши. Но обошлось же!

Ах! Как хорошо жить!

Она с нежностью подумала про Гошу — какая же она молодец! Выполнила просьбу. Все-таки зря она на нее ругалась, Гоше вовсе не все-равно, что с ней, с Кларой, происходит. Надо будет непременно извиниться.

— А когда же у нас ближайший концерт Лёнечки? — спросила она, заходя в кухню и окидывая взглядом злополучную батарею.

— Завтра, малыш, — откликнулся Николаша. — Но в твоём состоянии, я бы...

— У меня прекрасное состояние, Николаша! Наипрекраснейшее!

— Но со вчерашнего дня билеты на его концерты в “Жар-птице” будут обходиться на пятнадцать процентов дороже.

Клара помрачнела. Опять повышение?! Уже второе за последние три месяца.

— Но как же?..

— А так, дружок, — терпеливо ответило радио, — в связи с завтрашней ярмаркой, в кофейне ожидается наплыв посетителей. Поварам придется готовить больше кофе и марципан, Майеру увеличивать купол, Лёничке надрывать голосовые связки, а Жилкоммагу убирать больше мусора.

— Ах, вон оно что! Жилкоммаг! Куда ж без них, — закипела тут же Клара. — Не вей хандру, Николаша. Лёничку я не оставлю, хоть подними они цену в два раза! А с этими у меня разговор будет особый!

Глава 4. Жилкоммаг

Для посещения Жилкоммага Клара выбрала самое крепкое платье — бабушкино. Свободный фасон необратимо устарел. На худощавой фигуре Гретхен фон Райхенбах цветастый колокол смотрелся когда-то элегантно и нарядно. Клару же платье обтягивало в груди и в талии и делало ее похожей на цветочную клумбу. Ткань, из которой оно было пошито, — «джерси» или «креп», кто теперь знает? — носилась куда дольше нынешних и ремонту подвергалось примерно раз в три года. Лет тридцать ему, наверное, а все как новое. Современный же текстиль, не пойми из чего наколдованный, не переживал прикосновения дивного шила и пяти раз: терял лоск и истирался до дыр.

Фасон? Ну и что? Кто сейчас на это смотрит.

Клара оделась, свернула блондинистые кудри в пучок, сложила в бабушкин ридикюль крокодиловой кожи — редкая и очень дорогая вещь! — могуто-камень, кредитку, очки — тоже бабушкины — реальность в них расплывалась, но зато эти курицы на ресепшене смотрели на Клару с уважением, линияющую блузку с оторванным рукавом.

Страх ее рассыпался вместе с картинкой счастья во сне, и Клара была полна сил и энергии. Беда обошла стороной, теперь можно заняться делами.

— У мусорного контейнера грозовая туча, — предупредил Николаша. — Не забудь зонтик, малыш.

Клара захватила зонтик и «вышла в свет».

Двор стареньких трёхэтажек, разместившихся кружком вокруг детской площадки, мало чем отличался от десятков таких же дворов Малых Вещунов, за исключением того, что ахногены и бурлаки жили в соседних домах, а не как везде — в разных кварталах. Германская среда перемешалась с Российской, Польской и Эстонской.

На этот раз многонациональный двор встретил Клару скандалом.

— Неси в свой! — кричала расфуфыренная ахноген мадам Матильда, преградив мусорный контейнер упёртыми в бока руками. Вокруг неё собралось искрящее частыми короткими молниями тёмное облако. Вон оно что! — догадалась Клара. — Опять бурлаки из пятого в наш контейнер мусор кидают.

— В какой свой?! — визжала в ответ пани Зофья. — Какой свой?! Тут один контейнер на всех!

— Посмотри кругом, флюорограмма слепошарая! — мадам Матильда тыкала наманикюренным пальчиком в окружающие дома. — В третьем есть контейнер, в четвёртом есть, в нашем, втором, есть. Заведите себе свой и хоть живите в нём. Вам, засранцам, там самое место!

Тучка переместилась и треснула прямо над пани Зофьей, брызнула дождиком. Клара открыла зонтик и под его защитой прошмыгнула мимо. Стыдно то как!

— Себя помой, тля обкусанная! — истерила подмокшая пани, не собираясь сдавать позиции. — Нам дворник Жилкоммага сказал пока в этот кидать!

— Дворник?! Ха-ха! Ещё бы ресепшн спросила!

Клара завернула за угол и уже не слышала, что кричала в ответ пани Зофья. Ее щёки пылали.

Нет, в чём-то Матильда была, конечно, права — за каждый вывоз контейнера Жилкоммаг снимал с их карточек кругленькую сумму. Все знали, что жители пятого дома —

бурлаки, которые едва сводят концы с концами и не собираются устанавливать контейнер, просто экономят. Но чтоб вот так ругаться на бурлака! Что там о себе мадам Матильда думает?! Это повезло ей, что бабушка умерла! Она бы не прошла мимо. «Это позор, Матильда Лаас! — сказала бы она. — Твое поведение противоречит цивилизованному и гуманному курсу, что держит правительство Объединенного государства уже второй век! Это недопустимо!» Уж она-то устроила бы ей головомойку.

Откуда, кстати, у мадам Матильды, такие запасы магии, что она вот так просто тратит её на скандалы? И ведь не боится откатов! Занимает весь первый этаж во втором подъезде, одета всегда с колдовской иголочки, а не как все — с дивного шила. Любовника завела? Точно! Может, даже из Жилкоммага. Или от бурлака освободилась? Что-то давно Клара его не встречала — лохматого старенького дедулю.

«Да нет! — возмутилась она собственным мыслям. — Невозможно освободиться от бурлака! Если только...»

Во рту у Клары появилась горечь. Она поспешила достать из ридикюля ядомуцин и закинула горошину в рот. Та дала ежевичный сок и горечь пропала. Клара засунула ее языком за щеку и продолжила путь.

«Всегда! Всегда, помни, Кларисса — ты, как носитель магии, ахноген, должна быть терпеливой со своим бурлаком, — завещала бабушка, и Клара часто повторяла её слова заклинанием. — Господь обделил их магической силой. Они неспособны к полноценной жизни. Ты не виновата в этом. Они не виноваты. Никто не виноват. Так распорядилась природа. Надо беречь и любить своего бурлака и жалеть других. Только тогда ты будешь достойной гражданкой общества».

И Клара любила Наташу Георгиевну Георгиеву. Гошу — как назвала бабушка малышку, когда ее привели социальные службы в их дом, а за ней и Клара, еще не умевшая тогда говорить букву «Р». Гошенька. Любить ее было сложно. Но она любила. Иногда из последних сил. Иногда вопреки. Вот как сейчас. И гордилась этим. Гордилась Гошей. Упрямой, бесстрашной, неуправляемой Гошей. Это она всегда разбиралась с Жилкоммагом, а не Клара. И у нее это получалось лучше всех!

Но сегодня был другой день. Нервотрепка последних дней, протёкшая батарея, цены на билеты Лёничкиных концертов и в конце концов, сон на пятнадцать минут вместо трех дней — Клара кипела, как бабушкина перегонная колба с четырьмя горлышками — из каждого свой продукт: жажда справедливости и возмездия, нежность к Гошеньке, любовь к бабушке, стыд и срам за мадам Матильду. Да за кого они ее принимают?!

Время приёма бурлаков в Жилкоммаге ещё не наступило. Из-за угла, с заднего двора свежеекрашенного двухэтажного особняка, змеиным хвостом тянулась очередь до самой трамвайной остановки. Люди стояли хмурые, в воздухе витало напряжение, вот-вот готовое прорваться. Бесцеремонность Жилкоммага выходила за всякие границы приличия. У них такая очередь скопилась — а им хоть бы что. Закрыли окошко и сидят!

«Вот и фасад опять перекрасили! — со злостью фыркнула Клара. — Как нам стены подправить — так дивной кистью, как себе — так натуральной краской». Она остановилась и поковыряла пальцем свежую шпукатурку, чтобы убедиться, что краска настоящая, а не магическая. «И всё за наши таюны!» Живодёры!

Она старательно пожевала распухшую за щекой горошину, абсорбирующую яд, надела очки и бодро поднялась по ступенькам.

Небольшой с виду, Жилкоммаг вмещал в себя тьму департаментов. Каждое имело окно в

общем огромном зале с высокими сводчатыми потолками, мягкими белоснежными диванчиками и прозрачным киоском ресепшена, по трём из четырёх стенок которого струился голубой туман.

В те далекие времена, когда ученые только открыли ахно-волны и весь мир обезумел от собственного могущества, расширять пространство мог каждый, и жить в таких хоромах, какие сам для себя мог намагичить. Заклятие расширения, появившись однажды, распространилось словно вирус. Но после того, как один город где-то в Восточной губернии полностью исчез — пространство однажды схлопнулось вместе со всем, что в нем было — правительство посчитало это достаточной причиной, чтобы запретить ахногенам применять это закливание. Де, мало изучено, опасно. Но само пользовалось этим в полной мере. Семь государственных служб имели на это право. И Жилкоммаг. Что само по себе говорило о многом.

Клара махнула личной карточкой под носом расплывающейся в очках «курице» и подошла к окну с романтической надписью «Дивные пассатижи».

— Чем могу помочь, фрау Райхенбах?

Приятный голос юного сантехника отозвался в душе Клары трепетом. Он тоже расплывался в очках — свежим, похожим на жасмин цветком, под стать аромату, неизменно сопровождавшего его, который так любила Клара. Правда Гоша говорила, что он пахнет жасмином именно поэтому. Гоша, например, чувствовала пряный аромат пунша. Но думать об этом не хотелось.

— Я... Э... Понимаете... — боевой дух внезапно растворился, будто его и не было. «Соберись, тряпка!» — прикрикнула она на себя, и, прикусив больно губу, выпалила: — Гарантия на ремонт батареи ещё не закончилась, а она снова течёт. Мерзавка!

Выдохнула. Как-то неуклюже получилось — свалила всю вину на батарею. А ведь не за этим шла, кажется.

— Ах да, ваш радиатор, — в голосе молодого жасмина послышались искренние нотки печали. — Конечно, я помню его историю. Установка в две тысячи пятом году, за сто один год до принятия закона о реконструкции систем отопления. Напомню вам, уважаемая фрау Райхенбах, что в программу попали только те приборы, которым не больше ста лет.

Клара, конечно, знала, но за этот год ей всегда было обидно.

— Ах, боже мой! Да что год! — она обворожительно улыбнулась. — Вычтите его из тех недель, когда отопление отключают, в самом деле! За сто лет их накопилось куда больше, верно?

Жасмин покачался на ножке.

— Увы, законом не предусмотрено.

— Ну хорошо, — примирительно сказала Клара, — а причём в таком случае гарантия на ремонт? Гарантия-то ещё действует. А батарея уже течёт.

— При том, что на радиаторы, срок службы которых истёк, гарантия даётся условная. Согласно пункту триста двенадцатого Закона об обслуживании ветхих коммуникаций.

— Если гарантия условная, то почему так дорого? Стоит то она как настоящая! — Клара начала дрожать, догадываясь, к чему ведёт этот прохвост жасмин.

— Чем больше срок эксплуатации прибора, тем выше цена за ремонт, тем меньше срок гарантии. К сожалению.

Похоже, Гоша была права — здесь она ничего не добьётся. Оплачивать снова за «дивные пассатижи» она не собиралась — за прошлые еще не рассчиталась.

— Благодарю вас, — выдавила она из себя и отошла от окна.

«Вот за что ты его поблагодарила, а?» — с досадой на себя спросила она шёпотом.

Розовой ватой светилось окно «Чарующих сновидений» — следующая цель, и Клара приосанилась. С этих-то она наверняка стрясет должок. Клара уверенно поставила на стойку ридикюль.

— Чем могу помочь, фрау Райхенбах?

Хрипловатый басок молодухи неприятно царапнул слух. Наверное, курит сигары грёз без перерыва. А от них, как известно, голос садится и нервы слабые. В очках Клара видела её разлапистой серой ветошью.

— Прошу вернуть таюны за недосмотренный сон! — бойко потребовала она.

— Вы что читать не умеете? — прошипела молодуха. — Написано же, специально для вас!

Она протянула щупальце в сторону, и вдруг над окном запульсировало ярко-красным, и в такт этому истеричному морганию на всё заведение раздались пронзительные гудки. Клара испуганно спустила очки на кончик носа и действительно — над окошком крупными буквами звучало: «За недосмотренные сны таюны не возвращаем!»

Клара затравленно оглянулась. Посетители обернулись и смотрели на неё, благо их всего трое. Она выдавила улыбку, прикрылась ридикюлем и ретировалась к следующему окну — «Дивное шило».

Когда вихляющая, похожая на соплю, модистка выкатила цену за ремонт рукава, Кларе нестерпимо захотелось плюнуть в неё жвачкой ядомуцина, которую она не прекращала жевать с тех пор, как вошла в Жилкоммаг и которая распухла от яда в крупный упругий шарик. Но страх перед откатом в виде неминуемого штрафа за хулиганство, остановил. Не хватало еще на такой мелочи привлечь к себе внимание полицмагов! Как только Гоша умудряется выпрясать из этих крохоборов неустойки и компенсации?! Безобразие! Хорошо, что бабушка не дожила до этих времён!

«Пополню счёт и довольно с меня!»

Терминал обмена ахно-энергии в могуто-камне на деньги приглашал к контакту зелёным свечением.

«Вставьте кредитную карту» — мелодично прошелестел он приятным женским голосом, как только Клара подошла. Она пристроила очки на лбу, вставила кредитку в картоприёмник.

«Поместите могуто-камень в чашу терминала».

Клара зажала могуто-камень в кулаке и протянула руку в жерло обменного агрегата. Этому фокусу ее научила Гоша. Кто не знал — просто ставил камень. Но если его держать в руке, то таюнов начислялось больше — аппарат вытягивал магическую силу не только из камня, но и из носителя руки. Подчистую.

Зелёная подсветка поменялась на синюю, аппарат затарахтел. На табло перед глазами красным вспыхнул текущий баланс:

«Остаток — 572 таю»

Цифра побежала вперёд бодро, за несколько секунд уже показывала «6 890», замедлила темп и дотекла до «13 851», затем едва дотащиась до «19 784» и замерла. С одного камня набралось бы едва ли тысяч двенадцать. Недурно! И это после вчерашнего-то! «Сильна, мать, — сказала бы Гоша».

Аппарат щёлкнул. По экрану поплыли неонам строчки неоплаченных счетов:

- Услуга «Дивное шило». Кредит 5 мес. — 1 020 таю;
- Услуга «Дивные пассатижи». Кредит 11 мес. — 1 725 таю;
- Мытьё парадных — 380 таю;
- Вывоз мусорного контейнера — 633 таю;
- Уборка территории — 547 таю;
- Поездки на транспорте 8 раз — 40 таю;
- Такси «Шустрый ёж» — 415 таю;
- Покупки в «Гурмано-ахно» — 5 930 таю;
- Покупки в «Бурлак-снедь» — 1 730 таю;
- Покупки в «Жар-птица» — 2 745 таю;
- Благотворительная помощь «Жар-птица» — 1050 таю;
- Праздник «Бразильский карнавал». Кредит 12 мес. — 2037 таю;
- Праздник «Хэллоуин». Кредит 12 мес. — 25 таю;
- Праздник «Новый год» 12 мес. — 315 таю;
- Праздник «Окtoberферст» — 18 таю;
- Остаточное электричество — 31 таю.
- Остаток: 1143 таю.

«Спасибо за визит. Ждём вас на следующей неделе» — промурлыкал сытый голос терминала, выплюнул длинную итоговую ленту, и обнулится. Жерло вновь призывно зажглось зелёным.

Клара приходила в себя. Вот тебе и «недурно».

Хапуги!

Едва не плача, она надела очки на нос и проследовала к выходу.

«Всего доброго, фрау Райхенбах!» — уважительно проквохтало на ресепшене.

То-то же! Райхенбахи никогда в должниках не ходили! Она величественно кивнула в ответ и вышла на полуденное солнце.

«Зато по всем счетам оплачено, — бодрилась она. — Протяну как-нибудь до следующей недели, а там загуляем с Гошей!»

Она сняла очки, подождала, пока летняя зелень, дома и тротуары обретут очертания и выплюнула в урну надоевший ком жвачки ядомуцина. Попав прямёхонько в цель, он взорвался феерверком и искрил зеленым пламенем, пока не сгорел. Дрожа подбородком, Клара поспешила на остановку. Силы покинули её вместе с таюнами. Колени слегка тряслись от слабости.

Очередь из бурлаков медленно двигалась. Единственное, выходящее во внутренний двор особняка, приёмное окно осаждали разъярённые квартплатой жители, обиженные природой.

— Повторяю! Квота на этот месяц закончилась! — раздавался осипший от крика голос из зарешеченного окна. — Только двадцать дней! С двадцать первого по тридцатое полный тариф! Полный! Тридцать первое в этом месяце оплачивает «Волшебная курочка»!.. Не ко мне вопросы!.. Отдел соцобеспечения и профсоюз!..

Клара ускорила шаг. Возмущение бурлаков было понятно — некоторые из них не получали должной поддержки своих ахноген, а многие вообще ахноген не имели, работали. Клара всегда думала о работе с содроганием. Были времена, рассказывала бабушка, когда трудовое законодательство защищало права рабочих людей. Но после того, как с появлением магии «экономика дала дуба», правительство отменило налоги, штрафы и права рабочих, чтобы сохранить вымирающий класс производственников. Бурлаки оказались один на один в

борьбе за достойную оплату труда, отдых, больничные и массу других вещей, о которых Клара имела весьма смутное представление. И проигрывали битву.

Голосом рябого председателя Шляйфмена правительство гундосило во всех радио мира:

— Объединенное Государство в полной мере заботится о наших бурлаках: даёт квоты на коммунальные услуги, субсидирует торговые сети «Бурлак-снедь», чтобы сделать продукты доступными, обязывает ахноген проявлять заботу о своих подопечных. Бурлаки должны быть благодарны за это стараться самим выстраивать отношения со своими ахногенами, работодателем и государством...

Всё это было гнусно, несправедливо и унижительно. У Клары, как всегда, от этих мыслей страшно разболелась голова. Домой! В уют тихой двухкомнатной квартирki, туда, где мурлыкал Николаша и цыкали настенные часы, где все проблемы под строгим взглядом бабушки с фотографии решались как-бы сами собой.

Она с нежностью вспомнила про Гошу — какая она молодец, что общается со всеми этими рабочими артелями. И как хорошо, что есть на свете такие слесари, которые умеют держать в руках настоящие пассатижи. А еще Гоша рассказывала, что появилась артель из женщин-бурлаков, которые умеют шить настоящими иглами, а не дивным шилом и даже не колдовской иголкой. Надо непременно пригласить Гошу на пунш и показать ей блузку с оторванным рукавом — авось что-нибудь да придумает. А заодно узнать, что там с этой книгой. Точно сожгла или нет? Хотя она вроде говорила, что там что-то другое... Да, какая разница — лишь бы ее не было! Кто в здравом уме оставит у себя такое?

Глава 5. Снова книга

Идти до дома было всего четыре квартала, но Клара, оставляющая в Жилкоммаге всю энергию дотла, никогда не возвращалась домой пешком, брала такси. В этот раз она решила сэкономить и, преодолевая слабость, дошла до остановки трамвая, нажала на кнопку вызова и держала, пока из динамика не раздался квакающий от злости металлический голос:

— Ожидайте!

Через пару минут подкатил красный шестиместный вагон. Антенны без электрического тока уныло свисали с одной стороны. Клара растерянно осмотрела совершенно пустой салон, и, наконец, села на первое, ближайшее к ней место. Уставившись в окно, она погрузилась в мрачные мысли. Июль на носу, бразильский карнавал должен пройти через Малые Вещуны меньше, чем через месяц, а у нее такие расходы, и совсем не снижаются. А ведь она три месяца как дома после последнего праздничного загула и пытается экономить.

Почему столько на такси? — размышляла она, подрагивая в дребезжащей железом коробушке. — Неужели подлец «Ёж» задрал цену и не предупредил? Она вспоминала, куда каталась за прошедшую неделю, загибая пальцы. По всему выходило, что поездок было действительно много, и «Ёж» даже дал скидку.

Что ещё за благотворительная помощь Жар-птице? — недоумевала она. Но и тут память заботливо подкидывала туманные фрагменты Лёнечкиных концертов, после которых муто-камень был совершенно пуст.

Долги за карнавал, новогодние гуляния...

Но жить без праздников она не могла.

Как у всех ахногенов, в них заключалась вся ее жизнь. Их было много. Очень! Если праздновать все, то суток будет не хватать. И сил. Клара выбирала для себя самые-самые.

— И совсем немного, если разобраться, — проговорила она вслух, чтобы убедить саму себя. — Новогодние карнавалы, Рождественские гуляния, — она закрыла глаза и почувствовала запах елки, мандарин и сгоревших бенгальских огней. Напряжение немного спало, и проблемы стали отступать. Ах, начинается все с Нового года!

Потом праздник ездовых собак,

Новый год Китайской среды,

День Святого Валентина,

Международный день баек и заканчивается

Масленичными гуляниями и катаниями на санях.

Хорошо!

Она так ясно представила себе поздний февраль, что услышала, как шуршат по снегу нарты, звон колокольчиков, и почувствовала ледяной ветер, от которого немеют щеки.

— А потом горячий глинтвейн, баня и травяной чай со смородиновым вареньем, — поддакнул внутренний голос, который звучал сегодня как-то по-особенному. Так разговаривала бабушка в редкие дни благодушного настроения. Так, только все же не совсем так. Странно.

— Баня? Это бабушка баню уважала, но я ее терпеть не могу, — возразила она внутреннему голосу.

К марту Клара умудрялась наделать долгов, которые оплачивала потом целый год, и так уставала, что тихие и спокойные праздники, посвященные назревающей весне, приходились

очень кстати, чтобы восстановить силы и запасы магии.

— День бабы Марты, — с теплотой в сердце перечисляла она, —
Всемирный день природы,
Международный женский день,
День кикиморы и угощения домового,
И две замечательных недели: неделя неторопливости и неделя сна.

— Я тоже люблю это время. Приятно иногда ничего не делать, — произнес внутренний голос так же душевно, ласково и снова как-то странно. Но Клара не могла уловить, в чем для нее заключается эта странность.

— Бабушка всегда говорила: «У лодыря что ни день, то лень» или «От безделья дурь наживается». Я не могу понять...

Она задумалась — от духоты в трамвае не мудрено и голоса всякие слышать, и даже бабушкин. Но у этого непонятного голоса было словно бы свое собственное мнение, отличное и от ее, и от бабушкиного.

И она решила проверить его, высказав то, что скрывала от всех, даже от бабушки:

— Ну кто, скажите на милость, придумал дни посадки деревьев и цветов? А международный день трудящихся, дни творчества, пчел, пингвинов, божьих коровок? Это не праздники, а настоящие пытки! А всемирный день самоосознания, просветления и ухода в Нирвану? Нирвана — это совсем-совсем другое! Это Бразильский карнавал, уж мне ли не знать?!

Клара прислушалась. На этот раз внутренний голос промолчал, вероятно не одоблив такой смелости. Бабушка считала, что именно эти праздники бурлаков заряжают качественной ахно-энергией по горлышко и надолго. Но у Клары всегда было другое мнение. С середины апреля до середины июля она усыхала на этих мнимых торжествах от скуки, спасаясь лишь концертами Лёнечки.

— А как же родительский день? — наконец, спросил внутренний голос.

— Не сравнивай! — ответила она с достоинством. — Эти дни я бы назвала рабочими — от ритуалов устаешь так, как будто... — она задумалась на миг, — вагоны разгружаешь, — хотя совершенно не имела представления, как это делать, вагоны-то вот они, трамвайные, и зачем и от чего их разгружать? — Правда и отдача от этих дней большая. Родительский день, Троица, День Ярилы Мокрого, Ивана Купала, Хаоса и беспорядка — все они заряжают могуто-камни под завязку. Они, а не какие-то то там дни бурлаков. «Весенний день год кормит», так-то! — вкрутила она возникшую в голове пословицу и осталась очень довольна собой.

— Только что-то все так дорожает, — вернулась она к тягостным мыслям о потраченных только что в Жилкоммаге таюнах. — А коммунальщики так и вовсе озверели!

Вдруг всплыла в памяти строчка из терминала и, лихорадочно порывшись в ридикюле, она вытащила на свет чековую ленту. Пробежав глазами, щёлкнула по ней пальцем.

— Ну вот же! Какое ещё остаточное электричество, а?! Тридцать один таюн! Вот и растрата! — злорадно выплеснула она гнев в жаркий от солнца салон. — Сорок лет уж как нет никакого электричества! Будьте любезны! Ещё и остаточное!

— Если у тебя провода все еще в квартире натянуты, то так оно и есть, милая, — сказал все тот же, похожий на бабушкин голос и Клара вдруг поняла, что он ей не чудится. Она подпрыгнула на месте и обернулась. Позади неё сидел сухой старик — седые волосы, пушком обрамляющие лысую маковку, и глаза, как у бабушки, добрые и улыбающиеся.

Только вот взгляд постоянно бегаёт: то в окно, то на Клару, то на сиденье, то в пол устываются, а потом опять.

— Ох... Э... А я думала, что одна тут, — смутилась она, пытаясь проследить за взглядом, но голова сразу закружилась и она бросила это дело. — Так это мы с вами?.. Э-э... — Она покраснела и хихикнула.

— И ничего они поделать с этим остаточным электричеством не могут. Гуляет по проводам, — говорил старичок о своем.

— Скажите... Э... Герр..

— Кауфман!

— Герр Кауфман. А как-нибудь можно от него избавиться, от этого проклятого остаточного электричества?

Динамик над ухом Клары ожил, прокашлялся и сердито фыркнул:

— Фрау Райхенбах! Приехали!

Только сейчас Клара заметила, что трамвай стоит, двери открыты, и она задерживает движение.

— Только реконструкцией, — с готовностью торопился Кауфман. — Только брать и выдёргивать к чертям собачим эти провода! — он рубанул сухой ладошкой воздух и уставился на открытые двери трамвая.

— Но это Жилкоммаг опять? — опешила Клара, посмотрев туда же, куда смотрел старик.

— Фрау Райхенбах! Ваша остановка! — плюнул динамик.

— Иду-иду!

Она потянулась за ридикюлем и вдруг увидела рядом с ним... книгу!

Клара мгновенно вспотела. Оглянулась — в вагоне никого. Старичок исчез, но еще звучал в раскаленном воздухе его старческий голос:

— Можете и своими силами. Только у вас мало времени. Торопитесь! Скоро правительство примет три тысячи седьмые поправки, и тогда только через Жилкоммаг!

Однако, Клара едва слушала, она смотрела во все глаза на книгу, чувствуя, как замирает в груди сердце от страха. Книга лежала так, словно была ее, Кларина. Она сразу поняла, что это та самая книга. Она, конечно, не помнила ни ее названия, ни автора. Но эту грязно-зеленую обложку с красными, будто кровавыми буквами, она запомнила очень хорошо. Сглотнув пересохшим горлом, Клара оглянулась. В трамвае по-прежнему никого не было.

Но кто знает эти трамваи — они ведь все видят, все слышат...

— На выход! — голос готов был сорваться на крик и Клара, раздражаясь, ответила:

— Да боже мой, добавьте один таюн за ожидание!

Оставь она книгу здесь, и сегодня же придут полицмаги и начнут задавать вопросы: что за книга, откуда взяли, почему лежала на вашем сидении? Где вы были в воскресенье с десяти утра и до трех дня пополудни? А Клара ничего не знает ни про какую такую книгу, и понятия не имеет, где эти книги водятся и откуда берутся. А они ответят, что факты на лицо и не знание закона не освобождает от ответственности. Есть доказательства! Какое наказание за кражу и хранение научной литературы? А это непременно научная, теперь уж точно! потому что никакая другая не будет называться «Философия энергии ахно-волн». Десять лет колонии поселения — вот какое! Без права использовать магию.

Клара лихорадочно запихнула книгу в ридикюль, дрожа всем телом соскочила с подножки отъезжающего вагона и обернулась. Трамвай был все также пуст. Кауфмана по-

прежнему не было, он словно растворился в мареве жаркого трамвая, но его голос продолжал неутомимо вещать:

— Месяц у вас от силы, а то и меньше. Торопитесь!

Не помня себя от страха, Клара зашла домой, закрылась на все замки и, не разуваясь, прошла на кухню по давно не мытому полу. Она вытряхнула книгу на стол и немного посмотрев на нее, накрыла кухонным полотенцем. В ней все же теплилась надежда, что она ошиблась, и это какая-нибудь детская книжка про котиков. Но отнюдь. У котиков ахно-энергию, слава богу, пока не обнаружили. Хотя, может лучше было бы, чтоб нашли, чем вот это... Боже мой! Боже мой! Что же делать?! Ни в коем случае не открывать! И не смотреть! И конечно, не читать!

— Хочу напомнить тебе, мой маленький друг, что печатные книги научного содержания запрещены в обиходе распоряжением правительства номер два-два-три-пять-ноль, — проснулся Николаша.

— Да знаю я! — застонала Клара. — Опять эта проклятая книга! Что мне с ней делать?!

— Обратиться к тому, кто знает, дружок, — ответило радио, а Клара почувствовала, как рот наполняется горькой слюной.

— А то я без тебя не сообразила бы, — съязвила она, — за дуру меня держишь? Только к кому обратиться?!

Гоша! Ну конечно! Пусть приходит и забирает эту дрянь! Немедленно, прямо сейчас!

Она вернулась в прихожую, подняла трубку телефона и тщательно проговаривая слова, сказала: «Наташу Георгиевну Георгиеву, улица Чудотворчества, семь — восемь».

В трубке затрещало так, что ее пришлось отнести от уха подальше, и вскоре сквозь треск прорвался далекий голос Гоши:

— Алле! Клара! Что случилось? Клара! Что ты молчишь? Что произошло?

Звук был такой, словно между ними было не пять кварталов, а по меньшей мере пять световых лет. Клара открыла было рот, но тут же укусила себя за язык — чуть сама себя не спалила. Нельзя говорить! Вдохнула поглубже и плаксиво пожаловалась:

— Батарея, дрянь такая — опять бежит! Боюсь рванет, и что делать? А Жилкоммаг — крохоборы и жулики!

Трубка немного потрещала и голос Гоши решительно прокричал:

— Пока ничего не делай. Жди меня...

— Я жду, Гоша! — почти рыдая, ответила Клара. — Очень жду! Приходи как можно скорей! — она всхлипнула. — Я пунш сварю, — добавила она уже совсем тихо в ответ на прерывистые гудки, возвестившие, что сеанс связи окончен.

— Умное решение, дружок, — похвалил Николаша.

Она переобулась в домашние тапочки и в поисках защиты надела розовую пижаму. Клара в ней все еще походила на праздничный торт из-за многочисленных оборок и рюш, хоть эта вещь и была изрядно поношена, пуговицы оборваны, тесемки истерты до дыр. Всегда, когда Гоша ее надевала, она чувствовала себя как в скафандре, под защитой. Но не сегодня. Могучо-камень был пуст, организм потряхивало от слабости, хотелось плакать — вот прицепилась же эта проклятая книга! Глядя на бабушкину фотографию, Клара попыталась найти себе место то на одной табуретке, то на другой. Под разными углами бабушкин взор менялся от укоряющего до откровенно насмешливого. Что делать? Чтобы ты сделала? — спрашивала она ее мысленно. Но бабушка молчала. Даже как-то немного презрительно.

Наконец квартира загудела от дверного звонка. Клара подпрыгнула от испуга, потом поморщилась — как-то он там настраивается, надо Гошу попросить, — и пошла открывать. Дверной глазок показал ей Гошу с вытянутой нижней челюстью, отчего она еще больше походила на лошадь. Но это была такая долгожданная лошадь!

В присутствии Гоши мир всегда становился легким и ясным. Как же она соскучилась по ней! Как у нее только язык тогда повернулся попросить Гошу уйти? Клара схватила ее за руку и провела на кухню, не дав разуться:

— Вот, полюбуйся! — Она скинула с книги полотенце.

Гоша открыла рот и замерла.

— Книга? — выдохнула она и удивление на ее лице сменилось растерянностью, а глаза засветились радостью.

— Книга! — Клара не удержалась, чтобы не съязвить. — Твоя любимая! Может, объяснишь, что это значит? Почему она меня преследует?

— Книга? — глупо повторила Гоша, в то время, как ее рот сам собой растягивался в улыбке.

— Книга-книга! — передразнила со злостью Клара, плюнула и ушла в комнату.

Вот что делать с этой ненормальной? Она ее под монастырь подведет!

Клара вспомнила, что обещала сварить Гоше пунш за спасение от книги. Последнее, что попыталась изобразить сама Гоша, она могла назвать только пойлом. Может, Гоша не смогла найти тогда бабушкин блокнот с рецептом? Клара открыла верхний ящик комода и сразу сверху увидела пухлую от вклеенных страниц книжицу — вот же он. Сколько раз замечала — кладет в кухонном шкафчике, а находит потом в комодах. И сейчас...

Внезапно в кухне раздался крик Гоши, наполненный отчаяньем и горем. Бросив все, она побежала на этот крик и обнаружила подругу, сидящую за столом с раскрытой книгой, бледную, с перекошенным лицом.

— Что? Да говори же! — запаниковала Клара. — Что еще?!

Гоша указала на ёршик вырванных страниц посреди книги — добрая треть или больше.

— Вот и в той, которую мы на фабрике нашли, тоже самое...

— Так же страницы выдраны?

Гоша кивнула.

— Самое главное, Кларисса! Самую основу в этой книге вырезали, сволочи! — столько было в этих словах отчаянья, на Гошу было больно смотреть.

— Фух! Обошлось! Гошенька, радость-то какая! Обошлось! самого главного нет, говоришь? Так на нет и суда нет, Гошенька, понимаешь?! Хрен теперь они что докажут, Гошенька!

Клара испытала такое невероятное облегчение, что чуть было не запрыгала на месте.

— Это точно надо отметить, — сказала она и вернулась в зал за бабушкиным блокнотом.

Кухня преобразилась. Послеполуденное солнце ласково светило сквозь оранжевые занавески, настенные часы весело и звонко тикали, Николаша громко мурлыкал, а могуто-камень, лежащий до сих пор серым булыжником, мерцал зелеными искрами и вовсе стал похож на себя, на изумруд.

Лишь Гошино пасмурное лицо выбивалось из общей картины веселья. Но Клара знала — это поправимо. Пара бокалов хорошего пунша, и Гоша будет в норме.

— Щепотка кофе, две ложки горного мёда, горсть цукат, два ломтика лайма, разогретый

ром, — прочитала Клара вслух единственный рецепт, который смогла когда-то разобрать в бабушкином блокноте. — Эмульгированный порошок расторопши на кончике ножа, флюидировать могоуто-камнем три минуты и двадцать пять секунд, добавить в пунш, как образуется пена... Как же я забыла! Расторопши-то и нет!

— Паршивый денёк! — резюмировала Гоша, глядя с тоской на книгу. — Без расторопши ни вкуса, ни задушевности.

Клара покидала все ингредиенты в кастрюлю, довела до кипения, разлила тёмную жидкость по пузатым бокалам, поставила их на стол и, наконец-то присела.

— Надо будет поискать расторопшу в бабушкиных комодах, — сказала она. — Но сегодня, ты уж прости, столько волнений. Она глотнула из бокала и сказала:

— И без нее получилось значительно лучше, чем та бурда, что готовила ты.

Гоша хлебнула свой и согласно кивнула.

— Где ты ее взяла? — спросила она, кивая на книгу.

Клара представила, как расскажет практичной Гоше историю про какого-то Кауфмана, который то ли был, то ли нет, про остаточное электричество, и как Гоша поднимет ее на смех, или еще хуже — подумает, что она свихнулась. Клара неопределенно махнула рукой в сторону окна.

— Так, один человек отдал. Хоть про что она?

Они чокнулись бокалами, сделали по глотку. Гоша, хоть и выглядела все еще расстроенной, но глоток сделала большой и расслаблено оперлась на стену. С густыми короткими волосами, зачесанными назад, полуприкрытыми глазами и немного выпирающей вперед нижней челюстью она походила на львицу, которая сейчас отдыхает. От ее мощной полногрудой фигуры веяло силой, и хоть она была старше лишь на год, Клара всегда чувствовала себя рядом с ней маленькой глупой сестренкой.

Атмосфера в кухне неуловимо менялась. Жилкоммаг остался где-то там, за окном, опасность миновала, вечер стал добрым и томным.

— Может, помнишь... — сказала Гоша. — Вам, ахногенам, в школах преподавали предмет «Основы магии». Это потом теоретическую часть отменили и оставили только практику освоения могоуто-камня.

— Конечно, — Клара не любила вспоминать школьные годы. Науки ей не давались, учёба была сущей пыткой. — Как подумаю про те толстенные формуляры, так трясоти начинается. И правильно сделали, что отменили.

— Так вот. Этот учебник был основан на открытиях Ильи Васильевича Кравцова. Его-то хоть знаешь?

— За дуру меня держишь? — лениво отозвалась Клара. — Я уже неделю вздрагиваю от этого имени. А что он... открыл?

Гоша хмыкнула.

— Он обнаружил и доказал, что люди при соблюдении определённых условий, могут увеличивать своё энергетическое поле от нескольких сот до десятков тысяч раз. Эту энергию он окрестил ахна-волнами и смог их не только определить, но и измерить, изучить свойства и что самое важное — нашёл способ аккумулировать.

— Так он ученый?

— Да, Кларисса, его имя под грифом “секретно”.

— Он в тюрьме?

— Нет, конечно, — улыбнулась Гоша. — Он умер.

— Ох, — вздохнула Клара, и кажется, даже немного обрадовалась. У Гоши страха не было совсем, она ведь запросто могла водить знакомство с таким опасным человеком.

— Есть версия, что его убили. Только это так давно было, лет пятьдесят прошло. Сейчас правды не найдешь, — грустно сказала Гоша.

Клара помолчала. Видно было, что для Гоши вся эта история с Кравцовым имеет большое значение. Но ей ответить было нечего, и она ради вежливости спросила:

— А где он... его... В Москве?

— Да, наверное. Никто не знает. Большие умы всегда живут в столицах. Но говорят, что его последователи смогли похитить труп из-под носа у самого ЧК.

— Зачем?

— Затем, что человек, который столько сделал для людей, имеет право упокоиться с миром, по-человечески. А ЧК его труп просто бы сжег.

— Какой страшный человек это был, наверное, Гошенька... Но откуда ты знаешь про все это? Про ахно-волны, про открытия. Вам же «Основы магии» не преподавали.

— Тогда «Основы» были доступны в школьных библиотеках всем. Я успела ее прочитать до того, как учебную литературу тоже запретили. Потом, лет десять спустя, мне удалось достать следующую книгу Кравцова «Свойства и закономерности ахна-волн», хотя это было не просто. В ней он подробно раскрывает их природу.

— Ах, Гошенька! Неужели всё, что ты знаешь про терминал и всякое такое — это из этой книги?

Гоша, зарумянившаяся от пунша, кивнула.

— Можно и так сказать. Я прочитала все работы Кравцова, которые нашла. Всего пять. Так вот, Кларисса. Эта книга — продолжение и его последний труд. Здесь он завершает исследование, делает его полным и всеобъемлющим. Очень важный, — она с тоской посмотрела на книгу. — И в нем кто-то вырвал самую суть!

От звонка в дверь подпрыгнули обе, и даже Николаша перестал мурлыкать.

* * *

В свете закатного солнца цветущие кусты жасмина были словно окутаны розовым облаком. Полулежа в шезлонге, Войцех вдыхал аромат сигары Павлыча, густо замешенный на цветочном флере. После нескольких дней мучительного отката и реабилитации от чужой магии, после недели напряженных поисков информации о Клариссе фон Райхебах и Наталье Георгиевны Георгиевой, их окружении, образе жизни и круге общения, муторной аналитики полученных данных по ночам, он чувствовал себя опустошенным, и сейчас умиротворяющая атмосфера сада усыпляла его.

Павлыч не торопил, предоставлял Войцеху самому начать разговор с того, с чего сам захочет. Но говорить не хотелось. Данные были противоречивые.

— Ее бурлака зовут Гоша, — лениво сказал он.

— Георгий? — от неожиданности Павлыч вскинул голову и посмотрел на Войцеха. — Ты же говорил — были две женщины, и бурлак тоже вроде...

— Наталья Георгиевна Георгиева, или Гоша. Гоша — это второе имя, которое ей дала старуха.

Лицо Павлыча брезгливо сморщилось.

— Что за... бред! Как можно назвать женщину таким именем?

Войцех пожал плечами.

— Она, судя по тому, что я о ней узнал, больше Гоша, чем любой Георгий... Что с

человеком, о котором вы говорили?

— Он уже в деле. Нужно немного подождать.

Подождать... Что ж, он подождет.

Эта... Гоша... была не простой штучкой. Все артели города, а было их двенадцать, были так или иначе в поле ее интересов. А как известно — чем в большие группы собираются бурлаки, тем они опасней. Правительство, конечно, пыталось регулировать их численность, ограничивая количество патентов. Но плодилось при этом все больше нелегалов. Все это была сфера, почти недоступная Войцеху. Павлыч помог бы, если б Войцех попросил. Но он не просил. Он хотел сам разобраться в этом простом на первый взгляд, но сложным на поверку деле.

Он начал официальное расследование. Все-таки когда речь идет о научлите, повышенного внимания не избежать. Шеф пока что сильно не донимал с результатами. Но это пока. Еще пара недель и банальными отговорками не отделаешься. Войцех надеялся до этого времени успеть.

Кроме того, было у Войцеха еще кое-что к этому делу, глубоко личное.

Голова немного кружилась от аромата жасмина, нежного взгляда младшей дочери Павлыча и открывающихся перспектив стать самым молодым сыщиком, поймавшим вора научлита.

Глава 6. Слесарь Иннокентий и нетерпение полицмага

Набат дверного звонка разрывал перепонки.

«Полиц-маги! Полиц-маги!» — в такт сердцу отзывалось в груди Клары. Она сжалась от страха и посмотрела на Гошу — что делать?

— Не надо таких глаз, Кларисса! — строго сказала та. — Это всего лишь слесарь.

— Слесарь?! — эхом повторила Клара.

— Батарея! — Гоша кивнула в сторону ржавого чудовища. — Я тебя просила настоящие деньги. Ты нашла? — и она закатила глаза в ответ на молчаливое мотание головой. — Иди, открывай, не стой столбом... Хотя, не надо, я сама разберусь! Только не ляпни чего-нибудь лишнего.

Гоша прошлёпала босыми ногами в прихожую, а Клара в последний момент накинула полотенце на книгу, лежащую на столе.

Вопреки ее опасениям, это и правда оказался слесарь.

Ещё вчера она сморщила бы носик от появления такого человека в своей, пусть и давно не отремонтированной квартире — натуральный пролетарий! Но сейчас несказанно обрадовалась небритому мужику в рабочем комбинезоне, с грязными ногтями, пропахшему машинным маслом и табачным перегаром.

— Чаю? — любезно предложила она, не зная, как разговаривать с настоящим мастером.

Презрительно скользнув по ней взглядом, он процедил сквозь зубы, обращаясь к Гоше:

— Эта что ли?

— Эта, эта, Иннокентий! Ты уж будь любезен, осмотри её как следует.

«Кто «эта»? Я?! Осмотреть?!» И только в этот момент Клара осознала, что стоит перед мужчиной в пижаме, что само по себе было не просто стыдно, а даже как-то возмутительно. И почувствовала, что краснеет от этой мысли, как школьница.

— Подвиньтесь, фройлян! Батарею гляну, — прогудел слесарь, делая рукой жест отойти.

Клара, жаркая от стыда, вжалась в стенку и перетекла по ней к дверному проёму, а потом выметнулась вон. Первым делом она открыла ящик комода наудачу и сразу же увидела старинную монету, лежащую поверх свертков и маленьких ящичков. Как кстати! Кажется, еще пару часов назад ее тут не было. Она замерла на секунду, размышляя над тем, что пора бы навести в комодах свой порядок и понять, наконец, что тут лежит. Клара взяла ее, переодевшись, вернулась в кухню и уместилась на свободном пятачке.

Иннокентий, заполнял собой все пространство. Он уже отодвинул обеденный стол в сторону — так аккуратно, что фотография бабушки даже не шелохнулась — покрутил что-то металлическим инструментом, видимо далёким предком «дивных пассатижей», крякнув от тяжести, снял батарею с кронштейнов и бережно уложил на пол, предварительно застеленный полиэтиленом. Ржавое чудовище капитулировало, исторгнув из недр грязно-коричневую лужу. Такой магии Клара, пожившая и выдавшая всякое, никогда еще не встречала и, затаив дыхание, следила за работой слесаря.

Батарея тем временем продолжала эволюционировать в руках Иннокентия, раскладываясь на отдельные «рёбра» — кто бы мог подумать! — высвобождая мелкие круглые запчасти.

— Ну вот, фройлян, — пробасил, наконец, слесарь, протягивая ей под нос круглые шулки, раненные ржой до дыр. — Ниппеля сгнили! Дадите новые — соберу, и прослужит ещё двести лет.

— Ниппеля?! — задумчиво выдохнула Клара незнакомое слово, пробуя его на вкус. — Ниппеля, значит? А где? Кто? Есть такое место?

— Есть! — уверенный голос Гоши расставил все необходимые точки куда надо, и ни у кого не возникло сомнений, что такое место, где водятся ниппеля, действительно существует. — Только нам нужно время, чтобы их достать.

Небритое лицо слесаря недовольно нахмурилось. Клара протянула слесарю монету.

— Вот аванс, возьмите.

Иннокентий расправил нахмуренные брови, попробовал зачем-то монету на зуб.

— Лады, — изрёк он и усмехнулся. — Посмотрим, как вы их достанете.

— Приходи послезавтра. Будут тебе ниппеля, — ответила Гоша.

Слесарь почесал недельную щетину, ощупал взглядом Клару, Гошу, немного поразмыслил над останками батареи.

— А это пусть так?

— Не убежит. Оплатим, как договаривались, за результат. Аванс можешь оставить себе.

— Добро, фройлян.

Слесарь аккуратно сложил монету в нагрудный карман, застегнул на пуговку и двинулся на выход. Перешагивая через останки батареи, он неловко повернулся и двинул бедром стол. Книга и бабушкина фотография полетели на пол. Клара успела подхватить фотографию, но книга с громким шлепком упала и распахнулась, демонстрируя свое изуродованное нутро. Сердце у Клары сделало скачок и замерло. Гоша оказалась проворней — подняла книгу, закрыла ее и сунула под мышку. Атмосфера в кухне раскалилась и искрила, готовая вот-вот разразиться в гром.

— Книги читаете? — спросил слесарь. — А я вот специальную литературу нигде найти не могу.

— К-какую, сп-пециальную? — спросила Клара, заикаясь от страха.

— Инструкции к разному оборудованию. Станки есть, а как ими пользоваться никто не знает.

— И как справляетесь? — спросила Гоша.

С виду Гоша была совершенно спокойна, словно бы теперь не было третьего. “Знает третий, знает и свинья” — так, кажется, бабушка говорила, или нет? Клара не помнила. Но уверенность Гоши немного ее успокоила. Действительно, откуда этому бурлаку знать про ученого Кравцова и его книги?

— Ищем по частным библиотекам. Но у людей в основном сохранилась художественная литература. Приключения всякие, про космос.

— Космос? — спросила Клара, и под грозным взглядом Гоши прикусила язык.

— Да. Но технической литературы ни у кого нет. Единственная библиотека, где я хоть что-то нашел — это у Майера.

— Библиотека у Исайи Майера? — с удивлением спросила Гоша. — Вот уж не думала, что у жадного ресторатора может быть страсть к подобного рода искусству.

— Не знаю, о каком вы искусстве, фройлян, но за паспорт к фрезерному станку мы заплатили ему дороже, чем стоит сам станок... А у вас что за книжечка?

— Руководство по вязанию макраме, — улыбнулась Гоша, настороженно зыркнув на

слесаря и прижав к себе книгу покрепче.

Он хмыкнул и почесал щетину.

— Даже не слышал о такой, фройлян... Ну лады, тогда. До послезавтра.

Обдав Клару густым смешанным духом, в котором она учуяла терпкий запах пота, слесарь покинул квартиру.

— Здорово это ты про макраме придумала, — восхитилась Клара, закрыв за слесарем дверь на все засовы. — Я уж думала все!

— Макраме — одно из многочисленных увлечений Илья Васильевича Кравцова, — задумчиво ответила Гоша, садясь за стол. — Само на язык прыгнуло.

— А, вон что... А что это — макраме?.. Гоша, да что с тобой?

— Макраме? — очнулась Гоша от каких-то своих мыслей. — Я тебе расскажу как-нибудь. Может, даже покажу. Тебе вот на это окно пошло бы. А когда ближайший концерт Лёнечки?

— Так, э-э... — опешила Клара от вопроса. — Кажется...

— Завтра, — пришел на помощь Николаша. — А макраме — это..

— Заткнись! — беззлобно сказала Гоша, но радио все-равно обиделось и умолкло. — Завтра идем на концерт.

Сердце Клары радостно заколотилось.

— Но ты же не любишь... Да и билет для тебя будет стоить... сама знаешь.

— Это неважно. Деньги у меня есть. Я и не буду на концерте, Кларисса. Там будешь ты.

— А ты? — не поняла Клара.

— Посещу библиотеку Майера, — Гоша прищурила глаза и выпятила вперед нижнюю челюсть. Если у него есть эта книга — я найду ее.

Клара закусила губу.

— Ты опять?!

Гоша посмотрела на нее долгим взглядом и мягко сказала:

— Ты не будешь нарушать закон в этот раз, дорогая. Никакой запрещенной магии. Мне просто надо беспрепятственно пройти под купол. Бурлаков без сопровождения ахногенов не пускают, ты же знаешь. Мы придем и уйдем вместе. Ты будешь наслаждаться Лёнечкиными трелями. А я уйду с книгой... или без нее.

* * *

Сидя в тишине своей холостяцкой квартиры ранним утром Войцех размышлял.

Только что он разговаривал с Павлычем по телефону. В-общем то разговор был коротким. Он сказал всего две фразы:

— Они клюнули. Жду тебя.

Телефону доверять было нельзя — лишние уши, причем сложно узнать сколько их и чьи они. Так что Войцех собирался в гостеприимный дом Семена Павлыча, однако, он лишний раз хотел все хорошенько обдумать.

Итак, все оказалось намного проще, чем выглядело на первый взгляд. Его «подопечные» проглотили наживку, которую закинул агент, и сегодня ловушка захлопнется, прямо во время концерта Леонида Мяконького, в библиотеке Исаяи Майера, которую он хранил в одном из помещений «Жар-птицы». Доказательства в воровстве и хранении научлита будут неоспоримы.

Впервые за прошедшую неделю Войцех позволил себе немного расслабиться и посмотреть на всю эту историю со стороны, как их учили в полицакадемии.

В какие причудливые кренделя заворачивает иной раз судьба! — думал он. Кто бы мог подумать, что жгучее любопытство к той старухе в детстве приведет его к раскрытию преступления, совершенного ее внучкой.

Казалось бы, где связь? Но связь была прямая.

С тех пор, как Семен Павлыч вытащил его из той могилы, полумертвого от страха, с тех пор, как он, глядя Войцеху в глаза и держа его за плечи, встряхнул и сказал: «Ты справишься. Это страх. Всего лишь эмоция. Борись!» С тех самых пор Войцех жил тем, что боролся.

Старуха преследовала его всегда. Она перестала ходить на кладбище, но ему всегда чудилась ее сутулая невысокая фигура среди тех редких посетителей, что приходили на могилки. Он вздрагивал и отводил взгляд, но вскоре снова всматривался, чтобы убедиться, что это она. И всегда оказывалось, что он ошибся.

По ночам он просыпался с криком, потому что внезапно всплывало перед ним ее лицо с ястребиным клювом, а за плечами хлопали дымные крылья. Она кричала непонятные слова, протягивая к нему скрюченные пальцы с длинными загнутыми внутрь ногтями; глаза ее, цвета инея с пылающей радужкой сковывали его льдом, с клыков капала кровь. Он хотел бежать, но не мог двинуть ни единым мускулом.

Так продолжалось несколько лет, до тех пор, пока Павлыч, дослужившийся за это время до капитана, не взял однажды его за руку и не привел на могилу старухи.

— Посмотри, — сказал он. — она умерла. Уже больше года прошло. Твой страх умер вместе с ней.

Тогда Войцех впервые заснул без кошмаров. Ему было уже пятнадцать.

Однако все было не так просто.

За долгие годы ночных страхов старуха прочно обосновалась в его голове. Кошмары не ушли совсем, но стали иного толка. Старуха больше не пугала его и стала приходиться значительно реже. Иногда она находилась на краю его сна, наблюдала за ним. Порой проявлялась молчаливой, но осязаемой тенью, отражением. Бывало так, что он не видел ее вовсе, а лишь чувствовал ее присутствие. Однажды он заметил, что давно не боится ее, этих снов. Тогда в нем проснулся интерес к ней, и что самое удивительное — ее интерес к нему. Как такое возможно — он понятия не имел. Когда он просыпался, все его обостренные во сне чувства затирались, смазывались и казались ему глупостями. Однако оставалось внутри ощущение, что не только папаша с мамашей возлагают надежды на его успехи в карьере, но и та, которая уже давно умерла и никак не могла от него чего-то ждать.

Побеждая в соревнованиях юниоров по магии, он искал ее внутри себя и спрашивал: «Ну как?». Высматривал какой-нибудь знак, чтобы расценить его как ее одобрение. Ждал подспудно, порой не осознавая. А когда подлавливал сам себя на этом, гнал эти глупые мысли и стыдился их. Кто она ему? Скрипучая клюшка, сумасшедшая ведьма, старая карга!

Лучший курсант полицмагической академии, он мог бы осесть в столице, но вернулся в родной город, чтобы одержать окончательную победу над детским страхом, который считал позорящим фамилию Загорски — ведь в их роду никогда не было трусов. Успехи его были так внушительны, что ему пророчили карьеру лучшего сыщика. Для своих лет он знал о магии все, владел всеми видами магического оружия, включая убойные, получше бывалого служивого в Малых Вещунах. За годы учебы, вдали от родных мест, он совсем перестал видеть ее во сне, и чувствовать внутри себя, почти успокоился. Думал, что успокоился.

И только сейчас, когда ее сила каким-то невероятным образом вновь коснулась его, он понял, что все это время в нем жила внутренняя решимость разгадать тайну старухи, познать

ее силу, стать таким же могущественным, как она, и даже переплюнуть ее в искусстве магии. Потому что нельзя просто так расхаживать по кладбищу, творить заклинания и колдовство, взламывать правительственные замки и хранить запрещенную литературу. Нельзя, потому что Закон. Он, Войцех Казимирович Загорски, полицмаг в первом поколении, но полицейский — в третьем, раз и навсегда положит этому конец. И сегодняшний день будет очередной победой в этой борьбе. И это очень и очень символично, что под суд пойдет внучка старухи, ее плоть и кровь.

Войцех надел свежую рубашку, начистил до блеска ботинки и отправился в дом к Семену Павлычу.

Семен Павлыч быстро разрушил надежды на скорый успех, расшвырял его план на куски, раскидал ошметки.

— У тебя там группа намечается, — сказал он, нахмурившись, когда Войцех рассказал ему о намерении арестовать обеих дам на краже книги. — Эта... Никитична фон Райхенбах, которую ты так хочешь поймать, — просто дурочка. Ее используют вслепую. Она даже не понимает, куда вляпалась. Даю голову на отсечение, что толку с нее будет, как с козла молока. А... Гоша... — лицо Павлыча скривилось, будто он откусил лимону, — еще не факт, что лидер. Она может быть обыкновенным бойцом, но преданным своим идеалам. Поверь мне, бурлаки своих не сдадут, хоть ты их на ремни порежь.

Войцех страшно расстроился. Но обдумав все, благо Павлыч, как всегда, никуда не торопился, он понял, насколько тот прав, и насколько недалевидным оказался сам Войцех. Как все-таки хорошо, что он пришел сначала к Павлычу, а не отправился в участок организовывать засаду!

— Дать им уйти? — Ответ он уже знал, но не знал, что делать дальше.

Павлыч кивнул и выпустил несколько дымных колец.

— У Майера нет того, что они ищут, — сказал он. — Кроме того, в книге, которую они вытащили с фабрики, отсутствует больше половины страниц, кем-то выдраны. Ты не поймаешь их с поличным. А это значит, что у адвокатов будет жирный плюс в защите, и они смогут оправдать их обеих.

— Откуда вы знаете про книгу?

— Агент видел ее. Это «Философия энергии ахно-волн» Ильи Васильевича Кравцова.

— Но у наших аналитиков этого названия нет ни в одной версии. Это не ошибка?

— Не думаю. Насколько я знаком с трудами этого ученого, это его последняя, посмертная работа. Была издана ограниченным тиражом на свой страх и риск издательством «Искра» уже после смерти профессора, и уже после того, как его объявили персоной нон грата. Большую часть книг изъяли, но несколько экземпляров не досчитались. Кравцов тогда был на пике популярности, имел массу последователей и даже фанатов. Насколько я помню, эту книгу исключили из его официальной библиографии, поэтому ваши не совсем усердные сотрудники могут о ней и не знать.

— А откуда о ней знаете вы?

— У меня была немного другая школа, мой друг, — ответил Павлыч, улыбнувшись в усы, и Войцех внезапно понял, что знает о своем наставнике не все.

Глава 7. Концерт Лёнечки Мяконького

Еще никогда в жизни Клара не шла на концерт Лёнечки с таким набором противоречий в душе. Радость от предстоящего концерта омрачалась мыслями об очередной авантюре, в которую ее втягивала неугомонная Гоша. Вот далась ей эта проклятая книга! Она еще от предыдущей вылазки не совсем оправилась, до сих пор вздрагивала от одного упоминания про полицию, и вот опять!

Но аргументы у Гоши были железобетонные: закон Клара, как ни крути, не нарушала, и не пойти на концерт Лёнечки она тоже не могла. Ну никак! С тех пор, как она себя помнит, она не пропустила ни одного его концерта. И даже бабушка не могла ей помешать.

— А я говорю вам, что выкупила двести тринадцатый столик! — услышала она на подходе к Жар-птице громкий голос Гоши, взбешенный до крайности.

— Гражданочка! — монотонно отражал атаку дюжий швейцар-вышибала. — В правилах заведения ясно по белому указано, что бурлаки посещают кофейню во время концертов и представлений только в сопровождении ахногенов, во избежание причинения невзначай им же травм, моральных либо физических, или не дай боже увечий.

— Я сейчас тебя самого изувечу, плешь тараканья! — и Гоша, к ужасу Клары, замахнулась на швейцара.

Его выдержка тут же дала брешь.

— Причинение оскорбления... при исполнении... — заикаясь, вспоминал он инструкции, — обязанностей... наказывается, видите ли, штрафом в размере...

— Голубчик! Голубчик! — поспешила вмешаться Клара, наскоро творя успокаивающее заклинание, — всё в порядке! Эта фрау со мной! Со мной! Я просто немного задержалась!

Нижняя губа «голубчика» уже тряслась от обиды. Он не собирался оставлять глумление над собой просто так.

— Оскорбление, сударыня — это знаете ли...

— Ах, право! — хихикнула Клара, очаровательно улыбнувшись. — Это вовсе не о вас! — она многозначительно стрельнула глазами на изображение радушного Исаяи Майера, хозяина кофейни, который брился налысо, скрывая солидные проплешины. — Не вы же, в самом деле, придумали эти дурацкие правила!

Майера не любили, особенно те, кто на него работал. И швейцар, смягчившись, потребовал предъявить билеты. Гоша, с трудом сдерживаясь, выдвинула нижнюю челюсть вперед и молча их протянула. Львица сверкала глазами и готова была атаковать.

— Всё в порядке, фрау! — швейцар дал дорогу и слегка поклонился. — Приятного вечера.

Он щёлкнул пальцами, открывая проход в куполе.

«Жар-птица» располагалась на территории какой-то бывшей давно разворованной фабрики, недалеко от Площади Изобилия прямо под открытым небом. Поглотив пустыри и свалки, кофейня распустилась геометрией пышных кустарников, стрелами дорожек, пронзающими правильный круг территории кафе от центра к окраинам, разблагоухалась кучерявыми шапками цветов. В сердце этого круга, так что видно было с любого уголка, возносился в небо постамент, диаметром всего пару метров, а издалека и вовсе казавшимся миниатюрным. На его вершине Леонид Евсеевич Мяконький, или попросту Лёнечка, творил волшебство. Все это великолепие накрывал купол — совершенно незаметный днем, и

потрясающе звездный ночью. И эту ночь Исая Майер мог устраивать по своему желанию в любое время.

Вот и сейчас, как только Клара с Гошей вошли под купол, резко спустились сумерки. Это означало одно — концерт начинается. Клара, забыв об истинной причине своего нахождения здесь, вступила на территорию искусства и вдохнула атмосферу, пропитанную Лёнечкиным талантом. Одной из её немногочисленных фантазий была хоть раз оказаться рядом с ним, или вовсе на его месте.

Они пробирались между столиков уже в темноте, под звёздами, по подсвеченным лёгким неонам дорожкам, всматриваясь в лица, озарённые пульсирующим светом ламп-сердец на столиках и предвкушением очередного чуда.

Как только Клара плюхнулась на ажурный металлический стульчик, зазвучала первая мелодия. И сердце сразу захолонуло от восторга — как?! Ну как он всегда угадывал её, личные Клариссы Райхенбах, музыкальные слабости? Это была горячо любимая ария Калафа, опера «Турандот».

На освещённом прожекторами пятачке возникла фигура Лёнечки в строгом смокинге, и под сводами магического ночного неба разнесся призыв Калафа к любимой, пробирающий до дрожи нежностью и любовью.

За ним взорвалась жизнеутверждающая ария дерзкого Фигаро. Облик Лёнечки неуловимо растворился и возник образ молодого кудрявого блондина. Захотелось пуститься в пляс. И только сидящие за столиками посетители сдерживали этот порыв. Клара даже не заметила, когда Гоша растворилась в окружающей полутьме.

Арии сменялись. Лёнечка перевоплощался из одного обличия в другое, менял голоса, щедро изливал страсть и печаль на зрителей. Кларисса погрузилась в эти чувства полностью, без остатка: дрожала от ревности и душевной боли обманутого Канио, вместе с Лючийей сходила с ума, грезя счастьем с Эдгардо, воплощалась в Кармен и с прищуром на прекраснейшую оперную диву, в которую перевоплотился Лёнечка, подпевала: «Ламу-у-ур!.. Ламу-у-ур!». Только здесь, с ним, она по-настоящему жила! И, когда, наконец, бас Дона Базилио вкрадчиво проник в сокровенные глубины души: «Клевета вначале сладко, вечерочком чуть-чуть порхает...» — она вознеслась и запарила, как и многие другие ахногены, не помня себя, не видя ни Гоши, ни Лёнечки, ни кого вокруг, к рампе, где по широкому кругу плечом к плечу стояли терминалы для «благотворительных пожертвований».

Клара протянула могуто-камень к терминалу, и в этот момент её развернуло на сто восемьдесят градусов. Крепкие руки Гоши держали ее за плечи. Под сдвинутыми на переносице бровями ее глаза извергали молнии, ноздри раздувались как у мустанга на полсотом километре, а нижняя челюсть выпятилась вперёд. Будь это обычный день, Клара бы струхнула — такой свою подругу она видела всего пару раз, и в обоих случаях ничем для Клары хорошим это не закончилось. Но сейчас она, пискнув, попыталась высвободиться из Гошиних рук.

— Как ты смеешь?! — выдохнула она. — И не думай вставать на пути к Лёнечке!

— Кларисса фон Райхенбах! Как же ты позоришься сейчас! Гретхен умерла бы от стыда, увидев тебя! — прорычала Гоша и потянула ее к выходу.

Бабушка считала Лёнечку прохвостом. Как только он появился на подмостках, она строго-настрого запретила десятилетней Кларе ходить в «Жар-птицу». И если Гошу магия Лёнечки не забирала, то Клара не могла ей сопротивляться и сбегала на концерты тайком,

спускающая все имеющиеся таюны.

Гоша знала, куда бить. Имя бабушки парализовало волю Клары, и подруга вытащила её из-под купола кофейни напролом, сквозь его ближайшую стену. Магическая сфера напряглась, впуская в себя женщин, обсосала, спружинила и выплюнула. Клару проняло ознобом, волосы выскользнули из пучка, распушились одуванчиком, пуговицы на платье отскочили и прилипли к пряжкам на ридикюле, а ворот неприлично распахнулся на груди. Клара свободной рукой стянула его.

— Отпусти! — взвизгнула она.

Однако Гоша, растрепанная после купола и похожая на рассерженного домового, шла на всех парусах, рассекая бюстом встречный ветер и тащила Клару за руку по подъездной аллее. Они шли мимо пустующих в час концерта парковых скамей, висящих на столбах фонарей, величавых плакучих берёз и размашистых ив к зданию Жилкоммага и остановились только у мигающего зелёным воронкой терминала.

— Суй руку в жерло! — рявкнула Гоша.

Клара замешкалась, и тогда она больно продёрнула её кисть с зажатым в кулаке могоутокамнем в терминал. Потом схватила ридикюль, вытряхнула на свет кредитку и воткнула в картоприёмник.

Клара, шокированная поведением Гоши, замерла. Впрочем, выхода другого не было — прерывать процедуру обмена магии на таюны нельзя ни в коем случае — потеряешь и то и другое.

Терминал замигал синим и на вспыхнувшем табло побежали цифры. Когда они достигли числа «23 285», и вовсе не собирались останавливаться, Гоша так же бесцеремонно выдернула руку Клары и выдохнула, с укором глядя на нее. Клара ахнула, да так и застыла с открытым ртом.

— Пошли, соль мажор, можно было бы раза в три больше выжать, да только твоя ахно-энергия тебе самой сейчас нужней, чем Лёнечке.

Гоша повернулась и пошла на улицу, и дальше — к трамвайной остановке. Клара двинулась за ней, представив себе сумму в три раза больше. А ведь буквально вчера она потратилась в Жилкоммаге до дрожи в коленях, а до этого слегла после вылазки на заброшку. Обычно в таких случаях проходило не меньше недели, прежде чем накапливалось достаточно энергии, чтобы ее снова конвертировать. И сколько — крохи! Как же так?

— Это что же получается, Гошенька, а?! — в воспоминаниях сразу вспыхнули все концерты, когда она, не помня себя от счастья, держала и держала руку в «благотворительном» терминале. — Лёнечка — подлец?!

— Гретхен тебе всегда об этом говорила, — хмыкнула Гоша, нажимая кнопку вызова трамвая.

— У меня в голове не укладывается. Как же так, а? — Клара семенила за подругой, дрожа от возмущения. Рот наполнился горечью.

— А так. Искусство творит магию. Лёнечка, бесспорно талант. Своим пением он, как бы это сказать, заводит в душах ахногенов двигатель, который генерирует ахно-энергии больше, чем ее обычно бывает. Намного больше. Исайте Майеру остается только собрать ее в терминалы.

Пытаясь осознать масштабы грандиозного обмана, Клара послушно плелась за Гошей. Подкатил бодрый двухместный вагончик — в кои-то веки депо угадало с количеством пассажиров.

— Лё-ёнечка, — шептала Клара, усаживаясь рядом с Гошей, — каков, а?

Однако подлая натура, как ни старалась Клара приложить её к Лёнечке, никак к нему не клеилась. И, наконец, Клара решила, что во всём виноват этот жадный Майер. А Лёнечка — такая же жертва, как и все ахногены. И так горячо в это поверила, что навернулись на глаза слёзы.

— Бедный Лёнечка! — всхлипнула она.

Гоша закатила глаза:

— Не начинай, Кларисса! Лёнечка лишь маленькая шестеренка во всем механизме. Вспомни хотя бы Бразильский карнавал — передвижные терминалы, щедро дающие магические кредиты. Сегодня от одного концерта у тебя чуть не забрали магии на семьдесят — восемьдесят таюнов. А когда ты поешь и танцуешь от счастья целый день, как думаешь, сколько они с тебя снимают?

Гоша замолчала, а Клара, оглушенная, уставилась в окно. Вместо улиц и домов, плывущих в предвечернем солнце, она видела сверкающую блесками и радостью дорогу, по которой она шла в танцующей толпе и привычно пихала руку в жерло терминала в виде рога изобилия, закрепленного на бредущем рядом разукрашенном ослике.

Клара опомнилась. Вдруг до неё дошло, как хорошо, как благородно поступила только что Гоша — потратилась на концерт, чтобы показать ей, Кларе, какую выгоду она может иметь, если не будет больше такой душой, какой всегда была. И... Погоди-ка!

— А как у тебя с... — Клара вспомнила, зачем Гоша ходила с ней на концерт, и догадалась, отчего на самом деле Гоша такая злая сейчас. — Не нашла?

Она опасалась говорить о книге вслух — трамваи то казенные, им доверие в последнюю очередь. Гоша покачала головой.

— Пусто.

Она замолчала, мрачно уставившись в окно и всем своим видом показывая, что не хочет разговаривать. Клара было обрадовалась — ну и слава богу, что Гоша не нашла опять эту проклятую книгу, но от несчастного вида Гоши сердце ее вдруг сжалось от невыносимой любви и жалости к этой своенравной бурлачке.

— Гошенька, мы богаты! Проси, чего хочешь! — прошептала она.

— Конечно, попрошу, — откликнулась та жестко. — И только попробуй мне отказать!

Их мотнуло так, что они едва успели схватиться за ручки. Обогнув внезапно возникшую на пути ленивую собаку, вагон вернулся на рельсы и вновь размеренно застучал колёсами.

«У бабушки в комодах наверняка есть расторопша. Сварю ей настоящий пунш, чтобы она не была такой расстроенной. Тот самый» — подумала она.

Три бабушкиных комода в гостиной Клара не разбирала со дня ее смерти. Поначалу она еще собиралась с силами, но, подойдя к ним, каждый раз передумывала и откладывала на потом. Доподлинно об их содержимом она не знала, только догадывалась. Всё богатство Райхенбахов, перечисленное на десяти страницах завещания, лежало именно здесь.

Из забитых всевозможными и невероятными вещами ящиков она извлекла пять деревянных шкатулок, в которых аккуратными рядками, словно медицинские карточки в бюро поликлиники, были уложены одинаковые пакетики, подписанные разлапистым бабушкиным почерком — святая святых! — разнотравье и химические препараты, одной только бабушке и известные. Клара надеялась, хотя нет — она была уверена, что среди них есть расторопша. Когда-то она пыталась расшифровать каракули на пакетиках, но так и оставила, — разлапистый почерк Гретхен не поддавался ни прочтению, ни угадыванию, а

Клара ни за что бы не решилась экспериментировать с неизвестными препаратами. Но расторопшу здесь точно была, осталось только ее найти.

Помимо шкатулок, обнаружился также листок с перечнем содержимого на каждую шкатулку, который она отдала Гоше, с горестным видом сидящей в кухне. Та быстро пробежала глазами по списку.

— Вот же она! Расторопша! Номер шестьдесят шесть.

Клара поджала губу — как это у Гоши ловко получилось!

Она нашла пакетик с номером шестьдесят шесть и сунула его Гоше под нос.

— На вот, попробуй, прочти! Я этот список, кстати, только сейчас и увидела.

— Ай да Гретхен! — восхитилась Гоша, разглядывая пакетик. — Похоже на латынь.

— Что ещё за латынь? — с подозрением спросила Клара.

— Мёртвый язык.

— Мёртвый? Как мёртвый? Почему?

Гоша закатила глаза и терпеливо ответила:

— Вари пунш, дорогая, не отвлекайся.

«Да и правда, какая разница, что там за язык», — подумала Клара и поставила на огонь блестящую кастрюльку, налила в неё ром, подготовила баночки с ингредиентами.

Когда ром начал парить, добавила кофе, цукаты, лайм. По кухне поплыл аромат. Она забрала у Гоши пакетик, аккуратно вскрыла. Ножом подцепила бурый порошок и пристроила лезвие на могуто-камень. Секундная стрелка угодливо цыкала, могуто-камень чуток нагрелся и посветлел, порошок по истечении трёх минут замерцал. «Магия любит тишину» — говаривала бабушка. Гоша знала это и молчала.

Ровно к тридцать пятой секунде ром пошёл пеной. Клара всыпала порошок, отчего пена резко вспухла и чуть не сбежала — Клара успела снять кастрюльку с огня, сдувая взбесившуюся волну. Странно повёл себя пунш. Обычно расторопша снимает пену, а тут... Но запах! Боже мой! Получилось даже лучше, чем у бабушки!

Она ловко разлила пунш по бокалам и всучила один Гоше. Та втянула носом аромат и впервые за этот день улыбнулась. Они чокнулись, и Клара отпила несколько глотков. На вкус пунш тоже оказался божественным. Гоша отхлебнула треть бокала за раз и как-то неприлично крикнув сказала:

— Все-таки Гретхен умела творить чудеса. Давай за нее!

— Давай!

— Пчхи!!!

— Будь здорова! — сказали Клара и Гоша в один голос, посмотрели друг на друга и одновременно добавили. — Это не я!

Глава 8. Гретхен Вольфганговна фон Райхенбах

— Пхи! — в третий раз раздалось в кухне.

Из-под фотографии бабушки с рамкой в кружевных вензелях вылетела пыль тонкими струйками и закружилась в теплых лучах вечернего солнца, словно первый снег, медленно осела вокруг рамки с бабушкиной фотографией. Запахло плесенью. Изображение Гретхен фон Райхенбах зажмурило глаза, сморщило лицо в урюк и выдало новое:

— Пчхи-е!.. Своя грязь не колет глаз, да, Кларисса?

— Бабушка! — обескураженно пискнула Клара.

— Гретхен! — восхищённо молвила Гоша.

— Наташенька моя дорогая! И ты здесь! Молодец, что не бросаешь эту дурочку.

— Бабушка! — обиделась Клара.

— Николаша, — подобревшим голосом сказала бабушка, выглядывая из рамки. — Как ты, мой хороший?

Радио печально свесило антенну, скорбно моргнуло огоньками:

— Транзисторы, фрау Райхенбах. Засорились.

— Как это засорились! — возмутилась Клара. — Полгода ещё не прошло, как чистила!

— Ах, бросьте, — уныло вздохнуло радио. — Эта ваша «дивная щетина» только пыль по резисторам размазала. Мне бы настоящую щёточку, да с машинным маслицем.

— Кларисса! — нахмурилась бабушка.

— Хорошо тебе говорить! — вспылила Клара плаксиво. — Жилкоммаг цены каждый месяц повышает! Батарея вон, — она кивнула на разложенные по полу ребра батареи. — дуба дала!

От обиды Клара захлебнулась слезой и замолчала. Ей вспомнились вчерашние неприятные моменты посещения Жилкоммага и свирепые счета.

— Коммунальщики вконец обнаглели, это верно, Гретхен, — мрачно подтвердила Гоша.

— Ещё и остаточное электричество! — жалобно добавила Клара, вспомнив длинную итоговую ленту и странного деда в трамвае. Про книгу она, разумеется, ни сказала ни слова.

— Что за бред? — бабушка смягчилась, но продолжала хмуриться.

— И вовсе не бред. Гуляет по проводам, — повторила она слова старичка. — А я плати!

— Помнится, был такой полоумный физик Кауфман, Отто Рудольфович, — проговорила бабушка. — Носился с идеей остаточного электричества, всё хотел доказать и собрать его в аккумуляторах.

— И доказал, — Гоша выпятила нижнюю челюсть от возмущения. — Так доказал, что коммунальщики быстренько продвинули эти его доказательства в Совете и начислили плату за остаточное электричество, будь оно неладно.

— Кауфман? — спросила Клара. — Что значит «был»?

— То и значит, Кларисса. Был, да помер.

— Как помер? Когда?

— Года через три после меня.

— Доказал и помер, — Гоша неприлично и громко загоготала.

— Да как же... Я ж его только вчера... — растерянно пробормотала Клара и замолчала.

— Гретхен, — воодушевилась Гоша и придвинулась ближе. — Вы ведь многих учёных знали. Может, вдруг, вы слышали что-нибудь о потомках Ильи Васильевича Кравцова, его

наследниках?

— У него не было наследников, Гошенька. Этот великий человек посвятил свою жизнь науке. Без остатка. Ты наверняка читала историю магии. После его открытий в мире произошла технологическая революция. Только я запомнила, что было раньше — объединение стран и отмена границ или повсеместное внедрение в жизнь ахно-волн. Может ты помнишь, Николаша?

— Конечно, фрау Гретхен Вольфганговна. Сначала обе Америки ушли под воду, за ними Великобритания и большая часть Европы, а Африка, наоборот приросла в территории, если позволите. И потом уже объединение и почти сразу интеграция в новую энерго-систему — «Ахноэнерго». Господин Кравцов приобрел тогда мировую известность.

— Спасибо, Николаша. Не все предприятия сумели перестроиться на новые рельсы. Многие разорились. Правительство запустило беспрецедентную программу по идентификации носителей ахно-энергии, и именно тогда людей разделили на ахногенов и бурлаков, как ты знаешь. Это были жестокие и отчаянные времена. Только по прошествии десятилетий люди, обделённые магией, добились справедливого к себе отношения.

— Не в полной мере, Гретхен. Увы, — с горечью констатировала Гоша.

«Стоило оживать, чтобы оседлать любимого коня и опять пуститься вскачь по страницам истории, — расстроено подумала Клара. — Вот так всегда! И Николаша хорош! Транзисторы у него...»

— Человечество пошло по пути наименьшего сопротивления. Электрическую энергию заменили магической. Зачем утруждаться и городить огород сложных технологических процессов, если могут-камень аккумулирует в себе всё, что нужно для жизни. Ну, или почти всё. Зачем колоть пальцы настоящей иглой, если можно обновить вещь при помощи «дивного шила»? Зачем мартыть руки о настоящий рычажный ключ, если при помощи одних «дивных пассатижей» ремонтируется почти все железо. И теперь мы имеем то, что имеем: канувшие в веках производственные технологии, дефицит промышленных товаров и утраченный навык к труду как минимум у половины людей.

— До сих пор помню, как ваш дедушка Клаус фон Райхенбах вместе с вашей бабушкой и вашим папенькой Вольфгангом прибыл сюда, из Германской среды в Российскую, с большими надеждами — все же Российская Губерния всегда была на особице, — задумчивым голосом произнес Николаша.

Клара прыснула:

— Откуда тебе помнить? Ты же...

— Кларисса, — строго сказала бабушка. — Не груби!

Николаша мигнул красным огоньками и с готовностью ответил:

— К твоему сведению, дружок, во мне зашит интеллект знаменитого сказочника всех времен Николая Владимировича Литвинова, и сгенерирована память более чем двухсотлетней истории.

— Конечно, мой хороший, — отозвалась Гретхен ласково, и радио довольно и громко замурлыкало.

«И нашла тебя бабушка на свалке отходов НИИ!» — злорадно добавила про себя Клара, но вслух ничего не сказала.

Всё это она слышала миллион раз. И стоило тратить на это слова, когда ее волновали куда более серьезные вопросы. Какой Кауфман решительно рассекал сухой ладошкой воздух в трамвае? Может такое быть, чтобы это был другой Кауфман? Или же тот самый? И если

тот самый, то за какие ее грехи он устроил такую подлянку с книгой, что она едва выпуталась? И почему, чёрт возьми, в книге не хватает доброй половины страниц? Зачем было подкидывать бракованную вещь? Или это другой Кауфман — раз тот умер больше пяти лет назад? Но память давала чёткую картинку пустого трамвая, когда Клара обернулась напоследок. Не было в нём Кауфмана. А это значит... Значит... Что она видела призрака Кауфмана?

А что происходит сейчас?

Будто и не было десяти долгих и в то же время так быстро промелькнувших лет после смерти бабушки. Она по-прежнему сидела в кухне, хоть и в рамке фотографии, но все так же строга, и, кажется, читает мысли! — Клара покосилась на бабушку. — И что всё это значит? И Гоша! Главное — Гоша сидит и, развесив уши, слушает ее, как в детстве. И вид у неё такой, будто это нормально и ничего необычного не происходит. Но Клара то чувствовала! Воздух в кухне был наполнен будто неслышным звоном, вибрацией, ощутимой всем телом, всеми фибрами. И внутри Клары тоже все звенело и дрожало. Если не прислушиваться, то незаметно, но если все-таки настроить внутреннее ухо, как учил однажды встреченный ею на Бразильском карнавале баба Джаьанти, то это дрожание ощущалось так же отчетливо, как летающий посреди ночи комар в соседней комнате, так же тревожно, занудно и, главное, раз услышав, уже невозможно было от него отключиться.

А может, это сон? Может, она до сих пор спит? И не было этого невыносимо долгого дня, не было Жар Птицы и старичка Кауфмана? Может, новый департамент сновидений Жилкоммага подсунул ей такую вот гнусную, чудовищную халтуру? Без ее согласия. А потом жди счет. С них станется!

— Бабушка! А как же ты?.. Сюда, в смысле... — перебила Клара бабушкины речи, мучительно подбирая слова, чтобы правильно обозначить её появление.

— Боже мой! И это моя внучка, — Гретхен разочарованно покачала головой. — Ну почему Господь начисто лишил её мозгов? — спросила она, закатив глаза к небу. — Ты что добавила в пунш, двоечница?

— Расторопшу. Всё по твоему рецепту, — обиженно ответила Клара.

— Покажи, — потребовала Гретхен.

Гоша взяла пакетик с расторопшей и, посмотрев на него, снова весело загоготала, показывая его бабушке и Кларе одновременно.

— Точка! Точка-то сверху! — смеялась она всхлипывая. — Это девяносто девять, а не шестьдесят шесть! А-ха-ха-ха-ха!

Клара выхватила пакетик у Гоши и завертела в руках. И правда, как же она не заметила проклятую точку?!

— А что?.. Э...

— Корень пейтоля.

— Ух ты! — воскликнула Гоша, — Гретхен, так вы — галлюцинация?

— Хм. Не совсем, дорогая. Эмульгированный корень пейтоля при флюидировании могуто-камнем, меняет свойства, в частности — вызывает овеществление образа с полным восстановлением функций на некоторое время... Другими словами — оживление. В данном случае моей фотографии.

— На некоторое время? — переспросила Гоша.

— Да. Думаю, у нас ещё минут десять.

— Ах, Гретхен, — заволновалась Гоша. — Что же вы молчите?! Мне ещё так много надо

у вас узнать! Кравцов! Какой был его последний труд?

— Э... Кажется, перед смертью он сделал ещё одно открытие, которое дополняло основное учение об ахна-волнах. Но подробностей я не знаю. Тогда правительство как раз провело реформу в науке и системе образования и ограничило выпуск научной литературы, а потом и вовсе запретило. Как же называлась его работа?.. Ах, да вот же она — «Философия энергии ахна-волн»! Гошенька, не сомневаюсь, что эта книга — твоих рук дело! Где ты нашла её? Она была издана посмертно тиражом в пару десятков книг, и не успела дойти до библиотек, как её отозвали. Мы только слышали о ней. Но никто ни разу не держал её в руках. Ты прочла?

— В том-то и беда, Гретхен! С этой книгой какая-то странная история. Вот вы говорите, что тираж отозвали, а мы на нее наткнулись дважды за последнюю неделю. Но самое непонятное вот что, — Гоша развернула книгу, показывая вырванную середину. — Сохранилось лишь вводная часть в основы ахна-волн, что и так всем известно. А самый корень... Вот... Вырван... И так у обеих книг!

— Наткнулись мы, как же! — не удержалась Клара, но тут же прикусила язык — ведь ей в первую очередь достанется от бабушки за взлом правительственного замка, и уж тем более за пренебрежение защитной магией.

Но бабушка как будто и не расслышала, задумчиво смотрела на книгу, и даже хмурилась.

— Судя по окончанию, в этом труде изложено что-то крайне важное, чрезвычайное, — торопилась меж тем Гоша. — Не менее важное, чем само открытие ахна-волн. Непонятно только, для чего было вырывать. Почему не уничтожили книгу, раз она кому-то мешала?

— Бюрократия, моя дорогая. Думаю, поэтому. Если книга физически попала под реестр в библиотеку или в какое другое учреждение, то при последующей конфискации, обязательно возник бы вопрос — где она? Кто-то, видимо, вырвал и сохранил себе исследование Кравцова, оставив обложку для галочки. Только вот кто и зачем?

Клара хотела было уже рассказать про Кауфмана, но Гоша застонала:

— Но что же делать? — и столько было страдания в ее голосе, что Клара опешила. — Где этот кто-то, кто вырезал страницы? Как мне найти эти исследования, Гретхен?!

Клара с удивлением смотрела на нее — впервые она видела свою бурлачку такой взволнованной и... несчастной.

— Ну-у, — протянула бабушка, застыв на короткий миг. — Боюсь, что на этот вопрос, дорогая, наверняка сможет ответить только сам Кравцов.

Изображение бабушки на фотографии замерло.

Гоша схватила свой бокал и протянула Кларе её.

— Пей! Залпом! — крикнула она.

Клара повиновалась, выпив мелкими глотками остатки пунша. Гоша проглотила свой одним хлебком.

— Боюсь, что на этот вопрос, дорогая, сможет ответить только сам Кравцов, — повторила вновь ожившая бабушка.

— Гретхен! Пожалуйста! — горячо проговорила Гоша, схватив фотографию и умоляюще глядя на бабушку. — Мы можем это сделать?! Есть такие заклинания-травы-магия или ещё что-то? Вызвать дух! Оживить его фотографию, как вашу? Изображение? Может мне удастся найти его почерк и по нему... Вызвать призрак Кравцова! Можем?! Прошу вас, Гретхен! Вы знаете меня лучше, чем кто-либо! Вы заменили мне мать! Вы знаете, как это важно для

меня! Если есть хоть один шанс изменить судьбу бурлаков, я должна им воспользоваться. Иначе, грош мне цена. Можем?!

— Не трясись, Наташа! Поставь меня! — бабушка называла Гошу родным именем, когда сердилась на нее. Если бы не это, все уже, наверное, давно забыли бы это имя, включая саму Гошу.

— Простите, — Гоша поставила фотографию на стол и с мольбой во взгляде уставилась на миниатюру Гретхен.

Бабушка задумалась. Гоша и Клара, не совсем понимающая, чего хочет Гоша, молчали и напряжённо смотрели на ее строгое сосредоточенное лицо. В наступившей тишине часы отщипывали секунды.

— Прежде всего вы должны знать, что Кравцов умер скоропостижно, без всяких к тому оснований. Сразу после смерти он, память о нем и его труды намерено были преданы забвению, выведены из упоминаний во всех средствах массовой информации. Его имущество было арестовано и впоследствии конфисковано. Его последователям удалось только выкрасть тело, чтобы похоронить его по-человечески, тайно от всех. Нет ни фотографий, ни почерка, ни единой вещи. Ничего.

Гоша поникала на глазах, как вянет бутон несвежей розы.

— Но я думаю, что есть один способ, — добавила бабушка, и Гошины глаза засветились надеждой.

— Напоминаю! — прогундосило вдруг по радио голос председателя правительства Шляйфмена Рябого, и у Клары остановилось сердце.

Этот обрюзгший старик с влажной оттопыренной нижней губой и шрамами от ожога на щеке, с оттянутым нижним веком и постоянно дёргающимся глазом, навел на неё ужас.

— Напоминаю, что нарушение режима применения магии квалифицируется как преступление и карается ссылкой и лишением источника ахно-волн пожизненно!

— Николаша, — ласково обратилась бабушка к Николаше, — заглуши эфир.

— Конечно, фрау Райхенбах! Можете говорить, не опасаясь, — проворковал Николаша и сложил антенны.

Часы вслед за ним приглушили цыканье, мухи замерли, а Николаша словно бы и вовсе выключился — погасил лампочки и прикинулся обычным радио. В кухне воцарилась тишина.

Бабушка, прикрывшись ладонью, вполголоса говорила что-то склонившейся над её фотографией Гоше. Клара подалась вперёд, наострила уши, и неожиданно поняла, что бубнение прекратилось и бабушка молчит. Как и Гоша. Она подняла глаза и встретила два направленных на неё взгляда.

— Тебе не надо это знать, Кларисса, — холодно сказала бабушка. — Иди, займись каким-нибудь делом. Гоша потом тебе все расскажет.

— Кстати, я просила тебя найти деньги, чтобы рассчитаться со слесарем, — мягко сказала Гоша, испытывая неловкость от убийственной бабушкиной прямооты.

Конечно, Клара давно о них забыла, в чём честно и призналась.

— Пойди, — веско сказала Гретхен, — поищи в комодке. Должна быть такая медная шкатулка, резная.

— Да знаю я! Но... — начала Клара.

Ей вдруг стало невыносимо обидно, как раньше, когда бабушка с Гошей вот так запирались на кухне и говорили, говорили, о... да Бог знает о чём. Просто обидно!

— Иди! — хором сказали бабушка и Гоша. Почудилось, что Николаша — предатель — тоже сказал! И она, прикусив дрожащую губу, вздохнула, выдавила ироничную улыбку и побрела к комодам в гостиной.

Проходя мимо буфета в передней, Клара нашла в ридикюле пузырек с горошинами ядомуцина и разжевала сразу две, задала ногой направление пуфику, и тот нехотя переставляя изогнутые ножки, прошагал в гостиную.

Она села у первого из трёх массивных комодов и внутренне пыхтя от обиды, открыла верхний ящик — кажется, в прошлый раз именно здесь ей попадалась шкатулка со старинными монетами.

Первое, что она вытянула из плотно забитого ларя — карнавальную маску, сверкающую стразами, с очаровательным пушком по краю, когда-то утерянную среди множества разбросанных вещей, да так и забытую. Сердце наполнилось щемящей тоской по празднику. «Когда же, ну когда дойдет до нас Бразильский кругосветный карнавал?» — всхлипнула она. Маска ещё хранила аромат духов, которые бабушка, когда была жива, доставала по великому благу.

Клара закрыла глаза и погрузилась в яркие мечты, наполненные разноцветными шелками, фейерверками, сверканием страз и порханием перьев, зажигательной музыкой и танцами.

К этому карнавалу у нее был уже припасён невероятный тюрбан, расшитый золотом и жемчугом, с семью огромными страусиными перьями, и боа из совершенно потрясающего пуха, окрашенного в темно-бордовые цвета и осыпанного золотой пудрой. Они стояли в углу, укутанные в тончайшую оберточную бумагу и ждали своего часа.

Кругосветный Бразильский карнавал проходил через Малые Вещуны в конце июля. Клара погружалась в непрерывные и разухабистые гулянья, которые поглощали сам карнавал — этот перпетуум мобиле праздника жизни, — невероятный по своей красоте и ароматам фестиваль флористов, день пирожков с малиновым вареньем, международные дни торта, туркменской дыни, вафель, салями, конфет, праздник Луны и урожая, Хэллоуин, Октоберферст, дни рыжих, бороды и улыбки, день хоббита. Самая большая ее мечта была — совершить кругосветное путешествие вместе с карнавалом, и она отчаянно завидовала полуголым красоткам, которым так повезло — жить в празднике каждый день. Она упорно не хотела замечать их осоловелые от усталости лица, пустые взгляды, фальшивые улыбки и наигранную радость.

Запасы ее ахно-энергии истощались обычно к началу зимы, она оказывалась далеко от дома, и возвращалась на такси, накопив внушительный отрицательный баланс на кредитке.

К началу Новогодних праздников она восполняла минус ритуалами на День Марены, Зимние ночи, Святой смерти, Всемирный дни сострадания, доброты, подарков, терпимости, поцелуев и примирения. Обязательно писала Деду Морозу. И к Новому году уже снова была заряжена на карнавалы и гуляния.

Вздохнув, Клара бережно отложила маску в сторонку и достала газовый платочек, который надевала на свидания еще до бабушкиной смерти, приложила прохладную тончайшую ткань к щеке, и из складок платка выскользнуло что-то миниатюрное, металлическое и легло прямо в ладонь. Серьги! Семейная драгоценность Райхенбахов! Так же, как и платочек, забытые где-то разиней Клариссой, внучкой Гретхен, урожденной Райхенбах. Мгновенно щеки и уши загорелись, как тогда, при нотариусе Гофм... Шехф... Хартманн — да! Точно! Который зачитывал длинный список бабушкиного наследства, среди

которого были и эти серьги. Клара думала, что потеряла их, не хватило духу признаться бабушке перед смертью, и тогда она сгорала от стыда, потому что пропали серьги именно после Лёничкиного концерта, а она, одурманенная его голосом, совершенно не помнила, как просаживала таюны и как возвращалась домой.

Хотя казалось бы — в этих комодах хранилось столько разных богатств — старинных монет, драгоценных камней и россыпью, и в виде колец и ожерелий, серег и подвесок, что пропажа такой мелочи, как эти бриллиантовые капельки, прошло бы и вовсе незамеченным. Эх, знала бы Клара, что они здесь, не корила бы себя все эти годы за рассеянность.

Клара прислушалась к звукам, доносившимся из кухни — там что-то звякало, шуршало и бубнило. «Ну и пусть, — подумала она и сплюнула в попавшую под руку керамическую пепельницу набухшую жвачку. — Все равно я собиралась навести тут порядок».

Она положила серьги на пыльную поверхность комода, вынула один за другим тяжёлые альбомы со старыми фотографиями, которые хранили образы живших когда-то предков, — тут же решила не открывать, чтобы ещё сильнее не расстраиваться, положила их рядом на пол. За ними последовала целая стопка маленьких альбомчиков, запечатлевших её с Гошей — когда закончится вся эта суета и бабушка снова станет фотографией, надо будет устроить вечер воспоминаний за бокалом пунша. Нормального пунша, с обычной расторопшей.

Она стала вынимать и раскладывать остальные вещи. Их оказалось так много, что все поверхности гостиной заполнили совершенно разные безделушки и штуковины, некоторые из них вызвали у неё недоумение, как то: набор луп из трёх штук, мизерные, с напёрсток кофейные чашечки из потемневшего от времени серебра с выгравированными неизвестными знаками, похожими на руны, набор игл и шило в отдельной металлической коробочке на гнутых крошечных ножках, которую Клара с трепетом поставила на поверхность комода. «Может, это «дивное шило» и «колдовские иголки»? А я, дура, таюны трачу на ремонт одежды» — думала она и уже строила планы, как это можно будет проверить. Набралось с десяток инструментов, имя которым она не знала, часть из них походила на «дивные пассатижи», с которым приходил к ним слесарь из Жилкоммага, о назначении остальных не складывалось даже приблизительного понятия. «Надо будет отдать все это Гоше. Она любит такое, и возможно, знает, для чего и как этим пользоваться».

Нашлись старинные карманные часы на золотой цепочке и с золотым же механизмом. Клара помнила про них, что они с обратным ходом, и в детстве вызывали восторг и любопытство. Сколько раз она просила бабушку рассказать, в чём их секрет и для чего они нужны, но Гретхен каждый раз находила новую отговорку: «Вырастешь — узнаешь» или «Придёт время — сама поймёшь» и не разрешала их трогать.

Клара прислушалась к тихим голосам из кухни и, убедившись, что бабушка и Гоша по-прежнему заняты друг другом, потихоньку нажала на крошечную кнопку сбоку. Крышка открылась, являя три золотые стрелки — секундную, минутную и часовую, застывшие ровно на двенадцати. Клара попробовала завести их, но не смогла и закрыла крышечку, решив, что часы неисправны.

Все эти вещи она раскладывала отдельными кучками, помечая про себя, что и куда, в каком порядке будет убирать назад в ящики.

Наконец, почти самой последней, она выудила искомую бронзовую шкатулку, позеленевшую и потускневшую, но оттого ещё более диковинную, манящую открыть крошечный замок, из которого торчал ажурный ключ. И Клара открыла. Да, это та самая шкатулка, о которой говорила бабушка — разные монеты, потёртые, потемневшие, с едва

видимыми изображениями чьих-то профилей, замков, гербов, птиц, зверей — Клара закрыла её, решив рассмотреть позже. И неожиданно обнаружила, что разложенные вокруг вещи будто бы поредели, а коробочка с «дивным шилом» и «колдовской иголочкой» так и вовсе исчезла.

«Да что б тебя?!» — с досадой проговорила она и снова открыла ящики комода.

В них и нашла пропажу, в том числе и коробочку. В каком-то хаотичном порядке они располагались в разных местах, и она не смогла вспомнить — лежали ли они также до того, как она их достала или нет.

«Меня тут за дуру держат?!» — в сердцах воскликнула она и снова прислушалась к звукам из кухни. Там по-прежнему глухо елозило и бормотало.

«Сказала — мой будет порядок!» — Клара решительно выложила из комода снова оказавшиеся там вещи и по-новому рассортировала их по кучкам. Закончив с одними, она опять почувствовала неладное, открыла ящики и снова обнаружила в них уже другие вещи.

«Меня такими фокусами не возьмёшь!»

Следующие несколько часов она занималась улавливанием самостоятельно курсирующих вещей. Пару раз пропадала и шкатулка с монетами. Наконец, глубоко за полночь, окончательно выбившись из сил, она присела на диван и сразу же задремала прямо так, сидя и крепко держась за шкатулку, поминутно просыпаясь и вздрагивая от испуга за неё и снова проваливаясь в сонное забытие.

Ей снился карнавал, за которым она бежала вместе со старичком Кауфманом, и они никак не могли нагнать эту ускользающую мечту, кубок изобилия, радости и счастья, проходящий мимо них, мимо Клариссы, которая так любила эти праздники, так всецело отдавалась им, назло бурлачке Гоше, назло бабушке и даже назло Николаше, который во сне читал ей нотации бабушкиным голосом:

«Заруби себе на носу — жить нужно по праздникам бурлаков, а быт организовывать сообразно магическому числу вещей: три, пять, семь.»

Клара оправдывалась, что ее и так окружает преимущественно нечетное количество предметов: три пузатых кружки для пунша, пять чайных пар великолепного фарфора с одним заварочным чайником — для особых случаев, семь обычных чашек, пять суповых. Все это умещалось в трех одностворчатых навесных шкафчиках кухни с одним окном, одним столом и тремя табуретками. И тут же находила брешь в этом нечетном мире: «А ножек-то у мебели четыре! И стены в кухне, и в гостиной, и в спальне — тоже четыре!». И чувствовала себя за это виноватой.

Глава 9. Про любовь

Клара проснулась с криком первых ворон бодрая и отдохнувшая, несмотря на трудный вчерашний день и беспокойный сон. С досадой на себя она вспомнила, что накануне совсем забыла про свою гостью.

Гоша спала, сидя за кухонным столом среди пакетиков из картотеки со снадобьями, подложив под голову раскрытый кулинарный блокнот бабушки. Гретхен взирала с фотографии сурово, но казалось, что в уголках плотно сжатых губ притаилась лукавая улыбка. На плите остывал пунш. Клара удивилась, что он ещё тёплый и почти целая кастрюлька, в то время как они с Гошей выпили, всё, что она варила. И в этот самый миг раздался набат дверного звонка.

«Полицмаги!»

От неожиданности Клара выронила шкатулку, которая с грохотом упала на пол. Гоша подняла голову и сонно посмотрела на нее.

— Боже, Кларисса, ты опять? Это Иннокентий!

— Иннокентий?! — эхом повторила Клара, не совсем понимая, кто это.

— Слесарь! — Гоша кивнула в сторону на ребра батареи тут же ругнулась. — Ах ты черт! Я совсем забыла про ниппеля! Иди, открывай... Ладно, я сама!

Она подняла шкатулку, поставила ее на кухонный стол и долго возилась с засовами, что-то бормоча под нос.

Когда Иннокентий вошел в кухню, вместе с запахом машинного масла и сигаретного дыма, Клара испытала необъяснимое даже ей самой облегчение. Слесарь показался ей самым реальным человеком за последнюю неделю, самым адекватным и надежным, таким, что, глядя на него, можно было и в себе не сомневаться.

— Ниппеля, фройлян, — пробасил Иннокентий, глядя на подошедшую вслед за ним Гошу.

Та, сложив руки на груди чуть вскинула голову и сказала, прищуриив глаза:

— Ты не поверишь, Кеша. Я их нашла! Но они в таком месте, что мы вдвоем не справимся. Нужна твоя помощь.

Лицо слесаря нахмурилось, он покачал головой.

— Такого уговора не было, фройлян.

— Ты же знаешь, что ниппеля в наше время редкость?

— Допустим.

— Слышал ли ты когда-нибудь об аварийном запасе? Это пара десятков штук. Так вот в том месте аварийный запас ниппелей. Осталось его только взять. Поможешь — он весь твой. Нам нужно всего четыре ниппеля, остальные твои. Плюс плата, как договаривались.

Слесарь почесал щетинистый подбородок.

— И где это?

— На городском кладбище.

— Ниппеля на кладбище?

— Знаешь другое место?

Клара смотрела на Гошу во все глаза и восхищалась тому, как та врет. Боже мой, как натурально она это делала! Не знай Клара, что нет на кладбище никаких ниппелей, не за что бы не догадалась. Но что опять задумала эта неугомонная львица — на нее сейчас Гоша

походила больше всего, с растрепанной со сна шевелюрой, полуприкрытыми глазами и легкой улыбкой на губах.

— Вбогадушмать! — вдруг смачно выругался Иннокентий, а Клара пискнула — таких крепких выражений она не слышала с тех пор, как умерла бабушка. — В последний раз, фройлян! Или я отказываюсь от заказа! Во сколько?

Гоша торжественно улыбнулась.

— В десять вечера, у главных ворот кладбища.

Он поглядел на нее, шевеля губами, потом погрозил ей грязным заскорузлым пальцем:

— Ну глядите! — И вышел.

— Каков фрукт, а? Видала? — довольная собой сказала Гоша.

Клара хотела было возразить, потребовать от Гоши ответов, но она не дала и слова сказать.

— Значит так! Нам нужна лопата! Не знаешь где взять?

— Лопата?

— Ладно, сама найду. У тебя будет другое задание. По рецепту Гретхен я сварила некую... кхм... бурду. Её нужно зарядить могуто-камнем.

Гоша взяла до сих пор раскрытый кулинарный блокнот и прочитала: «Могуто-камень зажать сначала в левом кулаке, обхватить его правой рукой, держать один час в ёмкости со средством. Поменять руки местами и держать ещё час. Повторить четыре раза».

— Четыре раза по два часа — но это же восемь часов!

Гоша кинула быстрый взгляд на часы.

— Сейчас десять утра. Начнешь через час, к вечеру управишься. А я пока всё подготовлю. Пора бежать, а то не успею.

Клара возмущённо топнула ногой.

— Нет, ты никуда не пойдёшь, пока не объяснишь, что происходит! Это что, всё из-за этих... ниппелей?

Гоша с сомнением посмотрела на фотографию бабушки, на подозрительно молчащего Николашу и вздохнула.

— Ты же хочешь утереть нос Жилкоммагу и обновить батарею без их помощи?

Нарисованная Гошей перспектива вдруг заставила по-другому посмотреть на всю ситуацию. За то, чтобы «утереть нос» проклятым коммунальщикам, Клара готова была на многое.

— Хочу!

— Вот и делай, что говорю.

Входная дверь хлопнула, и Клара осталась одна.

* * *

— Мы дали им уйти и что теперь?

Войцех пришел в дом Семена Павлыча на следующий день после злополучного концерта. Остаток предыдущего он провел на службе в бестолковой суете. Стараясь не думать о том, что упускает преступников, он заполнял отчеты о ходе расследования. Он ни словом не упомянул о привлечении жандармерии бурлаков и агентурной работе. «Рано!» — веско сказал Павлыч, и Войцех был с ним согласен. Поэтому на бумаге он отражал бурную деятельность по сбору данных, которую он уже закончил и теперь выдавал порциями. А на самом деле мучался ожиданием, когда же закончится рабочий день и он сможет сбежать к Павлычу.

— Дальше им необходимо будет координировать свои действия, — ответил Павлыч спокойно. — Пока что мой агент не смог выйти на лидера, слишком мало времени прошло. Им зачем-то сильно нужна эта книга, а значит они будут искать ее пока не найдут.

Однако ощущение просочившейся между пальцев удачи не отпускало Войцеха. Все вроде бы выглядело правильно, но сожаление о невыполненном долге не покидало его. Не радовало ни послеполюденное солнце, убавившее жар, ни спелая клубника, ни нежные взгляды младшей дочери Павлыча, брошенные украдкой, которые он время от времени ловил.

— А... что в ней, в этой книге? Что в ней такого?..

— Если б знать... — задумчиво проговорил Павлыч. — Но есть версия, что именно она послужила причиной смерти профессора Кравцова. И то, как оперативно ее изъяли у «Искры»... И, ты знаешь, тогда арестовали всех сотрудников издательства, вплоть до сторожа, а когда отпустили, память их была грубо, но основательно подчищена. У всех. Вплоть до потери профессиональных знаний и навыков. Так что, Войцех... Торопиться с этим тебе не след.

Только сейчас Войцеху стала открываться масштабность преступления, которое он расследовал. Слушая, он поражался Семену Павлычу, с которым знаком столько лет, но как оказалось, целой жизни мало, чтобы узнать его хорошо. С каким-то разочарованием в себе и отчаяньем он думал, что он, Войцех, несмотря на то, что ахноген, и так старается быть лучшим, никогда не достигнет уровня этого бурлака. От его кажущейся лени веяло могучей силой, а мозг работал так остро, что Войцех восхищался и завидовал. Он всегда сравнивал его со своим отцом, в котором тоже не было даже ахно-блика. Он верой и правдой служил новому отечеству, однако всегда тяготился тем, что бурлак, и считал это что-то вроде увечьем. Да, что говорить, так считали почти все бурлаки, которых Войцех знал. Кроме Павлыча. Этот русский являл собой пример того, что ахно-энергия сама по себе, а ум сам по себе.

— Почему вы помогаете мне? — задал он вопрос, который давно мучил его. — Не только сейчас, вообще. Разве вы не испытываете ненависти к ахногенам?

Павлыч удивленно посмотрел на него и выпустил целое облако душистого дыма.

— Нет. Что за чушь?... А что — должен?

— Мой отец испытывает, до сих пор. Хотя его карьера сложилась гораздо лучше, чем у многих бурлаков. Он, конечно, напрямую никогда не говорил, но я всегда это чувствовал.

«Как это странно, — думал Войцех. — Оказывается с Павлычем можно говорить с таким, о чем даже и думать стыдно».

— Это от зависти. А зависть — от слабости, — сказал Павлыч, выпуская облако душистого дыма. — Люди слабы. Все люди: и бурлаки, и ахногены. Только это не все понимают. Когда у кого-то есть что-то, чего нет у тебя, кажется, что обладай ты этим, ты был бы другим. Но это заблуждение. Сильным делает не наличие в организме ахно-волн.

— А что?

— Любовь.

Войцех недоверчиво хмыкнул. Вот что-что, а любовь ему была совершенно чужда.

— Вот взять, например, твоего отца, — в этот момент к Павлычу подошел их пес, южно-русская овчарка, здоровая и лохматая, которую Войцех всегда опасался, положила нос на колени Павлычу, а тот запустил руку в длинную шерсть. — Ты говоришь, что в его душе есть ненависть к ахногенам. Но в его душе есть и любовь. Это любовь к тебе и к твоей

матери. Именно она двигала им, когда он добровольно отказался от попечителя-ахногена и устроился на службу в полицию. Он хотел, чтобы его жена и сын гордились им, он делал это ради вас, потому что слишком любил вас, чтобы быть на попечении у ахногена. А вовсе не потому, что он ненавидел его. Ты — ахноген, но разве ты можешь сказать, что он ненавидит тебя? Он любит тебя и гордится тобой так, как никогда бы не смог человек, в душе которого ненависть.

Войцеху нечего было возразить. Идея любви витала в этом доме, в этом саду, ею дышало каждое дерево, он чувствовал ее в каждом движении жуны Павлыча, в блеске глаз его дочери, и не мог сопротивляться ее мягкому и ненавязчивому окутыванию.

— Общество навязывает идею несовершенства бурлаков и слишком уж превозносит силу ахногенов. Это порочный круг, — продолжал Павлыч. — Распространение ахно-энергии и перестройка под этот ресурс всего мира, промышленности, не может не ограничивать жизнь бурлаков. Мой отец помнил последствия катастрофы, он рассказывал мне. Землетрясения и наводнения уничтожили Европу и Америку за пять лет, которые пронеслись как пять дней. Земная кора двигалась по всем материкам, запасы таких ресурсов как нефть, газ, каменный уголь внезапно оскудели, реки пошли вспять. Словно Земля перекрыла человечеству кран благоденствия. Природа поставила людей перед выбором: объединиться или погибнуть. И только любовь, я так считаю, людей, которые смогли, оказались способны переступить через собственные принципы и открыли границы для переселенцев, спасла многие народы от полного уничтожения.

— Россия...

— Не только она, но и Африка, и Азия... Времена были тяжелые. На оставшемся клочке Европы люди жили на головах друг у друга. Эпидемии и голод выкашивали выживших. И открытая Кравцовым ахно-энергия стала тогда глотком свежего воздуха, а для многих — спасением. Люди, настрадавшись, нырнули в нее с головой, и их нельзя за это винить. Ахно-энергия на тот момент закрыла огромные бытовые и не только прорехи, на которые не хватало средств. Первые ахногены, которые щедро делились своей новообретенной энергией действительно спасали многие жизни тех, кого природа ею обделила. Так за что мне ненавидеть их?

Войцех знал историю хорошо. Однако пустое перечисление фактов и дат никогда не давало ему такой объемной картины, которую рисовал перед ним Павлыч. Неожиданно семейные истории о том, как его прадед и другие переселенцы строили бараки собственными руками, как им помогали русские, а потом всей улицей они отмечали новоселье, обрели смысл. Раньше он не понимал, что объединяло этих людей, что общего было у них за одним столом. Не понимал, почему так ревностно относился старый дед к еде, и почему однажды он ударил клюкой его мамашу, когда та отдала собаке кусок мяса, выпавший изо рта малыша Войцеха. Мамаша всегда оберегала его от невзгод, а папаша из кожи лез вон, чтобы дать сыну все самое лучшее. И давал. Войцех никогда и ни в чем не нуждался. Однако, до сих пор не задумывался, чего это стоило его родителям-бурлакам, и его деду, и прадеду.

Он подумал, что неплохо было бы навестить родителей, давно уж он у них не был. И со стыдом понял, что в какой-то мере стесняется их. От этих мыслей ему стало душно и тоскливо. Разговор зашел совершенно не в то русло, которое ему бы хотелось. Сегодня его уверенность в себе таяла на глазах.

— Если полицмаг будет всех любить, то грош ему цена. В нашей работе это скорее

слабость. Любой преступник, даже мелкий воришка непременно этим воспользуется, — сказал он. — За что я должен любить... Гошу, например?

Прозвучало это «любить» как-то совсем не так, как это звучало у Павлыча. Войцех смутился и почувствовал, как покраснел. Павлыч усмехнулся.

— Интересно было бы на это посмотреть... Шучу, шучу!

Войцех справился со смятением и продолжил:

— Или эта, Райхенбах... То есть, не эта А старуха. Она же настоящая ведьма! Вы же знаете, что использование магии кроме как на бытовые нужды строго запрещено. И что мне — любить ее за то, что она плевать хотела на Закон? Что гадит людям своим колдовством?

— Ну, допустим, ты доподлинно не знаешь, чем она там занималась. И то, что она тебя напугала своим видом, еще не значит, что она колдунья.

— Она варила в колбе какое-то варево на костре, который развела на могиле. У нее было говорящее разумное радио. Что это, если не колдовство?

— Ну, в говорящем радио нет почти ничего магического. На первых порах с ахно-энергией проводили довольно много экспериментов. Один из них, по вживлению ИИ в технику, ученые успешно запороли. В целом, я слышал, получилось неплохо, но аппарат вышел за пределы своих задач и плохо поддавался контролю. Неудачные образцы не утилизировали, а разобрали себе работники НИИ, а дальше их судьбу никто не отслеживал. Так что это вполне объяснимо. Что же касается колбы и варева — это может быть как обычное знахарство, так и один из множества обрядов по зарядке могуто-камня. До сих пор нет полного справочника по праздникам и обрядам. Но ни то ни другое — не колдовство.

— А почему на могиле?

— Эх, чудак-человек. Потому что у старухи своих сил уже не было, а на могилах существует своя энергетика. Не на всех, конечно. Но она видимо знала, на каких. Колдовство считается таковым, если совершается с целью навредить себе или другому человеку.

— Так она и навредила, — не желал сдаваться Войцех, хотя уже чувствовал, что спор он проигрывает.

— Для нее это была случайность. Если, например, ты мне под руку попадешь, когда я этого не жду, то я и насмерть зашибить могу. А она всего лишь напугала тебя.

— Но она оставила меня там, в могиле, — Войцех не мог поверить, что Павлыч оправдывает действия старухи. В голове это не укладывалось. — Ведь я мог и погибнуть, если бы не ты.

— Это маловероятно. Травм у тебя не было, и даже царапин. Только сильный испуг, который не мог длиться вечно. Я просто нашел тебя раньше, чем ты сам пришел в себя. Если бы не я, нашел бы кто-то другой. Тогда Казимир поднял на уши весь отдел жандармерии. Что же касается того, что она бросила тебя одного, — ты ей обряд сорвал, как никак. Примерь на себя эту ситуацию. Вот ты вырос хорошим, достойным ахногеном. Что ты испытал бы, если бы кто-то, например, прервал бы важный для тебя сеанс связи по голодному оку?

Это было правдой. В среде сыщиков, да и вообще в полицмагии, действовало негласное правило — не мешать, когда кто-то из сотрудников работает с магией. Правило было железным, написанным кровью.

Однако Войцех не мог так просто переосмыслить детские страхи. Послушать Павлыча, так он сам во всем виноват, а старая ведьма не при чем. Всю свою жизнь он выстраивал на ее вине. Она была неоспорима и обсуждению до сих пор не подвергалась.

Он потерял виски. Сегодня все было не так. И самое лучшее, что он мог сделать прямо

сейчас — это пойти домой.

Глава 10. Кладбище

Ядрёные сумерки покрыли мир серо-чёрным саваном, когда трамвай, наконец, остановился и динамик мрачным голосом произнес:

— Ваша остановка!

— Наша только через три, — поспорила Клара.

— Приехали. Маршрут завершен. Трамвай идет в депо.

— Но... — хотела было снова возразить Клара, однако Гоша сказала:

— Не спорь с ним, Кларисса, переубедить его еще никому не удалось.

Огни города, оставшегося позади, не справлялись с мёртвым дыханием Поганных болот, что тянулись по одну сторону дороги. Клара брела к кладбищу, освещая путь могуто-камнем. С другой стороны угрюмо темнели ветхие бараки, в которых когда-то жили люди, а сейчас они стояли покинутыми и чернели провалами разбитых окон. Яркий луч света выхватывал грунтовую дорогу, поросшую чахлой травой. То и дело в него врезались ночные бабочки и жуки, пугая и без того дрожащую Клару суматошным мельтешением.

— Трусы! — храбрилась она, ругая трамвайное депо.

Теряя сердце при каждом шорохе, она обзывалась «флюорограммой» и «тлëй обкусанной», чтобы хоть как-то держаться. Бабушка, когда была жива, умела ругаться от души, с оттягом. Как Иннокентий. Почему Клара не училась у неё? Сейчас бы помогло.

В душе скребли чёрные кошки плохого предчувствия и бушевала буря невысказанного негодования.

Какого чёрта именно ночью им потребовалось идти на кладбище за ниппелями? Какого чёрта вообще понадобилась эта бурда?!

Что-то в ее размышлениях выбивалось из стройной картины, маячило, жужжало навязчивой мухой, но она не могла уловить, что именно. От напряженной работы мысли она остановилась, и, когда луч могуто-камня выхватил Гошину фигуру из темноты, Клара поняла и от возмущения поставила на землю ридикюль с банкой, в которой плюхалась заряженная бурда.

— Сию секунду, Наташа! Немедленно ответь! Ведь на кладбище нет ниппелей! А? Задуму меня держишь?

Она намеренно назвала ее по имени, как делала бабушка, когда сердилась, но голос Клары сорвался на высокую ноту, и «А?» получилось истеричным, а вовсе не суровым.

Гоша тряхнула грязной матерчатой сумкой, в которой что-то звякнуло.

— Теперь есть! — и загоготала, разнося эхо по притихшим могилам.

— Какого черта тогда мы тут делаем?! Зачем тебе это?

— Не чертыхайся, дорогая. Тебе это не идет.

На плече Гоша несла толстую палку с широкой ржавой пластиной на конце — лопата?

— Пойдем, — сказала она и подняла ридикюль. — Обещаю тебе незабываемую ночь. На таком карнавале ты еще не бывала.

Клара, устыдившись своей вспышки, отобрала лопату и ридикюль и пошла рядом.

— И нечего так орать! — капризно сказала она. — Аж голова разболелась. Надо — так и скажи. Я понимаю слова.

Когда луч могуто-камня выхватил обветшалые ворота старого кладбища, она с облегчением вздохнула. Что бы там не задумала Гоша, надо быстрее все закончить и

вернуться домой.

— Добрый вечер, фройляйн, — произнесла вдруг темнота, и Клара поплыла, теряясь в сумрачной реальности.

— Ох, ёпт! — крепкие руки обхватили ее за плечи и встряхнули.

Выпавший из рук могуто-камень осветил снизу небритого Иннокентия, казавшегося в неровном свете коварным и притягательным злодеем.

— Ах! Это вы!

— А вы кого ждали?

— Боже, какое счастье, что это вы!

— Ээ... Хм... Я тоже рад вас видеть, фройляйн.

— Ну что, идем? — спросила Гоша и пошла вперед, показывая дорогу.

Они долго плутали по едва видным тропам, сквозь кустарники, мимо пугающе-тёмных памятников, и, наконец, вышли к малозаметной, поросшей травой могиле. Гоша, нырнула в заросли травы и через минуту появилась снова, с репьем и травинками в волосах.

— Это здесь. Поторопимся! У нас мало времени.

Она подняла руку Клары с могуто-камнем вверх и приказала:

— Держи так.

Дала слесарю лопату:

— На. Копай здесь, — и указала прямо на могилу.

— Что значит «копай»? — недоуменно пробасил Иннокентий.

— То и значит! — Клара слышала в голосе подруги нервную дрожь, и саму ее тоже потряхивало от скопившегося вокруг Гоши напряжения. Но она согласилась со слесарем: и правда — что значит «копай»?

— Ниппеля в могиле, Иннокентий. Чтобы их достать, нужно раскопать могилу.

— Не понял. Как «в могиле»?

— Так — «в могиле», Иннокентий. Буквально... Древний обычай. Неужто не слышал?

— Нет.

— Послушай. — Гоша говорила резко, и даже немножко по-мужски. — Тебя рекомендовали, как профессионала. Не разочаровывай меня, ладно? Уж кто-кто, а ты, как слесарь, должен знать древний обряд захоронения, когда вместе с умершим клали в гроб его рабочие инструменты. У бухгалтера это был «Паркер», у менеджера — органайзер, а у слесаря... ну ты сам понял. Во избежание мародёрства, перечень инструментов записывался в погребенной книге кладбища рядом с данными об умершем и месте захоронения. Мне удалось найти эти книги. Некто Кравцов пожелал унести с собой весь аварийный запас небольшой жилищно-коммунальной конторы.

Клара открыла рот, но тут же захлопнула его, встретив грозный Гошин взгляд. Прошедшие за последние пару дней события сложились в кривоватую, нестройную картинку, и она неожиданно поняла, что бояться надо вовсе не темноты и не чёрных крестов. А Гошиного замысла. Клара так и не смогла разобрать бабушкины каракули, с которых Гоша варила бурду, но отдельные слова она всё-таки поняла: «пейтоль» и «овеществление». От мысли, кого Гоша хочет овеществить пейтолем, флюидированным в течение восьми часов могуто-камнем, у Клары зашевелились на голове волосы.

— Может, не надо? — робко спросила она без особой надежды быть услышанной.

Глаза Гоши светились в темноте такой решимостью, что было очевидно — надо!

— Так что Иннокентий, копай. Все, что ты найдешь там сверх наших ниппелей — все

твое, как и договаривались.

Иннокентий взялся за лопату, и Клара открыла для себя новый, не виданный до сих пор ею, вид работ. Иннокентий был полон сюрпризов.

Земля разлеталась то в одну сторону, то в другую. Клара меняла руки, освещая рабочее поле. Скользя взглядом по небольшому гранитному надгробию, она прочла: «И распахнул иную жизнь» и окончательно уверилась в собственных догадках — какого такого Кравцова могилу они раскапывают.

Гоша, тем временем, достала из ридикюля банку с загустевшим варевом. У ног её Клара разглядела ту самую потрёпанную временем сумку, которой она тряхнула перед кладбищем.

Вопросы зудили язык так, что Клара с трудом их сдерживала. Пришлось по-прежнему доверяться Гоше, которая выглядела так уверенно, будто совершенно чётко знала, что делает. — Готово! — послышался, наконец, глухой голос слесаря из ямы.

Гоша, положив на край могилы пакет с варевом, соскользнула в яму, прихватив сумку. Клара подошла к тёмному провалу с торца и осветила яму внутри. Гроб у Кравцова был гранитным — настоящий саркофаг.

— Надо поднять крышку, — буднично и деловито сказала Гоша, будто речь шла о крышке на кастрюле с супом.

Пыхтя и ругаясь, Иннокентий приподнял крышку и сдвинул её вбок.

— Фууу! — воскликнули они в один голос, и до Клары донёлся ужасный запах.

Она отшатнулась от ямы, хватая ртом свежий воздух. Звякнул металл.

— Свет! — крикнула Гоша.

Пришлось вернуться и осветить фигуры Гоши и Иннокентия, стоящих на краю саркофага, с другого края пристроили крышку, прислонив ее к земляной стенке ямы.

— А вот и нипеля! Забирай! — услышала она неестественно радостный возглас Гоши, и через минуту слесарь вылез из могилы, довольно сжимая в руках всё ту же старую сумку.

«Хитра!» — восхитилась Клара.

— Кларисса! — в голосе Гоши слышалось нетерпение. — Давай ко мне, сюда. Нужна твоя помощь.

Так и есть! Самые мрачные предчувствия Клары становились реальностью.

— Нет, Гоша. Это уж слишком! Хочешь возиться с трупом — делай это сама, без меня! — сорвалась она на истеричное клёканье. — Хватит с меня твоих экспериментов! Поняла?! За кого ты меня принимаешь вообще?

Луч могуто-камня выхватил из темноты могилы поднятое к ней испачканное землёй лицо Гоши — бледное, напряжённое. Глаза сверкали — то ли от гнева, то ли от радости — пойди разбери эту ненормальную.

— Не время для истерик, дорогая, — ласково ответила она, и от этой мягкости, не свойственной происходящему, Клара сразу сдалась, несмотря на бушующий в душе страх. — Я понимаю, что все это выходит за рамки... э-э... твоего обычного времяпровождения. Но я действительно не могу обойтись без твоей помощи. И, знаешь, мы сейчас в одном шаге от истины. Разве можно упустить шанс и не узнать то, что знают лишь избранные?

Клара молчала, обуреваемая смятением. Покойников она боялась больше всего в жизни, даже больше полицмагов.

— Может, я могу помочь, фройлян? — вдруг раздался голос Иннокентия, о котором они обе немного забыли.

— Нет! — взвизгнула Клара, останавливая взмахом руки слесаря, направившегося было

к могиле.

Ей вдруг открылась важность момента. От неё, Кларисы, урождённой фон Райхенбах зависело исполнение, пусть и подозрительной во всём затее Гоши. Именно от неё! Гоша — бурлачка, которую правительство закрепило за ней с трёх лет от роду, и за которую она, Клара, несёт ответственность перед обществом, перед бабушкой, перед Богом, в конце концов! И она не может позволить слесарю, пусть даже он и слесарь, вмешиваться в то, о чём он и представления не имеет! Получил ниппеля? Вот и крути гайки. А сейчас рядом с Гошей её место — Клары!

— Нет, Иннокентий, — подтвердила её скачущие мысли Гоша. — Ты, к сожалению, не сможешь заменить Клариссу.

«К сожалению?!»

Клара презрительно фыркнула, решительно села на край могилы, зажмурилась, оттолкнулась от земли и вверила себя в крепкие Гошины руки.

Ещё до прыжка она решила «не дышать» и «не смотреть». «Отключив» нос, перешла на «ротовое» восприятие могильной реальности.

— Открой глаза, Кларисса. Хватит куражиться!

Труп выглядел страшно — скелет с натянутой на него тонкой коричневой кожей, местами истлевшей, обнажающей пожелтевшие от времени кости.

Проглотив первый испуг, Клара окинула взглядом торчащие рёбра, усохшие ветви кистей рук, шишковатый хребет позвоночника, просвечивающий сквозь рваные дыры и проломы. Труп выглядел жутко, конечно, но она вдруг поняла, что ещё и... жалко. Не верилось, что когда-то эта кучка костей изменила жизнь миллионов, разделила людей на ахноген и бурлаков, развела семьи, обозлила людей и столкнула их лбами — попробуйте превозмогите себя и любите друг друга, если сможете. И сейчас, спустя целую эпоху, навсегда застывшая улыбка профессора, шириной во всю челюсть, будто бы просила извинения за доставленные неудобства.

Гоша тем временем спустила в могилу стоящую на краю банку с бурдой, порылась в карманах и развернула лист бумаги с написанными каракулями, сунула его под нос Кларе, и вполголоса пробурчала:

— Нанести на объект флюидированное средство теми же руками, в которых был могуто-камень в процессе флюидирования. Читать заклинание. Давай!

— Что «давай»? — хриплым шёпотом переспросила Клара. — Ты хоть понимаешь, что то, что ты хочешь сделать — это чёрное колдовство! За такое нас сожгут!

— Не сожгут, Кларисса! Не те времена. Не дрейфь. Всё будет пучком!

От нарисованной перспективы «пучка» Клару замутило. Она забыла дышать ртом и вдохнула носом. С удивлением отметила, что невозможный смрад, который окатил их при открытии гробницы, рассеялся, и пахло землёй и... плесенью. Совсем как от бабушкиной фотографии.

— Кларисса! — горячо увещевала тем временем Гоша. — Ради меня! Ради Гретхен! Ради самой себя! Ведь ты любишь эту жизнь без разделений на чёрное и белое, на бурлаков и ахногенов. И хочешь, чтобы все жили в гармонии и были счастливы! Добрейшая душа, у тебя сейчас есть возможность сделать этот мир справедливей, чище и свободней!

Гошины глаза излучали любовь и гордость. Она крепко держала её за плечи. Клара вдруг почувствовала, как Гошина сила, несравнимая ни с чем, даже с силой могуто-камня, перетекла в неё, и она преисполнилась тем, что видела в ней Гоша. Да! Она может! И как

бабушка будет гордиться ею, наконец-то!

Но полицмаги!.. Эти вездесущие ищейки с нюхом на магию...

— Если что — свалишь всё на меня и на Иннокентия! — решительно трянула растрепанной шевелюрой Гоша, будто услышав её страхи. — Скажешь, что мы заставили. Нас всего лишь оштрафуют, а ты останешься вне подозрений.

— За кого ты меня принимаешь вообще, Наташа Георгиева?! — сурово, почти как бабушка, спросила Клара и вырвала листок из Гошиных рук. Разлапистые каракули впервые в жизни обрели очертания понятных букв.

— Вивамус![1] — прочитала она и почувствовала, как отдался вибрацией звук слова внутри.

Острой молнией сверкнула свежая мысль — она пристроила могуто-камень прямо в дыру в рёбрах трупа, где когда-то билось сердце, опустила обе руки в раскрытый пакет. Когда вязкая гелеобразная масса поглотила их, зачерпнула ладонями варево и бережно перенесла на скалящийся череп.

— Вивамус! — снова проговорила она.

Камень пыхнул красным, просвечивая изнутри истлевшие ошмётки кожи, и погас, снова пыхнул и снова погас. Клара размазывала бурду по черепу, тщательно протирая каждую впадину, трещину и бугорок. Тёплая желеобразная масса таяла и будто сама двигала руками Клары, подсказывая, как лучше, как правильней намазать, меняла цвет с густо-болотной на прозрачную, разжижалась и впитывалась в коричневые иссохшие пергаментные покровы. Кожа насыщалась, светлела, обретала живой вид, кости белели и будто бы крепчали. Она прошла по шейным позвонкам, ключицам, рёбрам, правой руке и... опустив в очередной раз руки в банку, обнаружила, что варево закончилось. Соскребла со стенок, получилось с ладошку, повернула скелет и промазала позвоночник, полагая, что он нужней.

— Вивамус!

Кожа на лице, вернее на той части черепа, что раньше им была, почти полностью восстановилась и имела землисто-серый оттенок. Вырисовался даже нос с ноздрями, который оказался с горбиной и довольно острым. Волевой чуть раздвоенный подбородок являл на свет задорную ямочку. Однако восстановить эстетику рта и губ не получилось, и жертва магии продолжал скалиться белыми и здоровыми теперь зубами, среди которых на верхней челюсти не хватало трёх передних резцов. На правом виске зияла рваная дыра, сквозь которую поблескивала кость, одного уха не было, а второе висело разваренным пельменем. Глазницы по-прежнему зияли темнотой. Шею, костлявые плечи и правую руку с натягом можно было назвать сносными, но вот дыра в груди не затянулась, моргала могуто-камнем и освещала крепкие белые рёбра, с ошмётками невызревшей кожи.

Труп оставался недвижим.

Клара вопросительно посмотрела на Гошу.

— Ну-у-у не знаю, — протянула та. — Я делала всё строго по рецепту. Может, в нём с дозировкой напутано?

— Просто обычно, прежде чем оживлять сразу бегемота, тренируются сначала на кошках или крысах. Бабушка тебе, конечно, это не сказала?!

— Кстати, о кошках! Хорошо, что напонила, — спохватилась Гоша. — Вот, возьми. Согласно рецепту.

Она ловко выудила из кармана и протянула баночку с полупрозрачной жидкостью, в которой Клара разглядела плавающие глазные яблоки и длинный извилистый отросток,

раздвоенный на конце.

— Ещё что-нибудь, о чём ты позабыла?

Гоша нахмурилась, сосредоточенно что-то вспоминая. Сарказм проносился мимо, как Клара ни старалась. Кажется, действительно было что-то ещё.

— О, нет! — простонала Клара. — Гошенька! Да как же ты затеваешь такое дело, не подготовившись как следует?!

— погоди, может это и не имеет значения... Видишь ли. Ты всё правильно сделала. Три раза произнесла заклинание. Только в третьем разе было написано ещё одно слово. А я как-то не подумала... Оно тоже может быть важно, да?... Ах, Кларисса, какая же я тупица!

— Думаю, именно поэтому твой профессор Кравцов до сих пор не ожил. Какое слово? Только сосредоточься, прошу тебя! Даже одна неверная буква может иметь необратимые последствия!

— Хорошо-хорошо! Конечно!

Клара с изумлением видела на лице подруги растерянность и испуг — большей несовместимости и представить сложно. Гоша пошарила в кармане и достала огрызок карандаша, послонявила его и добавила ещё одно слово.

Клара, дрожа от отвращения, достала склизкие глазные яблоки, по очереди вставила их в провалы черепа, вложила между зубов длинный отросток, который оказался языком какой-то совсем не мелкой змеи — «Гоша, видимо, продала душу спекулянтам, чтобы добыть это в такие сжатые сроки» — взяла протянутый листок, и громко, тщательно проговаривая каждую букву произнесла:

— Вивамус эт амор![2]

[1] Vivamus (лат.) — Давайте жить

[2] Vivamus at amor (лат.) — Давайте жить в любви

* * *

Войцех трясся в трамвае, пытаясь разобраться в том, что наговорил ему Павлыч. По всему получалось, что он, Войцех, сам виноват в том, что старуха накинулась на него на кладбище, и от испуга он упал в могилу. Бывает, мол, попал под горячую руку. Сам дурак. И он должен понять ее, ее безмозглую внучку и эту... Гошу. Проявить к ним человеколюбие.

Голова от этих мыслей пылала. Если бы ему это сказал кто угодно, только не Павлыч, Войцех и слушать бы этот бред не стал. Но начальник жандармерии бурлаков Семен Павлыч Медведев давно и прочно был у Войцеха в авторитете, никогда в его словах не сомневался. До сих пор.

На полпути до дома, Войцех внезапно выскочил из трамвая и бегом понесся в старый respectable район, где в уютном и чистом домике доживали свой век родители. С тех пор как он вернулся из полицмагии, он как следует так и не погостил, забегал к ним на ходу, на пять минут, и все больше по какому-то делу. Мамаша обижалась, папаша тоже, хотя тщательно это скрывал, согласно кивал головой — мол, все понимаю, сынок, служба — это святое.

Сейчас Войцеху вдруг стало просто крайне важно увидеть папашу Казимира, ощутить слепую любовь матери, вернуть съехавший с рельсов его собственный трамвай жизни на прежний маршрут.

Папаша по такому поводу вскрыл бочонок пива собственного варения, а мамаша накормила жареными свиными колбасками и зразами. Захмелевший, он с нежностью смотрел на своих стариков, верящих в него как в святыню.

Когда скудные и скучные их новости закончились, мамаша завела разговор о том, что надо покончить с его холостяцкой жизнью, и предложила сходу три хороших партии — все девушки из семьи ахногенов.

— Негоже тебе сынок жениться на бурлачках.

Войцеху стало неприятно.

— Ты ж и сама бурлачка, мать.

— Бурлачка, да. Но такой жизни никому не пожелаю, — но тут же осеклась, бросила виноватый взгляд на мужа и добавила. — То есть, я хочу сказать, что жизнь наша сложилась бы куда проще, будь я ахногеном.

— Будь ты ахногеном, мать, вышла бы ты за отца замуж? За бурлака?

Мамаша смешалась, хлопая глазами. Папаша, покрасневший под рыжими бакенбардами, пришел ей на выручку.

— Ты, давай, Рута, иди, иди. Отдохни маленько. Так умаялась, что язык без мозгов.

Мамаша молча чмокнула Войцеха в макушку, на секунду прижала его голову к себе и вышла.

— Тут давеча встретил я твоего начальника. Хвалил он тебя. Перспективный, говорит, сыщик, — сказал отец, подкрутив ус. — А я ответил, что, мол, Зигорски не лыком шиты, и всегда служили на честь и на совесть.

Войцех немало не смутился. Вот это вот их хвастовство им перед соседями и сослуживцами давно и прочно отвращало его от них. Но сейчас он не хотел об этом думать.

— Скажи, отец. Для меня Российская среда — родина. Но ты помнишь прадеда, ты застал его живым. Каково это — жить на чужбине и служить во славу чужого отечества? Среди чужих людей, которые тебя не понимают, или которых ты не понимаешь.

Казимир крикнул и bravo, словно на построении ответил:

— Так ведь служить надо, а не рассуждать. Есть устав и Закон, и твой святой долг — чтить и исполнять, исполнять и чтить.

Войцех разочаровано выдохнул. Нет, в этом доме он не найдет успокоения растревоженной Павлычем души.

Он хотел было уйти, но папаша не отпустил, пока не закончился бочонок. А когда Войцех все же вырвался из-под задремавшего в кресле отцовского ока, уже стемнело и ночь вступала в свои права.

Он вдохнул полной грудью свежий воздух и побрел мимо спящих домов. Хмельные мысли его расплзались в разные стороны, стройная картина мира дала трещину и растеклась.

Как можно любить преступников? Как можно понять ту старуху и встать на ее сторону? Как можно оправдывать то, что она бросила его тогда одного, в могиле? Как можно простить ее?

Войцех глубоко уважал ум Павлыча. Он всегда стремился походить на него, стать таким же сильным и мудрым, спокойным и рассудительным, человеком, глубоко понимающим суть вещей, гармоничным. Но то, о чем сегодня он говорил, выходило за рамки, не лезло ни в какие ворота и вообще! Было дико!

Войцех очнулся, когда кладбищенские ворота как-то слишком услужливо распахнули перед ним свои металлические створы. Он немного поразмышлял о том, как это он сюда забрел, но потом рассудил, что раз так вышло, значит это кому-то надо и углубился в могильное царство. Могучо-камень освещал его путь широким лучом, на который слетались

ночные бабочки и мириады мушек. Время от времени в поле зрения появлялись чьи-то глаза-бусины, зависали на мгновение и прятались. Войцеху не было страшно, наоборот, хмель, бродивший по жилам, раззадоривал его. Он точно знал, куда идет и понял, что давно готов к этой встрече и жаждет ее, он ждал от нее того, на что что не мог найти ответа в миру.

Могила Гретхен Вольфганговны фон Райхенбах была также ухожена, как и в тот раз, когда Павлыч приводил его сюда десять лет назад. Войцех сел на лавочку и уставился на отчеканенный лик совершенно не похожей на себя старухи. «Руки бы оторвать этому гравировщику!» — подумал он. Отчего-то его задело небрежное отношение мастера к деталям. Похожим был лишь ястребиный нос. Скулы недостаточно выделялись, брови не взлетали подобно крыльям летучей мыши, губы не так презрительно и зло были поджаты, а глаза не завораживали цветом серого пепла, цветом погибшего мира, безнадёги и смерти.

— Не вини его, он работал по фотографии, — услышал он ее голос и, повернув голову, увидел ее рядом с собой, сидящей на лавочке, в том самом черном платье с воротником под горло, с пучком волос на затылке, той самой, что видел тогда. Она была живая и настоящая, бледная, с морщинистым лицом, и серыми, словно пепел глазами, в уголках которых притаилась лукавая улыбка.

Войцех ни капли не испугался. Он шел на эту встречу и был к ней готов. Наоборот, он обрадовался, что все произошло так просто, без всяких ритуалов и прочей глупой мишуры. Это означало, что все по-настоящему, это подтверждало, что связь между ними существует, и все это время он был нормальным, адекватным, разумным, а не испуганным пацаном под влиянием детских страхов.

Он многое хотел спросить у старухи — и про его прошлые кошмары, в которых она приходила к нему, и про его стремление что-то ей доказать, и про нее саму — как она? Кто она? Но вместо этого задал вопрос, который сам собой вырвался:

— Как можно понять Павлыча?

— Его можно только принять. Сердцем, — ответила она и глаза ее в этот момент улыбались, будто она знала Семен Павлыча всю жизнь.

Войцех и хотел спросить — она что, знала Павлыча? Но в этот момент увидел блики света и услышал вдалеке тихие голоса и шорохи. Кому-то еще не спалось в эту ночь. Кто-то еще ходил по кладбищу. Еще чьи-то неуспокоенные души искали ответов.

Войцех неслышно подобрался к тому месту, откуда доносился шум, и то и дело мелькал луч света. Его не смущали кресты и памятники. Внезапно пятнадцати лет, прошедших в борьбе со страхом, будто и не бывало. Он снова ощущал себя маленьким мальчиком, крадущимся по следам неведомого. Однако память до сих пор хранила отпечаток ужаса. Но теперь Войцех знал о магии куда больше, и ни одна живая душа не смогла бы его обнаружить. Ни один, самый зоркий глаз не увидел бы даже тени от него, ни одно самое чуткое ухо не услышало бы ни единого звука — тончайшая шпионская камуфляжная сеть, сплетенная из пуха саяногорского зайца-русака, которая в сложенном виде занимала места едва ли больше грецкого ореха, укрывала его и от чужих взглядов, и скрывала собственную магию.

Когда он, замирая от любопытства и желания почесаться, подобрался к могиле на расстояние метров четырех-пяти, и выглянул из-за памятника, то увидел картину, от которой рука сама потянулась к спящему сейчас голодному оку. Это были мародеры.

Глава 11. Профессор Илья Васильевич Кравцов

Скелет дёрнулся, моргнул бельмами, поперхнулся вложенным отростком и зашёлся тяжелым кашлем. Клара взвизгнула и отползла на другую сторону могилы.

Гоша, издав победный вопль, приподняла скелет за плечи и хлопнула чуть ниже шеи, выбивая застрявший язык. От натуги глазные яблоки вытаращились и посинели, череп выплюнул змеёй оживший щуп, лизнул им воздух и надрывно вдохнул.

— Лопни мои глаза! — изрёк сверху Иннокентий, который, как оказалось, наблюдал за происходящим с безопасного расстояния.

Череп прислушался и, подобно собаке на запах, поднял голову в сторону слесаря. Бельма вывернулись и уставились на него полыхающими огнём радужками, в которых круглые чёрные зрачки вытянулись и превратились в щели, рассекающие пламя надвое. Длинный и гибкий язык вновь стрельнул из дыры в зубах в направлении Иннокентия. Череп медленно обвёл пламенным взором могилу, задержался на Кларе, пульнул раздвоенной плетью в неё, втянул носом воздух и молвил глухим басом:

— Я умер?

— Ммм... Не совсем, профессор, — мягко ответила Гоша. — То есть, да, конечно. Вы умерли, но с тех пор прошло больше пятидесяти лет.

Череп попытался повернуть голову и посмотреть на Гошу.

— Я не вижу тебя, — пророкотал он. — Выползай.

Гоша аккуратно потянула профессора за плечи, пристраивая спиной к стенке саркофага. Часть овеществлённого скелета двинулась, оставляя на месте не затронутые бурдой и, по-прежнему, иссохшие тазобедренные кости и ноги. Левая рука, на которую не хватило средства, скрипнула и отвалилась, сухо брякнувшись о каменное дно. Пока Гоша старалась, профессор осматривал себя полыхающими взором. Когда все трое оказались в поле его зрения, он поднял перед собой правую руку с грязными загнутыми ногтями, рассмотрел её, накрыл ладонью дыру в груди, в которой пульсировал могуто-камень, прислушался. После этого глаза его вновь прожгли огнём всех по очереди, а бойкий шнур языка хлёстко «понюхал» каждого.

— Позвольте узнать, что здесь происходит, — с раздражением, как показалось Кларе, произнёс профессор.

— Эмм... — протянула слегка растерянная Гоша. — Видите ли...

— Это твоя идея, вострушка, не так ли?

— Да, профессор, — смущённо промямлила Гоша.

— А ты, ясноглазая шалунья, пожертвовала могуто-камнем?

«А ведь и правда! — спохватилась Клара и поняла, отчего у неё сосёт под ложечкой и ноет в груди. — Могуто-камень то теперь у него». И почувствовала себя брошенной сироткой, беззащитной и никому не нужной. В горле застрял ком, а на глаза навернулись слезы. «Как же это я так, а? Вот же глупая курица!»

— А ты, значит, могильщик?

— Слесарь, — презрительно процедил Иннокентий.

— Хм...

«Слесарь-то, похоже, ни чуточки не боится!» — с удивлением отметила Клара.

Иннокентий выглядел уверенно, будто каждый день также ловко откапывал трупы, как

раскладывал батареи на рёбра. От его фигуры, вычерченной предрассветным небом, веяло безмятежностью, и Клара тоже попыталась немного успокоиться. Но вид потрёпанного скелета с горящими глазами никак этому не помогал.

Гоша, в отличии от слесаря, такой решительной не выглядела. Будто только сейчас осознала последствия своей затеи, и они не то, чтобы её напугали, но основательно озадачили.

— Никто из вас, не подумал, я вижу, о том, что будет чувствовать тестовый экземпляр, когда его «оживят»? Смотрю, вы даже не удосужились рассчитать норму вещества, — угрожающе пророкотал профессор, затем прислушался одним ухом, повернув череп к груди.

У Клары сжалось сердце — ей, как солисту этой арии возвратка прилетит посерьёзней.

— И как вы себя чувствуете, профессор? — поспешила прервать гневную тираду Гоша, принимая на себя огонь.

Профессор слушал, подняв указательный палец в знак тишины. Затем тщательно ощупал череп, снова посмотрел на руку, протянул её к Гоше, от чего та слегка подалась назад и придавила Клару, вжавшуюся в земляную стену, и сказал:

— Ногти мешают.

— Эт мы мигом, — невозмутимо ответил Иннокентий, и, порывшись в сумке с инструментами, протянул Гоше шуковину, похожую на «дивные пассатижи». Гоша хмыкнула и, как показалось Кларе, ловко обкусала грязные длинные ногти на сухощавой, но вполне живой руке.

— Так лучше?

— Гм.

Клара с удивлением различила улыбку на черепе, хотя, казалось, это невозможно — он и так улыбался во все зубы. Профессор глубоко и удовлетворённо вздохнул и ожог пламенным взором Клару, от чего у неё по спине побежали горячие мурашки.

— Ну, моя ахно-инверторная индукция. Чем обязан?

Клара приняла такое обращение за комплимент, неожиданно для себя хлопнула ресницами и обольстительно улыбнулась. Кажется, профессор решил сменить гнев на милость. А Гоша никак не придёт в себя. Надо спасать положение.

— Профессор, — мурлыкнула она, отчего огоньки глаз у черепа вспыхнули. — Моя дорогая бабушка, Гретхен фон Райхенбах... Вы должны помнить её, она была вашей ученицей и фанатом... Так много о вас рассказывала... Что я просто не могла жить дальше... Есть один вопрос... Вопрос... На который...

— Только вы можете дать ответ! — закончила Гоша эту мучительную галиматью за Клару.

Профессор скользнул по Гоше огненной искрой, даже показалось, что наморщил лоб, и снова уставился на Клару.

— И что же за вопрос такой?

Клару обдало жаром смятения — давно на неё так не смотрели! Она глянула на Гошу, ища поддержки и увидела, как расстроена её подруга.

— Господин Кравцов! Профессор! — горячо проговорила Гоша, придвигаясь ближе к трупу, и как показалось Кларе, стремясь закрыть её, Клару, своей широкой спиной от профессора. — Я так же, как и Гретхен, ваша поклонница. Я прочитала все ваши книги, изучила труды. Но за время, пока вы... Эмм... Пока вас не было... В мире произошли некоторые изменения. Правительство запретило издавать научные труды, все ваши книги

были под страхом лишения магии изъяты из общественных и частных библиотек.

Впервые профессор взглянул на Гошу с интересом.

— Ты... бурлак, не так ли?

— Да. Но дело не в этом, — Гоша, ободрённая его вниманием, заторопилась, глотая слова от волнения. — Понимаете, у меня есть все ваши книги, кроме последней — «Философия энергии ахна-волн». Мне удалось найти один экземпляр, но кто-то вырвал середину.

Гоша задохнулась и замолчала.

— Ты бурлак, — повторил профессор, — и дело как раз-таки в этом. Иначе, для чего тебе «Философия энергии ахна-волн»? Что ты хочешь найти в ней? Ответы на какие вопросы?

Гоша сидела на краю саркофага очень прямо, Клара видела, чувствовала, как она напряжена и взволнована.

— Я хочу разобраться, почему мы такие... разные, при том, что совершенно одинаковые, — с отчаяньем в голосе ответила она. — Мы состоим из одних клеток и хромосом, но почему одни плывут на корабле, а вторые за бортом? Чем они не угодили Господу?

— А ты не ставишь простых целей, верно? — профессор подмигнул Кларе, или во всяком случае ей так показалось, и продолжил. — Но ответь мне, бурлак, с чего ты взяла, что меня это интересует, а? С чего ты взяла, что твои душевные муки от несовершенства мира и уж тем более Божьей несправедливости должны меня взволновать? На что ты надеялась, проводя обряд воскрешения? Думала, что я воспылаю жаждой возмездия за обманутые надежды всех бурлаков? Что открою истину, в которой бурлаки вовсе не бурлаки, а Божьи избранники? О чём ты думала, когда варила зелье?!

— Меня зовут Наташа Георгиева, — упавшим голосом пролепетала Гоша. — Я всего лишь хотела ознакомиться с вашим последним трудом. И надеялась, что вы подскажете мне, где его найти. И ещё...

Она замолчала. Плечи поникли, и, казалось, она потеряла всякую надежду уговорить зарвавшийся труп.

Столько усилий, и всё зря — её дорогая Гошенька сидела как побитая псинка. Клара забурлила, как серная кислота в перегонной колбе — с паром из всех четырёх жерл. Да как смеет этот трупный студень так разговаривать с её Гошенькой! Что он себе позволяет?!

Она прищурилась и посмотрела на скалящийся череп. И неожиданно увидела, а потом и ощутила тонкую, едва уловимую связь между ним и собой.

— Вы чем-то недовольны, господин Кравцов?! — прошипела она змеёй — Желаете повторного погребения? Я это мигом устрою!

Она решительно протянула руку к груди профессора, где ало пульсировал могуто-камень. Профессор дёрнулся в своём углу саркофага. Тонкие пальцы схватились за торчащие из земли нити корней, щели зрачков расширились и заполнили полыхающие глаза смертной тьмой. Он щёлкнул зубами.

Удовлетворённая достигнутым эффектом, Клара придвинулась ближе и положила руку прямо на дыру в рёбрах, едва прикрытых рваными лохмотьями кожи.

— За все эти долгие годы, с тех пор как ты сдох, Гошенька — первая и единственная, кто вспомнил о тебе. Мнишь себя гением? Три поколения людей разгребают последствия твоей гениальности. Три поколения несчастных судеб!.. Немедленно извинись перед

Гошей! — взвизгнула Клара, доведя себя до наивысшей точки кипения.

— Ис... свини... тте, фрой... лянь! — заикаясь пробасил профессор, щёлкнул зубами и стрельнул языком сквозь щербины. Клара была готова — ловко поймала холодный мокрый шнур и крепко сжала его, так, что глаза у черепа снова посинели и выпучились.

— Выбирай, профессор — или как на духу отвечаешь на все вопросы, или я... оставлю могуто-камень, но лично! Своими руками! Закопаю тебя, и ты будешь жить до тех пор, пока черви не съедят тебя до последней костной зиготы. А будет это оч-чень не скоро!

— Мэ-мэ-э! — закивал череп.

Клара отпустила язык, сдула упавшую на глаза прядь волос и почувствовала на плече горячую руку Гоши. Похлопала её успокаивающе.

— Ну! — прикрикнула на профессора.

Череп два раза щёлкнул зубами, провернул круговую бельма и виновато осклабился.

— Видите ли, моя суммарно-активная ахно-восприимчивость... Боюсь, что я кхэ-кхэ... Не совсем верно выразился...

— Ну, конечно!

— Я бы и рад помочь, но...

— Что ещё за «но»?!

— погоди, Кларисса! Дай профессору сказать!

— Кхэ-кхэ... М-да... Благодарю! — скелет церемонно наклонил череп. — Видите ли... необратимые последствия клинической смерти.

— Чего? — подал голос Иннокентий сверху. Даже он не поверил профессору.

— Смерть головного мозга! — раздражённо пробасил профессор. — Вы же не думали, что ваше варево целиком восстановит такое сложный орган, как мозг? Амнезия... Я просто ничего не помню!

— Совсем ничего? — расстроилась Гоша.

Клара растерялась. Что же теперь делать? Им же не нужен мозг профессора. Им всего-то нужна книга.

— Но ведь вы не забыли, что вы профессор Кравцов, не так ли?

— Вспомнил, когда назвали.

— Хорошо. Но что-то же должно было остаться в памяти?

— Ну... Общие размытые картины. Меня били ногами по голове... Потом выстрел... И вот, — он приложил руку к дыре на груди.

— И больше ничего?

Профессор закатил бельма и замер.

— Страх... Меня искали... Охотились... Я убегал... Прятался.

— Кто? Чего они хотели? — прошептала Гоша, до боли сжав плечо Клары.

— Мои последние исследования. Кто — не знаю, не могу вспомнить.

Профессор щёлкнул зубами и полыхнул огнём глаз.

— А что? Что это были за исследования? — голос Гоши звенел от отчаянья.

Профессор пожал плечами и сделал рукой неопределённый жест:

— Вы слишком многого хотите, мадмуазель!

— Ах! Боже мой! Ну неужели нет никаких концов и зацепок?! Вспомните, хоть какой-то ориентир! Где вы жили? Где прятались? Хоть что-нибудь!

Профессор снова закатил глаза, пугая бельмами. Некоторое время они наблюдали, как он шныряет языком и иногда щёлкает челюстью.

— Помню... — наконец произнёс он замогильным голосом, который отозвался внутри Клары тревожной вибрацией. — Ночь... Дождь... Такой необычный фонарный столб... И дерево рядом... Растёт так, будто хочет укрыть столб от непогоды — нависает над ним... А у столба фонарь подвесной... На короткой цепи... Сильный ветер — он раскачивается, и от этого страшно, потому что в тенях прячется... смерть. Фонарь пытается осветить её, выгнать из чёрной тени, она скрывается в пляшущих ветвях косматой кроны. Фонарь выхватывает из темноты дрожащую листву, а смерть хохочет ветром и стекает в черноту корней.

Гоша и Клара переглянулись, а Иннокентий смачно крякнул.

— Ну вот. Уже что-то! — бодро произнесла Гоша. — Может, на столбе табличка была с названием улицы?

Профессор замолчал, надувая белёмы синим цветом. Шло время и уже не только Гоша, но и Клара, и даже Иннокентий затаили дыхание, боясь вспугнуть работу умершего мозга — вдруг и правда была табличка.

Но полыхнули огнём глаза, нервно пульнул раздвоенный шнур, и профессор покачал черепом.

— Малые Вещуны... А больше ничего... Увидел бы — вспомнил... А так — нет.

Клара и Иннокентий разочарованно вздохнули. И только Гоша сидела с прямой, как палка, спиной, пристально глядела на профессора и молчала. Она будто не слышала, что он сказал и ждала, когда он продолжит. Наконец, профессор щёлкнул челюстью, дёрнул плечом и резко спросил у нее:

— Что?

— Что вы сказали только-что? — тихо спросила Гоша.

Клара перебрала фразы профессора в голове и похолодела.

— Нет, — прошептала она одними губами. — Только не это!

— Увидел бы — вспомнил! — повторил профессор. — Зачем так... Впрочем...

— Нет, Гоша! — взвизгнула Клара. — Даже не проси!

— Да, Кларисса! Не обсуждается!

— А что, фройляйн! Я б в таком поучаствовал! — слова слесаря пудовой гирей придавили противоположную чашу весов.

* * *

В криминальных сводках Войцеху время от времени попадались случаи разграбления могил бурлаками в других городах. Ходили нелепые слухи о каких-то профессиональных инструментах ушедшей эпохи, которые якобы клали вместе с умершими владельцами в гроб. В среде сыщиков кто-то даже учинил небольшую награду за поимку того сказочника, что распускал эти небылицы. Неужели Войцех наткнулся на болванов, которые что-то такое ищут в могилах? Так или иначе, удача была на его стороне.

Войцех попытался оценить расстановку сил. Он видел пока только одного участника группы — здоровый мужик, который сидел на корточках у разрытой могилы и с интересом наблюдал за происходящим в яме. Там, судя по звукам, находились еще двое... или трое? Он явно различил два разных... женских... голоса — один нервный и срывающийся в истерику, второй уверенный и бесстрашный. Ему понравился этот голос. Еще один принадлежал мужчине — низкий и гулкий он рокотал подобно далеким раскатам грома.

Итого четверо. Для одного Войцеха многовато.

Если вызвать по голодному оку подкрепление, а самому попытаться воспользоваться внезапностью и удачной позицией — оглушить здоровяка, а остальных держать в яме под

прицелом ахно-шокера, пока не придет? Сколько он так сможет продержаться? Часа два-три? Хватит им времени, чтобы прийти на помощь? Пожалуй.

Рука потянулась к голодному оку, другой он нащупал в кармане ахно-шокер, оставалось только нацепить его на лоб. В могиле послышался яростный спор и возня. Вот сейчас! Он приложился к радужке пальцем и чуть не вскрикнул от боли — радужка моментально содрала кругляш кожного покрова, присосалась и жадно зачмокала. Войцех с трудом оторвал ее другой рукой от пальца и только приготовился говорить, как от увиденного у него зашевелились волосы на голове. Он медленно опустил руку и сделал голодному оку отбой.

В прыгающем луче света мужик, сидящий на краю могилы наклонился над ней, принял поданное из могилы тело и вытянул его на траву. Внутри тела пульсировало алым светом, и в коротких и неярких вспышках Войцех рассмотрел полуразложившийся труп. Следом выбралась сначала одна женщина — полногрудая и взъерошенная, затем она помогла выбраться второй — поменьше ростом, с большим задом, перетягивающим ее назад в могилу. Момент был упущен!

— Послушай, Кларисса! Мы зашли уже так далеко, что нет смысла поворачивать назад, — сказала взъерошенная.

“Кларисса?! — затаил он дыхание, не веря в свою удачу. — Неужели вторая...”

— Гошенька, да как ты не понимаешь! — плаксиво ответила Кларисса. — То, что мы делаем — это преступление! Меня посадят!

“Очень даже вероятно! А где третий? Голоса было три!”

— Ах, мой нервный ахно-импульс! — услышал Войцех третьего и с изумлением понял, что это говорит полуразложившийся труп.

“Некромантия?! Да за такие дела...” — Войцех точно не помнил, но сидеть Клариссе было долго и в одиночке.

“Ты моя удача!” — прошептал он и решил не вызывать подкрепление. Некромантию в полицмагической академии он изучал только в теории. Несколько лет назад в сводках проходило довольно сложное дело о некромантах в Африканской Губернии, но подробностей им не сообщали. И кто бы мог подумать, что в Малых Вещунах, на задворках цивилизации, может обнаружиться что-то подобное. Да Войцех прославится на весь мир! Главное не торопиться. Главное не упустить.

Компания явно собиралась уходить — мужик резво закидывал раскопанную землю назад в могилу, Гоша ему помогала, а Кларисса, даром, что истеричка — стояла рядом и просто смотрела. Войцех терпеливо ждал.

Наконец, Кларисса завершила работу над закопанной могилкой, придав ей заброшенный вид. Сверху положили и присыпали прошлогодними листьями и сухим мусором скромную надгробную плиту. И только сейчас у Войцеа возникло любопытство — а чей это, собственно, труп. И он решил, что если не откроется раньше, прийти и прочитать, что там накарябано на этой плите.

Труп в лунном свете выглядел устрашающе: без ног, не со всеми ребрами и с одной рукой, с лохмотьями какой-то странно-бледной кожи, он скалился во всю челюсть и зыркал огненными глазами. Тонкий и длинный язык то и дело стрелял сквозь дыру между зубов. Войцех на миг задержал дыхание, когда эта раздвоенная на конце плеть несколько раз подряд выплонулась в его сторону. Но камуфляжная сетка надежно укрывала его от магического чутья других ахногенов.

Труп запихнули в рюкзак, а рюкзак водрузили на плечи мужику, и компания двинулась

на выход.

В сером утреннем свете по спящим улицам Малых Вещунов шли трое.

Гоша, уверенно рассекала грудью лёгкую предрассветную дымку, двигаясь от одного столба с деревом к другому. За ней, пыхтя вздыхая, бормоча и щёлкая зубами, крутясь во все стороны, шествовала двухголовая трёхрукая фигура — внушительного вида небритый мужик в спецовке с трупом на спине. Замыкала шествие Кларисса. Она постоянно вздрагивала, оглядывалась и щелкала пальцами. Это было простое, но действенное заклинание, которое Войцех тоже знал. Усыпить внимание нежелательного свидетеля на время, спутать сознание, поселить иллюзию сна.

К сожалению, от воздействия чужой магии камуфляжная сетка не защищала. Войцех держался за ними шагах в десяти и ему приходилось то и дело творить ответное заклинание, чтобы не заснуть или просто не забыть, где он и что делает. Сколько же у этого ахногена сил, если она без могуто-камня может так основательно магичить? Надо будет проверить потом ее емкость, тут пахнет самой настоящей восьмеркой.

Они то и дело пропадали из вида, иногда целиком, или частями, но потом снова появлялись, и каждый раз Войцех с удивлением наблюдал одну и ту же картину, которую вызывал движением одной руки полуживой труп — в отдельно взятом лоскуте пространства радиусом метра три наступала мрак, зажигался фонарь, поднимался шквальный ветер, косою ливень плотной стеной накрывал крениющиеся под ветром ветви дерева, фонарь мотался на цепи, рождая жуткие картины светотени.

Мужик, пыхтя и пятясь задом, обходил вокруг бушующий обломок природы, чтобы труп мог в деталях осмотреть его. Но каждый раз череп щёлкал зубами и всё заканчивалось так же внезапно, как и начиналось.

— Нет. Не то, — подытоживал труп и указывал в другое место аллеи: — Давай туда.

Так они обошли улицу Хрустальных Гусей и Пятую Хризантемовую. Небо на востоке зарделось зарей.

— Всё! — твердо сказала Кларисса. — Скоро Жилкоммаг явится мести улицы, никакие заклинания не спасут. Домой!

К счастью, желающих подглядывать за странной группой любителей утренних прогулок было немного. Оживший мертвец распространял вокруг себя смертную тоску, которую Войцех чувствовал даже отсюда. Всё живое замирало в страхе, даже листва на деревьях как-то притихла и не шевелилась.

Цыкая и шипя змеей на спутников, Кларисса с великими предосторожностями, минуя открытое пространство, провела шайку по стеночке дома, щелкая пальцами, окутала густым туманом двуглавою и трёхрукою фигуру, и наконец зашла в парадную трехэтажного дома, а за ней ввалилась и вся компания. Войцех увидел дверь в парадную — обычную, деревянную, с облупившейся краской и уже высохшую от старости, и внезапно понял, что ему во чтобы то ни стало! необходимо! просто всенепременно! нужно попасть в подъезд до того, как дверь захлопнется. Иначе он потеряет их. Он не знал, откуда появилась эта мысль и в следующее мгновение стала уверенностью. Не было времени анализировать. Он рванулся вперед, в два прыжка очутился у двери и головой вперед бросился в сужающийся проем. А в следующий миг сам оказался в замедленной съемке. Он почувствовал, как его нога очень медленно и прочно цепляется за невысокий порожек, как он теряет равновесие и как тягуче плывет куда-то в темноту.

* * *

«Конечно! — думала Клара, устало переставляя ноги. — Куда ещё тащить труп, если не к Клариссе фон Райхенбах?!»

Но сопротивляться Гошиному напору не было сил. С самого кладбища ей все время чудилось, что за ними кто-то наблюдает. Несмотря на то, что туман, так вовремя выпавший поутру, скрывал их шествие, она не могла отделаться от ощущения, что каждый житель смотрит на них из-за шторки, наблюдает за двухголовой и трёхрукой фигурой в сопровождении двух пыльных от могильной земли не совсем нормальных девах, и набирает номер полицмагии. На всякий случай.

Без могуто-камня она чувствовала себя слабой и уязвлённой. А ещё так, будто у неё теперь одна кровь на двоих с профессором, одно дыхание и моментами даже одно тело — ноги и левая рука ныли, как при запущенном радикулите, и всё время хотелось высунуть язык.

Зайдя домой и закрыв дверь на все замки, цепочку и щеколду, Клара обессиленно опустилась на пуфик, который ждал её и от нетерпения подскакивал на изогнутых ножках.

— Мои маленькие друзья! — проворковал воодушевлённый Николаша с кухни. — Поскорей мойте руки, пейте молоко с печеньем и усаживайтесь поудобней...

Клара видела, как Гоша и Иннокентий с профессором на спине прошли в кухню, оставляя на паркете кладбищенскую грязь, но не было ни сил, ни желания возмущаться или просто даже подумать о том, что она — хозяйка в этом доме и должна как-то проявить себя. Полумрак передней, мягкий пуфик и тёплая стенка, на которую она оперлась спиной, вызвали в уставшем теле истому, а в голове апатию.

«Сиденьем города берут, — говаривала бабушка. — Вот я и посижу. Авось само рассосётся» — примерно такая мысль поскреблась в оцепеневшем от усталости мозге Клары, прежде чем она отключилась от реальности.

Глава 12. Заброшенные сады

Падение Войцеха закончилось так же резко, как началось. Он обнаружил себя сидящим на деревянном полу, обхватившим руками подтянутые к груди колени. Оглянулся и увидел над собой изнанку круглой столешницы, четыре резные ножки по сторонам, запирающие пространство в квадрат, и четыре пары ног, торчащие из-под скатерти с бахромой. Женских ног. Он очутился под столом, за которым сидели четыре женщины.

Первая возникшая мысль была — выбраться из-под стола. Но он представил себе, как это выглядит со стороны, и сдержал порыв. Все-таки он представитель закона, и выглядеть глупо в глазах обывателей — значит дискредитировать полицмагию. За это шеф ему благодарен не будет. Он прислушался к тихим разговорам, что велись за столом.

— ... луна ясная в небе, луна растущая, сейчас самое время, милая, — говорила женщина низким грудным голосом, ласково так. Судя по тому, откуда шел звук, ее ноги были самые полные, скрытые до щиколоток складками юбки, в растоптанных и старых туфлях без каблука, варикозные вены и бледная со множеством возрастных точек кожа.

— Но послушайте, Евдокия! — лениво цедила в полголоса хозяйка бархатных весьма редкой работы туфелек и очаровательных голых лодыжек. — Бабуля Райхенбах нас категорически бы пристыдила за такое. Одно дело посмотреть по картам судьбу, а совсем другое...

— Бабуля уж десять лет как... того... А мы жить хотим, любить хотим. И чтоб нас любили. Верно, Настасья? — мурлыкал ласковый грудной голос, а одна полная нога тихонько пнула бархатную туфлю.

— Я... Поймите, он очень хороший... И любит меня... — тихо ответил дрожащий, совсем юный голосок и тоненькие в босоножках ножки поджались под стул.

— Просто сам об этом еще не знает, — усмехнулся четвертый голос, наглый и самоуверенный, ноги в штанах и довольно поношенных кедах вытянулись, едва не задев Войцеха, одна ступня крестом легла на другую и задергалась будто в такт какой-то неслышной музыке.

— Ему и не надо ничего знать. От него требуется совсем другое.

“Та-ак, — подумал Войцех. — Опять Райхенбах?! Это что у нас тут, гражданочки? Шабаш?”

Кажется, сегодня удача вела Войцеха по прямой к раскрытию пока еще невиданных в Малых Вещунах тайн и преступлений, к его славе и неминуемому повышению по службе. Правда он совершенно не понимал, как оказался здесь. Его заметила Кларисса и что-то такое сделала, чего он не знает? Так или иначе, но он, похоже снова попал в самую гущу нарушителей закона. Четыре человека — это уже группа!

— Поймите меня правильно, — не торопясь тянули бархатные туфельки. — Мне самой противны ее правила. Бабуля была удушливая. Но она не просто так топила за безопасность обрядов. Пренебрегать ее заветами значит обнаружить себя, чего при ней, сколько я себя помню, не бывало. Мы и так стали... не аккуратны в последнее время.

“Поздно, милая, — в тон стоптанным туфлям мысленно ответил Войцех. — Не время собак кормить, когда волк в стаде”.

— Не было при ней, не будет и при нас. За десять лет нас хоть кто-нибудь потревожил, Марчелла? — Войцеху послышалось в мурчании грудного голоса угроза.

— Нет, но... Безопасностью пренебрегать не стоит.

— Если ты так ссыщ, можно защиту на дом поставить на время обряда, — бросили как-бы мимоходом кроссовки.

Воцарилось молчание.

Войцех уже распознал, что три женщины, кроме самой молодой в босоножках, ахногены, а она — бурлачка. Перед ним вдруг возник сложный вопрос — если они поставят защиту на дом — не обнаружат ли его в этот момент?

— Это снизило бы риски, — несколько долгих секунд спустя протянули бархатные туфельки. — Однако, ты должна понимать. Настасья, что и обряд, и безопасность его проведения, будут стоить дополнительных денег.

— Я понимаю... Сколько?

— Таюн же у тебя нет?

— Нет, — едва услышал тихий ответ девушки Войцех. — Есть еще серьги. Посмотрите. Это настоящие бриллианты. Им больше ста лет. Мама говорит, что это антиквариат.

— Материны? Стырила что ли? — наглые кеды подтянулись, их обладательница, видимо, подалась через стол.

— Н-нет! Что вы! — вскрикнули босоножки, и остальные зашикали на нее. — Это фамильная ценность, передается от матери к дочери в день совершеннолетия, — снизила девушка голос до шепота.

— М-м-м, — разочарованно протянули кеды. — А мне показалось тебе не больше пятнадцати.

— Это генетика, мама тоже хорошо выглядит в свои пятьдесят, — пролепетали босоножки упавшим голосом. — Ну так что, берете?

— А не жалко? — процедили бархатные туфельки.

— За Андрейку не жалко. Зачем они мне, если его рядом не будет?

— Тогда закрой глаза и представь себе своего Андрейку в мельчайших деталях.

Разговоры затихли, и Войцех услышал, как расставляются на столе какие-то предметы, что-то шелестит и брякает. Готовятся к обряду, — подумал он.

Войцех напряженно соображал — что делать? Ситуация выходила наиглупейшая. Но хотелось получить из нее возможно больше выгоды. Он помнил, как Павлыч развенчал его обвинения в адрес старухи, поэтому надо было убедиться в том, что они действительно колдуньи. А что потом? — он боялся их спугнуть. Но и упускать не хотел. Пометавшись мыслями среди нескольких дерзких планов, вроде тех, что выскочить прямо сейчас и повязать их всей кучей путами, применив ахно-шокер, он все же успокоился на самом безрисковом — подождать, пока закончится обряд и проследить за ними, в особенности — за обладательницей стоптанных туфель и полных ног. Похоже, именно она тут заправила. Кто знает, из скольких человек состоит их тайное общество на самом деле, может и не Евдокия там главная вовсе, а есть кто-то еще, типа старухи Райхенбах, сидит в логове, как паук, плетет колдовские сети.

Но самое возмутительное во всем этом было то, что по отчетам ответственных за бытовое колдовство сотрудников полицимагии, всё в Малых Вещунах было тихо и спокойно. Что это? Халатность? Разгильдяйство? Или...

Войцех почувствовал запах воска — колдуньи зажгли свечи, и вскоре потянуло пряным запахом эфирных масел и жженных трав. А следом раздался ласковый и степенный говор Евдокии:

— Стану я, раба Настасья, благословясь,
пойду, перекрестясь,
из избы в двери, из двора в ворота,
выйду в чистое поле, в подводосточную сторону,
в подводосточной стороне стоит изба,
среди избы лежит доска,
под доской тоска.

Слова лились неторопливой мелодией, в которой Войцех чувствовал некий ритм. Голос у Евдокии, низкий, с приятной хрипотцой, словно был создан для таких вот напевов, вслушиваясь в которые, Войцех вдруг понял, что поток слов идет непрерывно. Евдокия не делала пауз между строками для того, чтобы набрать в грудь воздуха — вдыхая, она продолжала говорить.

Внезапно второй голос, принадлежащий обладательнице божественных икр и бархатных туфелек Марчелле, начал читать тот же самый заговор с самого начала:

— Стану я, раба Настасья, благословясь,
пойду, перекрестясь,
из избы в двери, из двора в ворота...

Сочный и нежный он наложился новым рисунком на фон низкого голоса Евдокии и слился с ним в дуэте. Только Евдокия продолжала начитывать заговор: «Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается...», и слышать это сочетание голосов и различение было необычно, мозг Войцеа попытался раздвоиться и угнаться сразу за обоими, отчего голова немного закружилась и поплыла. Он силился отделить один голос от другого, чтобы расслышать слова первого, как к этим двум присоединился третий:

— Стану я, раба Настасья, благословясь,
пойду, перекрестясь,
из избы в двери, из двора в ворота...

И теперь уже три голоса сливались в единый ритмичный говор, в котором трудно было разобрать отдельные слова и тем более фразы, но разложенный на голоса напев затягивал, было в нем то колдовское, к которому он всегда, с тех самых пор, как встретил старуху Райхенбах, хотел приобщиться и изучить глубже, досконально, потому что именно в нем крылась сила старухи, — но жизнь все время уводила его куда-то в другую сторону.

Вскоре он бросил попытки разобрать слова заговора и просто слушал, а потом незаметно для себя погрузился в мысли о том, что произошло с ним за последний день. Закрыв глаза, он вдруг так ясно увидел Гошу, ее крепкую фигуру, услышал ее приятный и решительный голос. Почувствовал ту притягательную силу, которой обладали некоторые, немногие русские, с которыми ему приходилось общаться, в бурлаках. Откуда это в ней? — думал он. — Она живет так, будто бы не нуждается в ахно-энергии. Весь мир нуждается, а она нет. И тем не менее она ищет ее, и хочет что-то понять, узнать. Вопреки. Все давно успокоились — пять десятилетий исследований и никаких сомнений в природе бурлаков: если человек пуст, значит он пуст, и ахно-волнам в нем взяться просто неоткуда. А она ищет. Зачем? Что и кому она хочет доказать?

Несмотря на то, что он сразу же записал Гошу в преступницы, и это только вопрос времени, когда ее поймут, ее непреклонность и настойчивость вызывала у него уважение. Ведь он и сам всю жизнь боролся, и борьба эта была непростой. Он чувствовал, как нечто общее объединило их с Гошей, обмотало одними путями, сроднило.

Он поймал себя на том, что допускает величайшую ошибку, нарушает первую заповедь полицмага — быть беспристрастным. Но сейчас ему казалось, что у Гоши могли быть свои причины ввязаться в это преступление, причины, более серьезные, чем их с Кларой дружба, чем ее преданность старухе Райхенбах, и более глубокие, чем Закон. Если быть точнее — ничего общего с ним не имеющие.

Что-то изменилось.

Войцех с усилием вынырнул из своих мыслей и вдруг понял, что наступила тишина. Колдуньи не читали больше заговор, не чувствовался запах ароматических масел и жженных трав, но самое главное — ноги исчезли! Погруженный в свои мысли, он не заметил, когда это произошло. Не было даже скатерти, которой был покрыт стол, и со своего места ему теперь открывался более широкий вид на помещение, в котором он находился. Это была комната в каком-то деревенском доме, с дощатым, давно не метеным полом, с бревенчатыми, небелеными стенами, совершенно пустая, если не считать стола и четырех стульев, на которых сидели колдуньи и их посетительница. Из окна, заклеенного старыми газетами, пробивался тусклый дневной свет. Неплотно прикрытая дверь поскрипывала петлями на сквозняке.

Войцех попытался выбраться из-под стола, но оказалось, он так затек, что смог только вытянуться на грязном полу и лежать некоторое время, растирая мышцы на ногах и руках.

— Какой же ты осёл, Войцех! — ругал он сам себя. — Распустил уши, как малолетняя школьница. Пойди теперь, найди этих ведьм!

Он с трудом поднялся на карачки и выполз из-под стола. Затем встал и на негнущихся ногах, стараясь ступать как можно тише, подошел к двери. Под его весом доски нещадно скрипели, и он еще раз поразился — как он мог упустить момент, когда все закончилось и женщины ушли. Он посмотрел в щелку между дверью и косяком, а затем приоткрыл дверь и выглянул на улицу. Дом утопал в зарослях заросшего сада — яблони, на которых после цветения завязались плоды, кусты смородины, вишни и ирги, буйные заросли когда-то культурных цветов и трав, а сейчас — одичавших и взлохмаченных, подобно Гошиным волосам. От тоскливой нежности, внезапно возникшей в его сердце при мысли о Гоше, он разозлился на себя и сплюнул. Это от переутомления, — решил он. — Ведь не спал... — Войцех посмотрел на небо, нашёл солнце, сползающее в закат, и понял, что просидел под столом почти весь день.

«День! Я провел тут целый день!»

Он пошел по едва видимой тропинке и обнаружил старый, местами заваленный шпакетник и приоткрытую калитку, за которой узкая, поросшая короткой травой колея, вилась между таких же заброшенных садов.

Направо или налево? — растерялся он, и тут же хлопнул себя по лбу. У него же есть голодное око! Око, которое ему задолжало.

Он достал его из кармана, сжав скользкое студенистое тельце, прошептал: «Домой! Плату ты сегодня уже получил. Авансом», и бросил его на дорогу. Око шмякнулось в траву, полежало немного, чмокая, и выкатилось на ближайшую к Войцеху колею. Повертелось на месте, покатило туда-сюда, и уверенно двинуло направо.

Войцех рванул за ним.

Внезапная обжигающая вспышка ослепила его и погасла. Войцех остановился, мотая головой.

Глаза еще привыкали к нормальному свету, а Войцех уже понял, что только что

полыхнула его камуфляжная шпионская сеть. В носу щекотал тошнотный запах сторовшей шерсти, немного опаленная кожа на лице и руках пылали. Что это было?

Ведьмы ушли, а защита осталась? Да они не так просты, как кажутся, раз могут такое.

Что ж эта сетка сослужила ему хорошую службу сегодня... и вчера. Теперь нужно быть вдвойне осторожным.

Голодное око скрылось за поворотом, и он ускорил шаг, чтобы догнать его. Места были малознакомые, но кажется, он догадался, куда его занесло. О полузаброшенном дачном поселке «Фантом-2» ходила дурная слава. И бродить тут по ночам Войцеху вовсе не хотелось. На кладбище, например, было намного спокойней. Он шел в вечерних сумерках, вглядываясь в колею, но око словно провалилось. По его меркам он должен был догнать его уже давно. Куда оно делось? Все таки, ахно-генетики, что работают при госаппарате, — халтурщики. Никогда на их разработки нельзя положиться полностью. Уже не в первый раз снаряга подводит его в критический момент.

Ему снова на ум пришла Гоша. А ведь бурлакам устройства с использованием ахно-энергии и вовсе неведомы. Как-то же они выживают?

Надо определить в какой стороне город. Он огляделся — решение нашлось само — огромная береза, растущая у калитки одного из заброшенного домика. Кряхтя и ругаясь, Войцех взобрался на нижнюю ветку. Он хотел было подниматься дальше, как вдруг на пороге дачного домика, у которого росла береза, увидел темный силуэт и ослепительные вспышки света.

Войцех замер. Кто бы это ни был, живой человек в «Фантоме-2» не к добру. Затаив дыхание, он наблюдал за маленькой согбенной фигуркой. Это был старик, с блестящей в вечернем свете лысиной, обрамленной седым пушком волос. Он что-то мастерил, и из этого «что-то» то и дело искрило рваными изогнутыми молниями. Старик бормотал, время от времени похихатывая. Было много подозрительного, странного и необъяснимого в его движениях, в приглушенном голосе и в нервном и нездоровом хихиканье — дом, как и сад явно не использовался много лет, Войцех не видел даже тропинки от калитки к крыльцу, на котором расположился дед, даже примятой травы от того, что тут прошел хотя бы раз человек. А потом его взгляд разглядел в промежутках между молниями свою потерю — голодное око. Срываясь с металлических дисков, установленных друг напротив друга, разряды, устремившись к центру, образовывали искрящий шар. В центре этого шара и находилось око.

Что за чертовщина? Время пошло вспять? Голодное око — табельное оружие сыщика-полицмага, наряду с камуфляжной шпионской сетью, ахно-путами и шокером. Это знал каждый. Каждый! За одно только прикосновение к этим святая святых можно было схлопотать срок. Но воровство... Войцех припомнил историю, как лет десять тому в небольшом городке на Севере ярые, но тупые уголовники напали на участок полицмагии и утащили всю снарягу. Их выследили всех до единого, и дали пожизненный срок. Долго и основательно освещали этот процесс в прессе — правительство тогда позаботилось о том, чтобы донести до каждого жителя Объединенного государства, что снаряжение полицмага неприкосновенно. Запомнили все. С тех пор такого не случалось.

И вот теперь Войцех наблюдал, как его голодное око какой-то старый хмырь поджаривает на молниях, будто шашлык на вертеле. Невероятно!

Стараясь не шуметь, Войцех спустился с дерева и достал из нагрудного кармана куртки ахно-путы. Расправив жгут, извивающийся змеей, он прокрался ближе к крыльцу и

притаился за кустом. Даже если он и нашумел, этот клоун, похоже, не услышал, поглощенный своими фокусами.

Око, подвешенное на обычную проволоку, уже не сопротивлялось. Оно скукожилось и стало похоже на печеное яблоко, при каждом новом разряде, слабо дергалось и сипело, выпуская влагу.

— Еще разок, малыш, хе-хе-хе. Откуда ты такой на седую голову дедушки Отто?.. — ворковал старик. — Что ты, а? Выкидыш упыря?..

Войцех решил не медлить. Голодное око без сомнений уже инвалид, но сыворотку из слез беладонны на дожитие оно честно заслужило.

Путы взвились плетью и мгновенно охватили старика со всеми его «игрушками» тройным перекрестным кольцом. Войцех в два прыжка оказался у крыльца. Но его встретили лишь истерзанное око и безжизненный жгут. Старик с железьяками исчез, будто его и не было.

Войцех сел на крыльцо и закрыл глаза руками.

Что за чертовщина кругом творится? Неужели это была галлюцинация? Он взглянул на голодное око и на путы. Одно явно не дотянет до рассвета, если он не пошевелится. А вторые напрочь лишены ахно-энергии и стали обычной веревкой, хотя заряд в них заложен основательный. «Упырь»? Он сказал «выкидыш упыря»?

Про упырей-ахногенов ходили слухи. Но пока что в Российской губернии реальных случаев упырей, забирающих ахно-энергию у людей, зафиксировано не было. Выкачивать ахно-волны оставалось прерогативой государства, и делало оно это таким образом, что люди сами несли ее. Ибо ученые давно доказали, что когда человек отдает ахно-волны добровольно, то качество и количество всегда на высоте, чем если его заставлять.

Но это государство, у него есть специальное оборудование — терминалы со встроенными могуто-камнями. А так, чтобы один ахноген забрал энергию у другого — таких упырей пока еще ни одного не изловили.

Но это не значило, что их не существует.

Войцех устал.

Ночь уже спустилась на заброшенные сады, надо было уходить, а он не мог пошевелиться. Голова болела, и отказывалась соображать. Тошнило. Но оставаться здесь тоже было опасно. За то время, что он тут пробыл, он потерял почти все свое снаряжение, наткнулся на два преступления, а ночь еще даже не началась как следует. Что будет, если снова появится «дедушка Отто»? Его передернуло. Нет уж.

Он приложил к радужке ока палец. Око слабо лизнуло и вздохнуло. Сил добраться до крови у него не было. Тогда Войцех проколол палец ржавым гвоздем, найденным тут же, и выдавил несколько капель. Голодное око медленно поглощало кровь, так, что в душе Войцеха шевельнулся червячок жалости. Тварь, а тоже жить хочет. Когда, око чуть расправилось и перестало напоминать урюк, Войцех запихнул его в нагрудный карман, путы сложил в другой, и освещая путь могуто-камнем, двинулся легкой рысцой в направлении, которое раньше указало око.

Домой он ввалился глубоко за полночь, упал прямо в коридоре, даже не заперев дверь, и тут же провалился в глубокий сон.

Глава 13. Прыжок в прошлое

— Хр-р-р-р-р-р-р-мня-мня! — ревел двуглавый скелет, раскрывая ощеренные пасти, мерзко похрюкивал, причмокивал и тянулся тремя костлявыми руками к Кларе. Не дотягивался, посвистывал от досады и снова: — Хр-р-р-р-р-р-р-чам-чам! — и снова тянулся.

Клара вскрикнула от ужаса, подскочила, и скелет пропал. Она сидела на своей кровати в розовой пижаме, а в гостиной, на разложенном диване спала Гоша, разметав в стороны руки и сотрясая окружающее пространство мощным храпом. Свет пробивался сквозь плотно задёрнутые шторы — не определишь, сколько времени. Было понятно одно — день.

Клара несколько раз глубоко вдохнула, чтобы унять бешеное сердце. Чувствуя, что не сможет больше заснуть под такие рулады, она тихонько встала, и на цыпочках выскользнула из спальни, прокралась мимо Гоши к окну. Дверь, всегда скрипучая, в этот раз открылась и закрылась бесшумно, преисполнившись гостеприимством, и решила не мешать отдыхать гостю.

«Как в детстве!» — с умилением думала Клара, недоумевая, как она оказалась в кровати. В душе распустились трогательные бутоны воспоминаний, когда они с Гошей девочками шептались до тех пор, пока сон не морил их далеко за полночь.

Клара отодвинула шторку и выглянула в окно. Солнце, усевшись на крышу соседнего дома, весело запускало пыльные лучи в гостиную. «Часа четыре дня, — определила Клара. — Однако!»

На лавочке под окнами собралась группа старух. Клара вспомнила вчерашний день и, что самое ужасное, — ночь. «Уж не обо мне ли с Гошей они судачат?... Ну точно! Кто-то из этих хрычовок подскочил ни свет ни заря и спалил нас!.. Жди полицмагов, Кларисса фон Райхенбах!».

В подтверждении её слов в кухне глухо грохнуло.

«Ну уж нет! — прикрикнула она на вскочившие мысли и заметавшееся зайцем сердце. — Я трупа не испугалась, а тут каких-то ищеек забоюсь?!»

Из напольной вазы она вынула икебану, перехватила поудобней двумя руками и бесшумной розовой тучей прокралась к кухне. Дверь оказалась притворённой — тем лучше — застанет врасплох, кто бы там ни гремел. Из кухни раздавались приглушённые голоса. Клара различила двоих. Говорили на пониженных тонах — слов не разобрать. Первый, низкий и гулкий тёк горной рекой, второй, сухой и отрывистый, изредка постреливал. Этот второй показался Кларе знакомым. Да и первый она тоже слышала, причем совсем недавно. Что ж. Терять ей нечего! Она глубоко вдохнула, замахнулась вазой и приоткрыла дверь, готовая к любому...

Но только не к такому!

На металлическую швабру-лентяйку, закреплённую на нижней перекладине табуретки, приладили как-то профессора Кравцова. Обмотали бинтами, надели на оголённые местами рёбра ту самую блузу Клары с оторванным рукавом, что неудачно сносила она в ремонт. Изрядно поношенная полубезрукавка органично села на потрёпанного смертью профессора, смягчив образ восставшего из ада, и даже привнесла романтическую ноту.

Швабра намертво срослась с табуреткой, и под воздействием профессорских чар, работающих, кстати, на Кларином могуто-камне, табуретные ножки заменили ему свои, оставленные в саркофаге. Да, маленькие, но зато четыре!

В оранжевом от плотно задёрнутых занавесок мареве кухни профессор ловко выхватывал из разложенных на разделочном столе пакетиков со снадобьями какой-то один, нюхал его, закатив бельма, прикладывал к сердцу, а точнее — к могуто-камню Клариссы, отрывал зубами кончик и добавлял несколько крупинок в бурлящую на плите черырѐхуговую перегонную колбу. Трогал пар стремительным языком, затем вдыхал носом, щёлкал зубами и приглушѐнно рокотал:

— Бадьяна маловато, Грета, ты не считаешь? Надо, чтобы он проникал в мозг, но не затрагивал сердце, отключал реальность, но оставлял инстинкт самосохранения.

— Тогда плакучий мох, Ильюша, — коротко отвечала вновь ожившая фотография бабушки.

Ну как ожившая... Ну как фотография... Пустая рамка стояла тут же, среди разложенных рядками пакетиков. А бабушка, сохранившая свой фотографический размер, ходила меж конвертов, достигавших ей примерно до пояса, пинала их ногами и растаскивала по сторонам. Волосы её выбились из пучка и седыми прядями спадали на плечи. Длинное чѐрное платье, в котором её похоронили, облегалo немного сутулую от старости, худощавую фигуру. Глаза светились, и сама она выглядела удивительно свежо и помолодевши.

«Это не полицамаги, слава Богу! А я-то испугалась, глупая! Но...»

— Грета?! Ильюша?! — произнесла Клара, не веря своим ушам и распахнула дверь. — Что всё это значит?!

Профессор от неожиданности развернулся и отпрянул к окну. Занавеска всколыхнулась от устроенного Кларой сквозняка, взлетела к потолку и запуталась о его лысую голову.

— Окно закрывай! — грозно прикрикнула бабушка. — Кларисса! Где твои манеры?!

— Добрый день, малыш! — сиплым, каким-то не своим голосом произнёс Николаша с открывшегося на миг подоконника. — Много спать — добра не видать! Умывайся, чисти зубы. Дадут хлебца, дадут и дельца, — и затих, будто сказал все, что знал. Профессор одной рукой заправил непослушную шторку на место.

— Моя аварийная ахно-ситуация, — виновато пробасил профессор. — А мы тут с Гретой... твоей бабушкой... понимаешь ли...

Он полыхнул огнѐм глаз, но в оранжево-солнечном свете это выглядело совсем иначе.

— Ты слышала Николашу? Иди, умойся! — приказала бабушка, и многолетняя привычка её слушаться, как всегда, сработала. Клара, прикусив губу, поставила вазу в угол и отправилась в ванную.

— Свари кофе и достань из холодильника сыр, — услышала она сердитый шѐпот бабушки. — Ребѐнок проснулся, не видишь?!

«Как это они так поладили? Как это бабушка, будто бы навсегда ожила, без всякого пунша? Как это они друг друга так называют, будто знакомы лет сто?...» И ещё много «как это» крутилось у неё в голове, пока она умывалась.

Выспавшаяся и умытая, она почувствовала себя маленькой, как в детстве, когда могуто-камень ещё не выдали, и страшно было что-то нечаянно намагичить. Рядом всегда была бабушка, с ответом на любой вопрос, уверенная и решительная. Как сейчас.

Кухня необратимо изменилась. И дело было даже не в том, что на клочке пространства в семь квадратных метров собралось слишком много народу — Гоша сидела напротив, блестя счастливыми глазами и мокрыми после душа волосами, профессор Кравцов переставлял табуретные ножки, то и дело подливал кофе в чашки и подкладывал невесть откуда взявшееся вкуснейшее воздушное бизе. А бабушка, усевшись на хлебный мякиш, как в

кресло, руководила всеми, кто находился в её поле зрения.

Не сразу, а только когда Клара протиснулась между окном и столом, куда обычно вжималась Гоша, она поняла, что именно в кухне не так — батарея, всё то же бурое чудовище, висела на своём законном месте абсолютно сухая. Ни в одной щели не пузырилась гадостная жижа, не мокла и не плакала горькими ржавыми слезами. Не стояли под ней баночки и плоски, не раздавалось раздражающего плюханья.

Да и не в этом даже заключалась неуловимая трансформация этого живого пространства. А в том, что впервые, сколько помнила себя Клара, то есть почти полста лет, появилась здесь другая энергия. Надёжная. Основательная. Добротная. И не профессор Кравцов её излучал, это уж точно. Вон как его пришнуровали к швабре, намертво, — не сам же он себя так.

— ... тёплые вещи. Аптечка. Фонарь, — ворвался в её мысли бабушкин требовательный голос. — Смену белья и зубную щётку. Кусок мыла и туалетную бумагу. И деньги! Это самое важное!

— Деньги? — повторила Клара, вдруг вспомнила и подскочила, отодвинув от себя стол: — Деньги! Кто-нибудь рассчитался с Иннокентием?

Гоша яростно закивала головой, приложив палец ко рту.

— Кларисса, не отвлекайся. Слушай и запоминай, что говорю! — прикрикнула бабушка. — Опять всё прослушаешь и будешь потом хлопать глазами! Повтори, что я сказала!

— Деньги... — послушно повторила Клара.

Бабушка закатила глаза:

— Боже!.. Гоша, хоть ты слушаешь?

— Конечно, Гретхен. Не переживайте. Я всё необходимое уже собрала. Меня больше волнует сам процесс... Эм-м... Перемещения.

— Что за... — хотела спросить Клара, но бабушка перебила.

— Да, процесс... Господин Кравцов, как отвар?

— Слишком много переменных, фрау Райхенбах... Такое дело... Тут филигранная точность нужна...

Клара вдруг осознала, что совсем ничего не понимает — что-то происходило здесь и сейчас на этой кухне. Что-то важное, в чём она участвовала, но ещё об этом не знала. Знала бабушка, знал профессор Кравцов, знала Гоша и даже Николаша. Знали все, кроме неё. Как всегда!

— Могу я спросить, — раздражённо и требовательно произнесла Клара, отметив, как официально при них с Гошей разговаривают эти двое. Никаких тебе Грета и Ильюша. Но не почудилось же ей! — Кто и куда собирается? Профессор! Вы что-то вспомнили? Гоша! Не молчи. Что происходит?

— Ах, ну да! — спохватилась бабушка. — Много спать, Кларисса — дела не знать! Эту книгу необходимо найти! — в ее голосе появился металл. — Николаша нам тут за ночь столько рассказал... За то время, что меня нет и нет господина Кравцова, мир сошел с ума. Не такого будущего для людей хотел Илья Васильевич, когда открыл ахно-волны. Гоша права. С этим нужно что-то делать. И книга поможет понять, что именно. Гоша, введи Клару в курс.

Профессор щёлкнул зубами. Гоша набрала в грудь воздуха. И в этот момент дверной звонок заполнил маленькую квартиру тревожным перезвоном колокола.

— Иди, открой, — приказала бабушка. — Быстрей!

Гнев схлынул, уступив место ожившим страхам.

— Полицмаги! — выдохнула Клара.

В глазах потемнело.

— Не говори ерунды, Кларисса! — перекричала бабушка трезвон. — На квартире защита от полицмагов. Я ее сразу установила, как только поняла, с чем вы связались. Открой скорей, пока мы не оглохли!

Клара, справившись с подступившей паникой — бабушка не будет зря говорить — выползла из своего угла, и открыла входную дверь.

На пороге стоял Иннокентий.

— Ах! Это вы! — с облегчением выдохнула Клара и нервно хихикнула над своим испугом.

Выглядел он свежим — в чистой рубашке и джинсах, побритый и с неизменной сумкой с инструментами. Правда лицо выражало гамму чувств: растерянность, испуг и, сквозь все это решимость.

— Не знаю, кого вы ждали, фройлян. Но... Видите ли... Деньги.

В парадной на первом этаже у кого-то щёлкнул замок. Клара схватила слесаря за рукав и втащила в квартиру. Закрыла дверь, приложила ухо и послушала.

— Говорите тише, Иннокентий. Тут кругом уши. С вами не полностью рассчитались?

— Хм... И да... И нет....

— То есть?

— Видите ли... Фройлян Наташа оплатила, как договаривались — золотыми старинными монетами. Я положил их в тот же карман, — он хлопнул себя рукой по груди и смутился. — Карман в робе. Мда... В общем, сегодня утром монет не оказалось.

— Вы потеряли их?

— Нет, фройлян. Карман на замке.

— Их украли?

— Хм... Нет. Это исключено. Они просто исчезли.

Клара испугалась. Бабушкины монеты... Кто знает, что она с ними делала, будучи живой. С другой стороны, она сама тогда сказала, какую шкатулку искать... Ах! — выдохнула Клара с облегчением. Бабушка же живая. Да у неё и спросить!

Она решительно провела слесаря в кухню и объявила о пропаже.

Наступила пауза. Все молчали, глядя на фигурку Гретхен. Задумавшись, она сидела на хлебной краюхе, хмурилась и пристально смотрела на Иннокентия. Под её колючим взглядом слесарь замкнулся, а на лице его проступило упрямство. Не глядя на бабушку, он произнёс, обращаясь к Гоше:

— Ладно, фройлян. Когда вы меня с ниппелями надули... Это было даже забавно. Я оценил шутку... Я не в претензии. А монеты действительно редкие и дорогие, это сразу видно. Вы знаете мой тариф. Приму и таюны.

Щёки Клары вспыхнули — стыд-то какой! Чтобы Райхенбахи не оплачивали счета!

Но бабушка опередила.

— На комодах возвратное заклятье, — отчеканила она сухо. — Все вещи, что в них лежат, куда бы они ни попали, возвращаются на место. Только так я могла защитить фамильные ценности Райхенбахов от твоего легкомыслия, — она строго посмотрела на Клару, отчего ей захотелось провалиться. — И от краж... Но уговор дороже денег. Примите

нашу благодарность за починку батареи, уважаемый мастер, и за помощь, которую оказали сегодня моим девочкам. Кларисса, принеси шкатулку.

Сгорая от стыда и обиды, Клара вытекла из кухни. Это же надо — столько лет прошло! Жизнь прошла! А бабушка до сих пор продолжает её стыдить будто нашкодившего кота! А ведь за все эти годы Кларисса открывала комод всего-то пару раз... Нет, три. Ну или четыре... Да неважно! Не брала она ничего оттуда и всё! Не брала, потому что... Да потому что не могла найти то, что искала! Ах вон оно что — заклятье!.. Ну, бабушка!

Открыв комод, она сразу увидела шкатулку. Всегда бы так! Схватила её и поспешила назад. На кухне шло бурное обсуждение.

— ... намного больше, если согласитесь! — вещала бабушка.

«Опять я всё пропустила!» — с досадой подумала Клара.

— Насколько — намного, фройлян?

— Можете назвать свою цену, Иннокентий. Подумайте хорошо. Богатство Райхенбахов не безгранично, но отблагодарить за безопасность отпрысков рода мы сумеем.

«Безопасность?»

Руки Клары мелко задрожали. «Так и знала — они затеяли что-то сомнительное! И это бабушка рассказывает о моём легкомыслии?!». Она глянула на Гошу. Но та с уверенной решимостью сверлила взглядом Иннокентия, всем видом демонстрируя, что отказа она не потерпит, пусть только попробует. Клара поставила шкатулку на стол и встала в угол.

Бабушка подошла к ларцу, который был ей по плечо, повернула двумя руками ключ и откинула тяжёлую крышку.

Несколько монет сияли неоновым светом.

— Вот они... Господин Кравцов, прошу вас — номер тридцать семь, флюидированная беладонна. Гоша, вынь монеты.

Профессор сыпнул перед Гретхен немного серого порошка. Когда пять монет улеглись у ног бабушки, она зачерпнула немного, пошептала что-то и посыпала монеты одну за одной. Они перестали светиться и обрели свой потёртый вид.

— Забирайте, Иннокентий. Теперь не исчезнут.

Слесарь сгрёб монеты одной мозолистой лапой в другую, спрятал в карман, застегнул на пуговку.

— Благодарствуйте, фройлян.

— Так что, — спросила бабушка, глядя на него снизу вверх. — Мы можем на вас рассчитывать?

В этот момент на плите пыхнуло зелёным огнём и все четыре рога колбы истекли вонючей пеной. Профессор запрыгал вокруг печи на табуретных ножках и защёлкал зубами.

— Скорей! У вас три минуты.

Настенные часы угодливо преобразились и приняли образ секундомера. Стрелка резво побежала, отцкивая обратный отсчёт.

В руке профессора оказались карманные часы — те самые, из бабушкиного комода, с откидной крышкой. Покрутив пальцами слева и справа от циферблата, он щёлкнул зубами, отложил их и разлил пенную, исходящую паром, жидкость по двум бокалам. Приготовился наливать третий и замер в ожидании решения Иннокентия.

Бабушка пристально смотрела на слесаря.

Гоша бросилась в переднюю, притащила оттуда солидный рюкзак и хлопнула слесаря по плечу:

— Решайся. Такой шабашки больше за всю жизнь не сыщешь, — вид у нее был такой, словно она собиралась в морское путешествие, легкое и веселое. Но Клара то чувствовала...

— Ну?! — нетерпеливо спросил профессор.

Иннокентий, почесал затылок, подбородок, что-то прикинул, повел бровью и махнул рукой.

— Добро, фройлян.

Профессор наполнил третий бокал.

— Главное, помните! — пробасил он, когда Гоша сунула в руки по бокалу Кларе, слесарю и взяла свой. — Главное, помните! — повторил он и замер.

Все ждали его. А он застыл, глаза закатились и таращились бельмами.

— Этого ещё не хватало! — с досадой сказала бабушка, глянув на часы.

Глаза профессора вернулись, полыхнули и он спешно вылил себе остатки варева. Получилось с полбокала. Потом накрутил цепочку с карманными часами себе на запястье, щёлкнул зубами, стрельнул плетью языка в бабушку и виноватым баском произнёс:

— Вспомнил кое-что! Нет времени рассказывать! С ними пойду!

Бабушка окинула его скептическим взглядом:

— Аккуратней. Не светись особо. В таком-то виде...

— Ну! Понеслись! — кивнул профессор и поднял бокал.

Чокнулись, выпили.

Клара смирилась. Кривясь от отвращения, пила маленькими глотками горячее, пахнувшее зелеными клопами варево. В конце концов, Гоша с ней. Кажется, у них с профессором всё решено и продумано. И слесарь тоже. От него исходила такая могучая сила, что Клара в её ореоле чувствовала себя уверенней. И бабушка в курсе и даже одобряет затею. А, значит, ничего страшного и опасного быть не должно.

Её замутило. В глазах потемнело, в ушах зашумело. Кухня замельтешила, закрутилась с космической скоростью. Затошнило. Мысли Клары полетели вместе с кружащимся потоком. Она попыталась зацепить хоть одну, и вскоре ей это удалось. «Главное!» — сказал профессор. «Помните!» — сказал он.

А что помнить? Что главное?!

Клара силилась выудить из омута, что же главное, и не могла. Но чувствовала, что это нить, та самая, за которую надо держаться. И она протянула руки и как следует ухватилась за неё.

«Главное!.. Помните!..»

Клара плавала в разноцветном мареве, где то и дело взрывались петарды и шутихи. Ее беспорядочно носило из стороны в сторону, как осенний лист, и нить, за которую она цеплялась, она давно потеряла. Она искала ее, размахивая руками и бросая обрывки заклинаний, которые ломтями возникали в голове, и тут же замещались новыми.

Наконец, почудилась невероятная картина: ночной сумасшедший город, летящий огнями навстречу. Но, боже мой!

Кларе нестерпимо захотелось рассмотреть ускользающие образы: огни витрин таят где-то позади, длинные черные волосы — длинные волосы у Гоши?! — раздуваемые потоком воздуха, таким плотным, что перехватывает дыхание, будто она несётся вперёд на немыслимой скорости, щекочит её, Клару, по лицу, и она видит только ее затылок. И руки, оголённые до плеч, сильные и крепкие руки Гоши, которые держат руль опасного механического чудовища, что своим рокотом перекрывает шум стремительных улиц. Это,

несомненно, Гоша! Это её духи, горьковато-резкие, её плечи впереди, хоть на них и нет привычного балахона одежд, хоть и облегает неожиданно стройную фигуру немислимое платье с открытой спиной.

Вдруг из подворотни выскочил и побежал наперерез какой-то человек.

Гоша резко затормозила и перекричала рёв мотора:

— Куда тебя несёт, придурок!

Клара взвизгнула и вцепилась в неё. И в следующий миг обнаружила себя сидящей за спиной подруги и обхватившей её руками. Живой!

— А! Вот и ты! — услышала она весёлый голос Гоши. — Все в сборе!

Клара хотела сказать, чтобы Гоша остановила эту чудовищную езду, но не могла. Её сотрясало от вибрации мотора. Встречный ветер свистел в ушах и хлестал по лицу мощными потоками — страшно открыть рот. Маленькие мушки больно вонзались в кожу лица, норовили попасть в глаза. Клара сощурилась и отвернулась, спряталась за Гошу.

Справа неслась коляска, подпрыгивала на асфальтовых трещинах и громыхала, как пустое ведро. Иннокентий, обхватив ручищами профессора, пучил глаза. Его короткостриженные волосы немного отросли и стояли дыбом. Он так плотно сжимал челюсти, что Клара разглядела гуляющие от напряжения желваки.

У профессора лицо обрело человеческий вид — тонкие губы кривились в оскале. Глаза навывкате, напряжённо всматривались в летящий навстречу город. Он придерживал одной рукой шляпу, второй... а вторая осталась в саркофаге — вспомнила Клара. Вместо неё развеялся рукав пиджака на встречном ветре. И вообще, профессор выглядел денди. И если бы не было так страшно, Клара подивилась бы такой метаморфозе. А пока... Она повернула голову влево.

Их обгоняли автомобили, отражающие глянцем искры города, обдавали зловонием бензина, запах которого Клара нюхала лишь однажды на уроках истории — куда это их занесло? Сердце трепыхалось и вибрировало. Она могла лишь судорожно сжимать ногами седло, на котором сидела верхом, а руками уверенную скалу Гошу.

Рядом с ними, шурша шинами, поравнялась чёрная машина, такая длинная, что Клара не смогла увидеть её всю сразу. Окно опустилось и из темноты оконного проёма показалось молодое небритое лицо, на губах кривая ухмылка, на глазах зеркальные очки.

— Эй, девочки! Поехали с нами!

«Девочки?!» — задохнулась Клара.

— Куда ехать, роднуля? — услышала она звонкий голос подруги и не поверила своим ушам. «Роднуля?!»

— В Хмельную чайку!

— Давай вперёд! Мы за тобой! — Гоша махнула правой рукой, отчего железного коня мотнуло влево, и они едва не выехали под колёса встречки. Люлька оторвалась колесами от земли, лицо слесаря застыло стоп-кадром в ужасе. Гоша вырулила в свою полосу, наклоняясь в унисон махине. Сигнал клаксона оглушил и унёсся вдаль. Длинный автомобиль набрал скорость и скрылся впереди, бликуя огнями города. Гоша расхохоталась радостно и, Кларе показалось — зло, отчего стало не по себе. Что не говори, Гоша была шумной, упрямой спорщицей, надоедливой занудой, но злой — никогда! Злая Гоша — к добру это или нет? Впрочем, злость могла Кларе и показаться в этой неистовой гонке.

Тем временем городских огней становилось меньше, дороги пустынной, улицы безлюдней. Вскоре они свернули на тёмную аллею, освещённой редкими фонарями,

вызвавшей в памяти Клары смутные знакомые образы. И Гоша наконец-то остановила адов механизм.

Перед ними возникло невысокое строение, теряющее формы в темноте. Два фонаря по бокам от деревянной, обитой железными скобами, двери освещали блекло-серые стены, размашистые буквы над входом: «Хмельная чайка» и ряды потухших автомобилей.

Гоша спрыгнула с монстра первая и подхватила повалившуюся кулем Клару.

— Вау, Кларисса! Какое прелестное колдовство!

Она помогла Кларе обрести равновесие и восхищённо присвистнула. А Клара ахнула в ответ: от Гоши, которую Клара знала с тех пор, как себя помнила, остались сверкающие от радости глаза, тяжеловатая нижняя челюсть и высокая грудь, которая не торчала, как обычно, корабельным бушпритом, а сияла красивыми округлостями, обрамленными глубоким декольте шикарного тёмно-зеленого в тон глазам платья. На неё смотрела сногшибательная светская дама с гривой длинных блестяще-черных волос по пояс, стройной фигурой и неприлично пухлыми губами.

— Что это, Гошенька?

Гоша взяла дрожащую от езды Клару за подбородок, как делала это в юности, когда они сбегали с уроков на танцы, и мягко поцеловала в нос. И как тогда, в душе Клары разыграл кураж — будто и не было за плечами прожитого десятилетия. Она обнаружила себя тоже в платье, удивительного василькового цвета, кудрявую блондинистую копну на голове, а на ногах босоножки со сверкающими бабочками на высоченной шпильке.

В целом было всё неплохо. Но... Тревога сжала сердце Клары — куда они опять вляпались?

— Гоша, может, ты объяснишь?

— Это же “Харлей”, Кларисса! Ты хоть представляешь, какая это легенда?!

Гоша восторженно обежала вокруг затихшего монстра. Пнула колесо, понажимала рычаги и кнопки. Взгляд её наконец-то упал на коляску, и она расхохоталась, безудержно, от всей души.

— Профессор! Вам Иннокентий не жмёт?

Профессор Кравцов крутил головой и пытался одной рукой высвободиться от железных объятий слесаря, который в оцепенении, продолжал смотреть вперёд и держать мёртвой хваткой профессора, как спасательный круг.

— Приехали, Иннокентий! Ваша остановка! — прокричала Гоша в ухо слесарю, и тот наконец-то ожил. Похлопал глазами, пригладил стоящие торчком волосы и недоумённо воззрился на Гошу:

— Етить его!..

— У нас мало времени! Нечего рассиживаться! — недовольно пробрюзжал профессор. — У меня спина затекла!

Гоша раздражающе загоготала. Клара, убив её взглядом упрёка, поспешила помочь двум барахтающимся в люльке мужчинам. Оказалось, у профессора чудесным образом отросла нога, и он, поддерживаемый Иннокентием, с одной стороны, и Кларой — с другой, встал на свою одну.

Глава 14. Семён Павлович Медведев

Настойчивый, непрерывный телефонный звонок вытянул Войцеха из глубин сна, наполненных водоворотом из старух, стариков, женских ног и стоптанных туфель. Он открыл глаза и со стоном поднялся — болела каждая клеточка тела. Кто мог звонить ему в такой ранний час? Впрочем... Он кинул взгляд за окно и понял, что во дворе отнюдь не утро.

— Загорски! — закричал в трубку голос шефа, как только Войцех ее взял. — Где тебя черти носят?! Почему не на службе?!

— Я... Э... — Войцех попытался сконцентрироваться. Вот так, просто, да еще и по телефону не расскажешь все, что он нарыл за прошедшие сутки.

— Отставить! — приказал шеф. — Быстро в отдел. У нас ЧП!

Войцех положил трубку и вспомнил про голодное око, вытащил его из кармана. Око было еще живое, и Войцех с облегчением вздохнул. Досадно будет, если оно все же сдохнет. Контрастный душ помог окончательно прийти в себя, и когда он, чистый и свежий вышел из дома, то чувствовал себя полным сил и готовым к новым опасностям, какими бы они ни были.

Когда Войцех зашел в отдел, совещание, или, судя по крикам шефа — разнос, — преодолело кульминацию и входило в завершающую стадию. Войцех с облегчением выдохнул. Стараясь быть незаметным, он протиснулся в кабинет начальника и встал за спины коллег.

— ... дебилы! Как можно пропустить такое? Для чего мы весь город опутали чиповой нитью, если вы не можете элементарного — считать датчики с показателями ахно-энергии?! Потапов! Почему не доложил немедленно?!

— Полагал, что они вышли из строя, товарищ майор, — вытянувшись во фронт отчеканил Потапов. — Никогда ж такого...

— Он полагал, Ёж твою мать! А инструкции для кого написаны? Для Карлсона?

— Не могу знать!.. Карлсона в смысле... Товарищ майор.

— Тьфу ты!.. Загорски!

— Здесь, товарищ майор!

— А. Явился, наконец-то...

Шеф сел за стол и махнул рукой, позволяя всем остальным сесть. Войцех, благоразумно остался стоять, выражая взглядом готовность к действию, однако до сих пор не понимая, что за ЧП произошло, пока он отсыпался.

— Эти... Прыгуны, мать их... между прочим, по твоему делу проходят. Райзенбахи, или как там их....

— Райхенбах, — поправил Войцех.

— Во-во... Так ты не в курсе? Потапов. Доложи.

Он откинулся на спинку стула и хлебнул из кружки, в которой, как все знали были намешаны кофе, коньяк и экстракт гуараны. Потапов встал и глядя на майора отчитался:

— В одиннадцать ноль семь утра датчики на доме по адресу Пролетарский тупик, дом два, зафиксировали вспышку ахно-энергии на отметке девяносто девять и восемь десятых Ахн, что соответствует лишь двум возможным вариантам применения ахно-энергии: прыжок во времени и провал в пространстве, в объеме...

— Садись, — махнул рукой шеф. — Самойлов. Что твои оперативники?

Самойлов, не вставая, лениво отчитался:

— В одиннадцать сорок восемь на адрес прибыл Франтишек Кучера, который после того, как вошел в парадную, на связь не выходит вот уже, — он посмотрел на наручные часы, — один час и тридцать две минуты. Возле дома со сменой в пятнадцать-двадцать минут, не заходя в парадную, дежурят оперативники. Но пока что ничего подозрительного не происходит. Люди в парадную входят и выходят из нее.

— А что голодное око Кучера?

— Молчит.

— Так... А почему молчит твое око, Загорски?

Вместо ответа Войцех вынул око из кармана и продемонстрировал его собравшимся. По кабинету пронесся вздох.

— Ё-о-опт! — протянул потрясенный шеф. — Что с ним?

— Долго рассказывать. Разрешите отнести в инженерную службу, пока дышит?

— Неси, — разрешил шеф. — Но потом сразу ко мне. И смотри! Не сумеешь все объяснить, будешь писать рапорт.

“Во сколько? В одиннадцать ноль семь? Прыжок, значит. А я где был в это время? Спал, — перебирал Войцех в голове то, что узнал. — Упустил, значит... Но кто ж знал? Да и железный я что ли?.. А они, значит, наблюдение... Если поймают Гошу, а меня рядом не будет... — он представил себе последствия. — Нет-нет. Нельзя допустить. Эти коновалы не знают, не умеют обращаться с бурлаками. Только хуже сделают. Павлыч вон говорил, что хоть на ремни их порежь...”

Войцех понял, что во что бы то ни стало он должен взять контроль над операцией в свои руки. Чтобы без его ведома никто не посмел... ни шага.

Главный инженер Бишке Леви принял голодное око из рук Войцеха так, словно принимал новорожденного из лона матери.

— Ты ж мое светило, — ворковал он. — Ты мое дыхание. Этот тупой солдафон не смог уберечь тебя, да, мой золотой? Пойдем, расскажешь мне все.

Бишке считали немного двинутым, но он умудрялся приводить практически нерабочую технику в порядок, и за это ему прощалось все, вплоть до “тупого солдафона”.

— Починишь? — без особой надежды спросил Войцех.

— Я б тебе мозги починил, Войцех Загорски, но это невозможно, потому что, прежде чем их чинить, их для начала нужно иметь.

Войцех проглотил и это, понимая, что голодному оку досталось неслабо. Что ж, обижаться на Бишке не стоило. Все знали, что снаряга для него была живой и имела большую жизненную ценность, чем те, кто ее носил.

Когда Войцех вернулся в кабинет начальника, совещание уже закончилось, и все разошлись. Войцех рассказал почти все. Он скрыл только сведения о внедрении агента в группу и историю с трупом на кладбище. Прежде чем об этом рассказывать, он хотел обсудить с Павлычем.

Однако сообщил о перемещении из парадной дома на Пролетарском тупике прямоком в заброшенные сады “Фантом-2”, о сборище колдуний и странном старике, который довел до такого состояния голодное око и обезвредил ахно-путы.

Шеф слушал, не перебивая.

— Думаешь, упырь? И что это за оборудование у него было?

Войцех пожал плечами.

— Надо сделать запрос по ведомствам губерний, есть ли похожие случаи. Я бы сказал, что старик больше похож на призрака. Но призрак не может причинить столько вреда живому существу.

Шеф побарабанил пальцами по столу.

— Даю добро, но работай в паре с Нарымовым. Это его направление.

Войцех кивнул. Ему очень хотелось отметить, что Нарымов прохлопал на своем направлении самые настоящие порождения колдовства, но не стал. Шеф и сам понимал.

— Что с Райзенбахами? Есть идеи? Куда их черт понес?

— Райхенбах. Не могу знать, товарищ майор. Но идея есть. Если полицмаг не может проникнуть в парадную, возможно, установлена защита. Разрешите связаться с жандармерией и запросить у Медведева оперативника-бурлака. “Где ахноген не просочится, там проползет бурлак”, — процитировал он слова песни.

— Это мысль. Зашли его в эту подозрительную квартиру. Но сам больше не лезь.

Войцех кивнул и вышел. Сам он считал по-другому.

Через сорок минут он ждал человека Павлыча у парадной. Властью, данной ему шефом, он отпустил дежуривших оперативников — Павлыч, выслушав сбивчивый рассказ, дал понять, что лишние глаза и уши тут ни к чему. Даже если это глаза и уши полицмагии.

Наконец, к нему подошел дворник — немолодой и злобный мужичок в грязном фартуке и с метлой.

— Ты чтоль? — спросил он, подозрительно глядя на него.

Войцех, ожидавший кого-то другого, тем не менее кивнул.

— Семён сказал тебе обождать, не ходить со мной.

— Я с вами поднимусь, — твердо сказал Войцех.

— Дело твое, — сердито пробурчал дворник. — Ты главное Семёну скажи, что сам пошел.

— Да, конечно. Не волнуйтесь.

— Да я не волнуюсь, — сказал, раздражаясь, дворник, и зашел в парадную, — Чё мне волноваться? Пусть ...

Войцех, шагнувший вслед за дворником, уже не расслышал, что там “пусть”. Он снова завяз в густой упругой реальности, а когда прорвался, оказался в этот раз в знакомом месте: просторная комната с белыми стенами, несколькими стеллажами, большим столом буквой “Т” для совещаний, и сидящим за ним в кожаном кресле Семён Павлычем Медведевым собственной персоной — его рабочий кабинет. А Войцех сидел в конце буквы “Т” на жестком стуле, прямо напротив Павлыча.

Войцех всегда встречался с Павлычем в неформальной обстановке, и еще никогда не видел его за работой. Медведев был сосредоточен и суров, рукава белоснежной рубашки закатаны до локтя, верхние пуговицы расстегнуты. Он сидел очень прямо и напряженно писал пером на доске, размером с альбомный лист. Белые чернила ложились на упругую темную поверхность и таяли еще до того, как рука дописывала фразу. Рядом с ней мерцали три ряда разных кнопок, встроенных прямо в столешницу. Написав фразу, Павлыч касался одной из кнопок и писал следующую. Войцех тихо кашлянул, обращая на себя внимание.

— Ты? — нахмурился Павлыч, вскидывая на него взгляд. — Я ж тебе сказал не лезть самому. Впрочем, хорошо, что ты оказался здесь. Будешь под присмотром.

Он продолжил писать, будто забыв о Войцехе. Закралось ощущение, что Медведев — единственный, кто ориентируется в происходящем, и более того — контролирует ситуацию.

— Может все-таки... — начал Войцех, но Павлыч остановил его жестом, мол, не мешай.

Войцех подчинился. Его предположения о защите квартиры от полицамагов скорее всего верные, иначе он не оказался бы здесь. Но черт побери! Что это за колдовство? Как оно работает? Что знает такого Павлыч, чего не знает он?

И вдруг его будто пронзило молнией — доска, на которой писал Павлыч! Инструмент это редкий, положенный только большим начальникам. У шефа тоже такая. Чернила, впитываясь, проявлялись в органайзере или на такой же доске у того, кому он отдавал приказы, у нижестоящего руководителя, или доносилась до исполнителей посредством голодного ока. Но! Это был инструмент ахногена! Полицмага! Но никак не бурлака, которым был Павлыч.

У Войцеха пересохло в горле. Выходит, что Павлыч — ахноген?

Спустя пять бесконечных минут Павлыч отложил доску, нажал на табло одну из мерцающих кнопок и произнес:

— Верочка, два кофе.

Откинувшись на спинку кресла, он закурил и задумчиво уставился на Войцеха.

Войцех видел, что Павлыч размышляет о нем, о том, стоит ли ему доверять. Но сам он был в замешательстве. Обида медленно поднялась к горлу и пережала его. Получается, Павлыч всю жизнь врал?

Глядя ему в глаза, Войцех пытался увидеть в них раскаяние или, может, вину. Но Павлыч, всегда добродушный и мудрый Павлыч, сейчас смотрел на него холодно и отстраненно. Как чужой человек. Почти как враг.

Ему стало вдруг тошно, как бывает, когда теряешь близкого человека. Что-то происходило прямо сейчас, о чем он не знал, но знал Павлыч. Однако Войцех вдруг совершенно ясно понял, что что бы это ни было, он не хочет терять дружбу Павлыча.

— Так вы — ахноген?

Павлыч покосился на доску и улыбнулся.

— Это забавно. Думал, что ты давно догадался.

— Я верил вам.

— Так говоришь, как будто я когда-то и в чем-то тебя обманывал.

— Но... Все знают, что вы бурлак... — Войцех лихорадочно рылся в памяти в поисках подтверждения, в поисках того момента, когда Павлыч вошел в сознание его и окружающих как бурлак. — Тогда... Когда ты нашел меня, на кладбище... Мой папаша хотел отблагодарить тебя, но ты сказал, что вы, бурлаки, должны помогать друг другу... Кто, если не вы...

— Тогда я и был им... Ахно-энергия открылась во мне позже. Ты тогда учился в полицакадемии, и это событие прошло мимо тебя. Впрочем, я и не афишировал. Все, кому надо знать — знают. Но для большинства, в том числе и для моих сослуживцев, я по-прежнему бурлак. Теперь ты — один из немногих людей, кто знает обо мне все... Ну или почти все.

Войцех замотал головой и даже рассмеялся:

— Нет-нет-нет! Это невозможно! Этого просто не может быть!

— Все так думали. Но оказывается... что вполне может.

В кабинет вошла Верочка — в летах, моложавая женщина с непроницаемым лицом. Она несколько не удивилась, увидев Войцеха, молча поставила перед ним чашку с кофе, вторую — перед Павлычем, и так же молча вышла.

Войцех, обжигаясь, проглатывал свою обиду вместе с кофе. В конце концов — с какой стати он решил, что Павлыч должен быть всегда откровенен с ним? Павлыч — очень разумный человек, и раз он решил не посвящать Войцеха в свои секреты, значит тому были веские причины. И все же... Все же... Горькая пилюля разочарования жгла его изнутри, как совсем недавно жгли искрящие молнии студенистое тело голодного ока.

— Так значит, это... правда?

Павлыч прикрыл веки.

— А как это было? Что-то стало причиной этому?.. И много таких ахногенов?.. Почему об этом не пишут в сми? Не выносят этот вопрос на научные конференции?.. Ведь это же... Сенсация...

— погоди, не части, — спокойно ответил Павлыч. — Насколько мне известно, таких случаев немного, но они есть. Их не афишируют, потому что... Сам подумай... Какой поднимется шум.

Войцех подумал. И то, куда завели его раздумья, ему сильно не понравилось. Стройная картина мира, с четким разделением людей на две взаимодополняющие составные части, распадалась. Приобрети явление внезапного вскрытия ахно-волн у бурлаков массовый характер, мир погрузился бы в... хаос, законодательная система полетела бы в тар-тарары, наступил бы голод, потому что бурлаки, став ахногенами, перестали бы работать. Как перестало когда-то работать большинство ахногенов.

У Войцеха от всех этих мыслей пошла кругом голова. А Павлыч не торопил. Развалясь в своем кресле, как в шезлонге, он наблюдал за Войцехом.

— Если бы тебе дали возможность сделать бурлаков ахногенами — как бы ты поступил?

— Но вы же говорите — единичные случаи.

— Да, единичные. Я спрашиваю гипотетически... Что было бы со всеми нами, если бы вдруг все люди на свете оказались ахногенами?

Он встал и подошел к окну.

— Так называемая магия изменила людей за эти пятьдесят лет. Посмотри вокруг. Бурлаки работают потому, что вынуждены. Ахногены в большинстве не работают вообще и не стремятся. Труд перестал быть основой выживания. Однако лень — это не порождение новой энергии, и не ее следствие. Лень была свойственна человеку всегда. Когда миром правили деньги, люди, как сейчас бурлаки, были вынуждены трудиться, потому что большей частью денег владело маленькое количество людей. Ахно-энергию контролировать сложнее, но и это в какой-то части удается. Но лишь потому, что бурлаки все-таки вынуждены трудиться и обеспечивать вторую половину всем необходимым. Как ни крути.

Войцех подошел к окну и встал рядом с Павлычем. На площади Изобилия, причудливо извиваясь, змеилась очередь из бурлаков и самым жирным концом упиралась в Жилокмаг.

— А как бы вы поступили?

— Дал бы всем людям ахно-энергию, — без заминки ответил Павлыч.

— Но тогда все умрут с голоду.

— Тогда у всех будут равные возможности и условия для выживания.

Войцех молчал и раздумывал. В словах Павлыча, как всегда, было разумное зерно. Но... Как можно так мыслить? Это же противоречит всему их... мироустройству. Нет, Войцех нежно любил своих родителей-бурлаков, и никогда не забывал из какой семьи он родом. Но... Как бы повел себя папаша, дай ему ахно-волны?... Впрочем, кто поймет этих бурлаков.

Взять хотя бы Гошу.

Он вдруг понял, что трансформация Павлыча в ахногена так сильно его поразила, что он забыл о происходящем. А ведь он сам себе сегодня дал зарок взять под полный контроль дело Гоши.

— Семён Павлыч, я в данный момент на службе. И мне кажется, вам есть что сказать мне о деле, которое я веду. Видите ли, за прошедшие сутки так много всего произошло, что... даже не знаю с чего начать.

— Начни с того момента, как ты пошел от меня домой.

Войцех рассказал ему, как его занесло на кладбище, как разговаривал со старухой фон Рахенбах и как стал свидетелем оживления трупа, как провел их до самого дома, и потом попал в «Фантом-2», про обряд и про странного старика, о котором он думает, что тот упырь.

Павлыч вернулся в кресло и закурил трубку.

— Значит, профессор, — задумчиво проговорил он.

Он слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы, хмурился и что-то помечал себе на доске.

— Я так и не понял, что это за магия, которая переносит меня черте куда, — закончил Войцех.

— Ну, допустим из двух раз она перенесла тебя черте-куда только однажды. Второй раз ты попал вполне по адресу. Возможно, потому, что ты был к этому готов, а значит более собран, сосредоточен. Была необходимость увидеть меня, и вот, собственно... Но это, конечно предположение... Однако, если оно верно, то это могло бы означать, что на этот процесс можно влиять. То есть не такая уж и сильная эта магия. Понимаешь? Но некромантия... Это серьезно.

— А прыжок во времени? Или в пространстве? Разве это не серьезно?

— Судя по тому, какие приходят отчеты от агента — во времени, — ответил Павлыч. — Они здесь, но лет пятьдесят назад. И знаешь, что еще... Кларисса, возможно, и обладает семеркой. Но насколько я понимаю, она не обладает ни знаниями, ни опытом, чтобы воплотить в жизнь такой сложный замысел, как прыжок в прошлое. И, чтобы решиться на некромантию, в том числе, нужен опыт посерьезней. А это значит, что у них есть кто-то, кто их направляет.

— Кравцов?

— Похоже на то. Но не только он. Если я правильно понял шифровку, твоя старуха там в деле.

— Она не моя, — обиделся Войцех. — Хотя это могло бы объяснить защиту на парадной. Но... Разве такое возможно?

— Не знаю, Войцех. Не знаю. Сейчас нам остается только ждать.

Глава 15. Хмельная чайка

«Хмельная чайка» приветливо распахнула дверь, и странная с виду четверка окунулась в омут густого табачного дыма, алкогольного духа и тихой музыки.

Гоша вошла первой и уверенно направилась к свободному столику. Клара, увидев своё отражение в зеркале, бросила профессора и замерла, открыв рот. Придя в себя, она провела ладонями по узкой талии, упругому шарообразному заду, заглянула в большие испуганные глаза и облизала задорную верхнюю губу под вздёрнутым носиком. Это была она и в то же время нет. Теперь понятно, чему так восхищалась Гоша!

После ночного мрака и сумасшедшей гонки атмосфера заведения расслабляла. Посередине помещения, слегка подсвеченный низко опущенным зеркальным шаром, пустовал помост. Из двух огромных колонок мягко изливался джаз. Вокруг хаотично ютились столики, наполовину занятые посетителями. Свободных было достаточно, и Гоша выбрала тот, что подальше и потемней, но ближе к бару. За стойкой управлялся рослый бармен, который, увидев их, приветливо кивнул и щёлкнул пальцами, указав на них невысокому пареньку в белом переднике.

«Антон» — прочитала Клара на бейджике, когда официантик материализовался перед ними, оставил меню и исчез.

Клара до сих пор дрожала, как будто адова машина, скончавшись от поворота ключа зажигания, отдала ей свою жизнь, и теперь Клара, заведённая на холостых оборотах, только и ждала момента, когда кто-нибудь переключит скорость и нажмёт на газ. Неотвеченные вопросы бурлили в ней готовой к зажиганию горячей смесью.

Вскоре стол наполнился закусками и выпивкой. Клара обнаружила перед собой большой бокал с мерцающим голубым коктейлем, Гоша с наслаждением втянула запах пунша, Иннокентий сделал большой, на половину кружки, глоток пива, а профессор ласково обнял худыми пальцами пузатую рюмку с коньяком. Дрожание внутри сменило тембр на вибрацию звучащей музыки — лёгкой, озорной и томной. И Клара удовлетворённо вздохнула — хоть какое-то утешение в награду за нервы прошедших дней, и назначила Илью Васильевича ответственным за весь пережитый ужас.

— Профессор, — курлыкнула она, прикрыв глаза ресницами. — Надеюсь, вы объясните, наконец, где мы?

Профессор, блеснув из-под шляпы глазами, качнул бокалом.

— Непременно, мой регулятор возбуждения ахно-свирили! — пророкотал он. — Коктейль, который мы выпили, э-э-э... не вспомню, как это правильно сказать... перематериализовал нас в прошлое. В моё прошлое.

— Что?!

«Так и знала! Боже мой! Я так и знала!»

— Воздействие на время — одно из серьёзнейших магических преступлений! — процедила она вполголоса, оглядываясь по сторонам. — Как же вы посмели втянуть нас!.. Как бабушка могла!

— Вышей, дорогая! — мягко и настойчиво сказала Гоша.

Потеряв дар речи от возмущения, Клара последовала совету — сделала глоток и зажмурилась, не желая верить в то, что происходит.

— Когда ты уснула там, на пуфике, а Иннокентий установил батарею и ушёл, мы с

Гретхен и Наташей до утра слушали Николашу. Этот славный малый рассказал нам все новости с тех пор, как нас с Гретхен выкинуло из жизни. То есть, не все, конечно, самые важные. И самые плохие. Гретта сильно расстроилась. «Воры и проходимцы! — сказала твоя бабушка. — Они извратили всё самое лучшее в твоих открытиях! Они украли их у людей!»

— Гретта?

— Видишь ли, агрегат моего сердца, мы с твоей бабушкой давно знакомы...

Так и есть! Ей не показалось тогда. Но бабушка! Клара взглянула на Гошу, та в ответ многозначительно ухмыльнулась.

— Она была моей ученицей и ... утешением.

— Утешением... — хохотнула Гоша.

— Да, — глаза профессора подёрнулись дымкой воспоминаний. — Твоя бабушка была профессиональной колдуньей, ты не знала? Она с детства изучала ведовские, шаманские и прочие практики разных народов, собирала библиотеку. Она предложила наложить ахна-энергию на опыт заговоров и заклятий. Это было веселое и самое незабываемое время...

Ну а когда магия стала доступна всем, общество подобно маленькому ребёнку схватило ахна-энергию как зажжённый фейерверк, радуясь искрящему огоньку на фитиле, и не думая, что скоро сработает вышибной заряд. Фейерверк мог бы быть красивым. Но люди испортили финальный залп, и сами себя покалечили. Правительство не торопилось брать на себя ответственность. Видимо, не поняло до конца последствий грядущей катастрофы. Однако, Гретхен усмотрела в действиях отцов народа ещё и намеренность. И тут желание мадмуазель Наташи найти книгу, — профессор изобразил поклон в сторону Гоши, — наилучшим образом наложилось на стремление Гретхен разобраться во всём. Ведь последний труд «Философия ахна-волн» был опубликован уже после моей кончины, да так и почил, не будучи изучен.

— Значит, вы что-то вспомнили?

— Кое-что, несомненно. Я вспомнил место. Все свершится именно здесь. И где-то здесь должна быть книга. Поэтому мне и пришлось отправиться с вами, чтобы скорректировать путь. Иначе вы попали бы в Москву и потеряли бы драгоценное время. Малые Вещуны. Здесь началась моя жизнь и здесь же закончилась...

— Но раз вы вспомнили...

— О, нет. Не все. Суть моих последних исследований по-прежнему в омуте беспомысленности. Увы!

— Но вы сварили сложный эликсир!

— О, благодарю! Я тронут. Надеюсь, вы довольны вашим... Э-э-э... Обликом?

— Ай да профессор! — восхищённо произнесла Гоша.

Профессор скромно потупил взор, принимая похвалу.

— Ну, раз уж нам предстояло отправиться в прошлое... Моё прошлое. Так или иначе конструируемую реальность необходимо было формировать. И я позволил себе некоторую вольность.

— А как же нога? Почему одна?

— Ах, это пустяки. Моё сопровождение не планировалось, я же должен был остаться. Для полноценной реконструкции на меня просто не хватило зелья. Опять.

Он улыбнулся. Улыбка у профессора Кравцова оставалась жуткой — во все тридцать два зуба, несмотря на наличие губ и вполне законченное лицо. Разве что скула бликовала костью сквозь дыру на коже, но тень от шляпы удачно это скрывала.

— Значит, мы ищем книгу? — подытожила Клара. — И где она? Вы вспомнили?

— Не совсем. Но я вспомнил это, — он обвёл рукой с бокалом залу. — «Хмельная чайка». Пришлось на ходу вносить поправки в действие элексира, чтобы путь привёл нас именно сюда. Думаю, что концы моей э-эм... прошлой деятельности... мда... найдём здесь.

Новые посетители прибывали, рассаживались за столики. Зажигались свечи, дымили сигареты. Софиты зажглись вполсилы, ровно настолько, чтобы немного осветить круглую сцену, на которой темные фигуры готовили инструменты к концерту. Клара впервые вживую видела вещи, через которые рождалась музыка. На Лёничкиных концертах источник музыки был скрыт, как и здесь, когда они только вошли. Мелодия лилась из колонок, а кто или что её создало — Клара никогда не задумывалась. Она глянула на спутников: Иннокентий налегал на пиво и закуску, с интересом и большим вниманием следя за происходящим. Профессор придвинулся к Гоше и что-то вполголоса ей рассказывал.

Клара окончательно пришла в себя после Харлея и ощутила знакомый подъем, как это бывало на Бразильском карнавале. Что ж, дело сделано. Пока можно веселиться — надо веселиться. И будь что будет.

Со сцены послышались звуки отдельных инструментов, и Клара удивилась их звучанию. Наконец, музыканты сыграли миниатюру — до чего необычный и живой звук! Если это настоящая музыка, то чем их потчуют в “Жар-птице”?

Софиты зажглись на всю и на сцену вышел невысокий худенький паренёк в белой рубашке навыпуск и чёрных брюках. Простая, скромная одежда, но именно она отличала его от музыкантов, которые выглядели, к удивлению Клары, примерно так же, как Иннокентий — старые джинсы, кажется даже с дырами, и недельная щетина.

В зале послышались редкие аплодисменты.

— Добрый вечер, — произнёс парень и широко улыбнулся.

Внезапно в этой обаятельной тёплой улыбке Клара уловила знакомые черты. Нет! Не может быть! Она озадаченно посмотрела на Гошу. Та тоже это увидела и кивнула, подтверждая догадку Клары — Лёничка! Ах, какой пассаж! Клара отчаянно захлопала в ладоши. Лёничка, услышав бурные одиночные аплодисменты, благодарно поклонился в её сторону.

Заиграла гитара. Мелодия Кларе была неизвестна, но по одобряющим восклицаниям, раздавшимся среди посетителей, поняла, что песня должна быть хорошая. Лёничка запел.

Да, песня была хорошей. То есть должна была такой быть — старинная плясовая про мохнатого шмеля. Ах, какая прелесть! Ноги сами запросились в пляс.

Но, где-то в середине Лёничка споткнулся, потерял темп, выбился из ритма и перестал попадать в ноты.

Сначала Клара подумала, что Лёничка еще настолько молод, что у него голос ещё не сформировался. Но он так бессовестно лажал, что стало больно слушать. Клара глянула на Гошу. Та улыбалась и на пару с Иннокентием качалась в такт музыки. Что? Она не слышит, как ошибается Лёничка?! Клара оглянулась. Люди улыбались и некоторые даже подпевали. Не может быть! Она что — одна это понимает?

Песня набирала обороты. Певец, не вытягивая строчку, задышался, сбивал ритм, не пел, а проговаривал слова. Клара не удержалась и зажала уши ладонями. И, наконец, увидела того, кто тоже это слышал.

Профессор не хлопал воодушевлённо, не подпевал и вообще, похоже, разделял Кларины чувства. Развалившись на диванчике, он насмешливо и снисходительно улыбался. Кларе

показалось, что для него Лёничкин «талант» не новость. Поймав её взгляд, он широко и жутко улыбнулся, оголяя щербину.

— Но это же Лёнечка?! — сказала она вполголоса, наклонившись к нему. Надежда, что это какая-то возмутительная ошибка ещё теплилась. — Я не понимаю.

— Твоя бабушка всегда называла его прохвостом, — ответил он.

Клара отказывалась верить. Но как же так?! Сладкоголосый и многоликий Лёнечка!..

— Это всё магия, моя вдохновенно-частотная амплитуда, — пробасил профессор и придвинулся ближе. — Помимо прочего, магия ахно-волн развивает у людей вкус к искусству, настраивает на тонкие вибрации. В данный момент истории общество только познаёт эту новую энергию. Людей, тонко чувствующих, как ты, единицы. Ну и что говорить — такие заведения они не посещают.

— Но это же Лёнечка! — отказывалась верить Клара.

— Магия, дорогая. То, что я услышал о его карьере от Николаши — это... Чистая магия.

— Вы хотите сказать, что он изменил голосовые связки? Но такие опыты запрещены! Даже над животными!

— Не знаю, какие он там ставил опыты, но точно знаю, что Гретта была права на его счёт.

Клара вспомнила высокий постамент, где выступал Лёнечка, и даже самые близкие столики находились за пределами рампы и разглядеть его можно было разве что в бинокль. Кто его видел вживую, кроме хозяина кофейни? Все знали Лёнечку только по фотографиям — немного женственного мужчину с тонкими аристократичными чертами лица — таким и должен быть настоящий артист. Кларе стало грустно. Лёнечка — единственное светлое пятно в её серой посредственной жизни в Малых Вещунах, в темное и скучное время между настоящими праздниками...

— Значит, его голос, как и ремонт моей батареи — на один концерт? Вот почему он так редко выступает? Каждый раз последствия магии проявляются сильнее?

Лёнечка наконец прекратил терзать слух Клары. Посетители похлопали. Она вспоминала, какие виртуозные шоу он вытворял в «Жар-птице», какие овации собирал, как люди несли и несли ему таюны, отдавали последние.

— Уважаемая публика, — дрожащим тенором проговорил Лёнечка со сцены. — Может, кто-то из вас желает составить мне партию? Или, может быть соло? Многие таланты вот так и пробивались на свет — случайно, на душевной вечеринке среди друзей.

— Я! — Клара вскочила, и сама испугалась своего порыва.

Но глядя, как профессор насмешливо поднял бровь, а Гоша одобрительно кивнула, решила: «Хуже Лёнечки не спою!». Она почувствовала на себе взгляды всех, кто был в помещении, немного смутилась, но отмела сомнения. Это её звёздный час! Она покажет им, что такое искусство!

— Прошу на сцену, мадмуазель!

От такого обращения она немного опешила — она фрау или на худой конец фройлян, но никак не мадмуазель. Но тут же вспомнила, где они и когда. Магия тут еще в таком зачатке, что люди пока не научились различать, из какой среды собеседник.

Она тряхнула копной и поплыла к сцене так, словно шла по подиуму, от бедра, вытягивая носочек в босоножке, с неторопливой грацией пантеры, чувствуя спиной, как все мужчины в зале раздевают её глазами и ...

Лёнечка галантно раскланялся и приложился мокрыми губами к ручке.

— Что будем петь?

— Ария из оперы «Кармен», — мурлыкнула Клара в микрофон, и услышала в ответ гробовую тишину.

Барабанщик выронил палочки. Лёничка закрыл рот, прокашлялся и расплылся в тёплой улыбке. При ближайшем рассмотрении Кларе эта улыбка вовсе не понравилась. Глаза его смотрели испуганно и зло.

«Тем приятней будет утереть тебе нос!»

— Эмм... Прошу, примадонна! Начинайте, а мы подыграем.

Клара приняла позу оперной дивы, которую бесчисленное множество раз репетировала дома перед зеркалом, и, прикрыв глаза ресницами, запела:

L'amour est un oiseau rebelle

Que nul ne peut apprivoiser,

Et c'est bien en vain qu'on l'appelle,

S'il lui convient de refuser![1]

Голос не подвёл Клару. У неё оказалось насыщенное и глубокое меццо-сопрано, её любимое, хотя ей всегда казалось, что поёт она контральто. На втором куплете гитарист подхватил мелодию, цепляя пальцами струны, и этого оказалось достаточно — ария лилась по заведению, заполняя страстным огнём восхитительной Кармен, которая обрушила жар любви на единственного доступного драгуна — Лёничку. Порхая вокруг него обольстительницей цыганкой, она со злорадством отмечала, какое впечатление производит на него своим пением.

— Ла-му-у-ур! — тянула она. — Ла-му-у-ур! — мстила за оставленные десятки и сотни тысяч таюнов в терминалах «Жар-птицы», в терминалах Бразильского карнавала, Новогодних гуляний, за обман, за самое большое разочарование в жизни.

С последними аккордами зал взорвался овацией. Она, раскинув руки, купалась в славе. Мечта сбылась. Лёничка, преклонив колени, лобызал ручку, из темноты зала к ногам упал букет алых роз. Антон преподнёс полную рюмку водки, и разошедшаяся Клара выпила её, задержав дыхание и зажмурившись. «Капля водки убивает лошадь» — да, она знала это! Но сейчас... Что может быть лучше, чем смерть вот в такой момент — на пике славы, оваций, счастья!

Рюмка водки её не убила, но на время выключила. А когда она пришла в себя, то обнаружила, что сидит за своим столиком, а рядом — Лёничка, держась за ручку и заглядывая в глаза, что-то говорил, улыбался расслабленной и по-настоящему тёплой улыбкой. Играла громкая музыка, на давешней сцене развернулись танцы.

Профессор, откинувшись на спинку кресла, будто бы спал, но по блестящим глазам в тени шляпы Клара поняла, что он не просто бодрствует — наблюдает, за всеми и сразу, насторожен и бдит.

Гоша, подперев рукой хмельную голову, что-то рассказывала тому самому, небритому в зеркальных очках из длинной машины, которая обогнала их на дороге. Судя по застывшему оскалу и поднятой, но так и не донесённой до рта рюмке, он внимал Гоше так, словно от её рассказа зависела его жизнь.

«Что она там такое говорит?»

Клара прислушалась.

— ... правительство Объединенного государства постановило разные национальные праздники отмечать всем людям, независимо от среды проживания. Понимаешь, зачем?..

«Ах, Боже мой! Гоша опять про свое!»

— ...это самые показательные изобретения магических технологий, — влиwała она в уши ошарашенному незнакомцу. — Но вскоре за их развитием, у крупнейших производственных корпораций начались... начнутся такие проблемы, которых в истории ещё не бывало. Первой рухнет текстильная промышленность — зачем делать ткани, шить новую одежду, если можно дешёво и бесплатно чинить старую, обновить её и даже сделать краше ...

«О, это на всю ночь! Но... Кто это? И где слесарь?»

Впрочем, Иннокентий нашёлся быстро — на танцполе. Подняв мускулистые руки, он выделявал торсом несложные па и самозабвенно клеил красоток. Ну хоть у него вечер удался.

— Богиня! — говорил захмелевший Лёничка, тискал её руку, покрывая мокрыми поцелуями. — В моей берлоге есть настоящий граммафон. Представляете, чего мне стоило найти его?! И небольшая коллекция винила — Паваротти, Мария Каллас и даже Монсеррат Кабалье. Кто, как не вы сможете оценить виртуозность их талантов? Прошу вас, Богиня! Вы не поверите, мне даже не с кем послушать! В кои-то веки я встретил родную душу. Прошу вас. Умоляю!

Голова кружилась. Лёничка сейчас мало напоминал ту недосыгаемую звезду, которой он станет в будущем. Но всё же это был он, её кумир. Его глаза горели пламенем страсти, и это она, Кларисса Райхенбах зажгла её!

— Какая берлога? Где?

— Ах, здесь же, здесь же! Пойдёмте! Он подскочил и потянул её. Она встала, поймала равновесие и растерянно посмотрела на сидящих за столом. Ей показалось, что Гоша на миг протрезвев, остро, с пониманием зыркнула на неё и едва заметно кивнула. А профессор провожает их пристальным, холодным взглядом. Но уже в следующий миг видение рассеялось, и Клара оказалась предоставленной Лёничке, упрямо тянущего её вглубь заведения.

Они вышли из зала через маленькую дверь, поднялись по тёмной, узкой лестнице и оказались в душевной комнатухе. Вдоль одной стены — туалетный столик с зеркалом, заставленный баночками и парфюмом, вдоль другой — кушетка, аккуратно застеленная светлым покрывалом, кресло и тумба, на которой стоял аппарат, никогда не виданный Klarой, но, судя по всему, очень-очень древний — с огромным раскрывшимся бутонем колокольчика, лоснящимся зеленоватой от старости медью.

Лёничка усадил её на пуфик, а сам, суется и натываясь на мебель, выудил откуда-то бутылку шампанского, бокалы и хлопнул пробкой. После того как Клара, моща носик, смочила губы в холодных пузырьках, он кинулся к тумбе, долго копался, с великой предосторожностью извлёк из конверта круглый чёрный диск, уложил его в аппарат и яростно покрутил ручку. Из колокола понеслась музыка. Нежный и лёгкий сопрано Монсеррат Кабалье, живой, словно она пела прямо здесь, подхватил возникшую в душе Klarы грусть и понёс её лёгким ветерком в солнечную страну грёз.

Когда звуки стихли, Клара открыла глаза и увидела у своих ног Лёничку, который, как и она, плакал. Ах, как тонко чувствует этот мальчик божественный голос дивы! Зря она думала о нём плохо! Зря бабушка называла его прохвостом! Человек с таким хрупким душевным строем просто не может им быть!

— Признаюсь вам в том, в чём никому и никогда, даже матери. Почему-то вам могу.

Чувствую, что поймёте.

Он положил голову ей на колени и обхватил ноги.

— Искусство — единственное, ради чего стоит жить. Понимаете?

Она кивнула, смущённая неожиданным порывом.

— Герр Пьетро Шляйфмен...

Клара мгновенно протрезвела, сердце заколотилось от недобрых предчувствий.

— Пьетро Шляйфмен? Вы уверены?

— Уверен ли я? — он усмехнулся. — Да, уверен. Это злой гений, которому я принадлежу отныне. Он финансирует мои исследования и эксперименты.

— С голосом? — спросила Клара.

Лёничка вздохнул, обдав жаром её колени.

— Ах, если бы вы только могли поверить, как я жажду целовать вас!

Она почувствовала, его пальцы у себя на лодыжке, едва касаясь кожи, они поднялись под коленную чашечку. Кларе стало щекотно. Захотелось дёрнуть ногой. "Трубка да баба — первая забава" — вспомнила она бабушкины слова и оцепенела — так вот зачем он её сюда затащил!

— Но не могу, Богиня! Медики говорят — побочный эффект.

Он поднял лицо и по-девичьи виновато улыбнулся.

— Магия? — прошептала она.

— Да... Отто Кауфман. Вряд ли вы о нем слышали...

«Кауфман? И он здесь?!»

— Но это — ремесленник, принимаете? Каждый раз, садясь в его чудовищное кресло, я боюсь потерять голос навсегда. А это... Это все равно, что с проститься с жизнью... Если бы Кравцов согласился со мной работать, все было бы иначе, я уверен. Но он... Упрямый осел!

В его глазах появилась злость, а в чертах лица резкость. Клара затаила дыхание.

— Правительство — кучка идиотов! — продолжал он, глядя вдаль мимо нее. — Думают, что, внедрив в народ магию, сделают хорошо! Понимаете? Каждому! Заседания проходят каждый день. Их не афишируют, боятся, как бы мир не свихнулся и не вышел из-под контроля. Но уже пишут учебники. Новое поколение детей станет магами!

— Но... Что в этом плохого?

— Да вы что, дорогая? Нельзя! — Лёничка отстранился и поднялся с колен. — Уж вы-то должны это понимать! Дай людям магию — они уничтожат мир! Но, слава богу есть Шляйфмен. Вам же знакомо это имя?

— Да, пожалуй.

— Он активно набирает соратников. Ограничить магию! Запретить ее распространение любой ценой! — горячился Лёничка, вышагивая по крохотной комнате: три шага в одну сторону, три в другую. — И он прав! Таким даром должны пользоваться только избранные. Шляйфмен, я, вы. Только те, кто в состоянии оценить его!

— А Кравцов?

— Кравцов считает, что магия должна быть для всех. — Лёничка гневно раздувал ноздри. — Во всяком случае, для тех, у кого есть к ней способности, а это много, предположительно больше половины населения. Он утверждает, что ограничить её невозможно. Даже несколько научных статей на эту тему написал. Рано или поздно она овладеет миром, и лучше контролировать её распространение, чем запрещать, и создавать тем самым прецедент для бунта.

— Но... это же разумно, — персону профессора предстала перед Кларой с новой стороны. Теперь он не казался ей потрёпанным жалким трупом, и она, кажется, немного поняла, отчего Гоша так вцепилась в него. — А Шляйфмен?

— Пьетро — это будущее Объединенного Государства. Его сторонники очень сильны. Очень! — вдохновенно ответил Лёничка. — Да, вы видели его! Это он сидел за столиком возле вашей подруги, хоть он и не ходок по женщинам!

Клара вскочила. Сердце тревожно сжалось. Ещё не хватало, чтобы Гоша впуталась в самого Шляйфмена! Это же уму... Это же...

— Мне пора! — сказала она так резко, что Лёничка не посмел перечить. Лишь улыбнулся тёплой и виноватой улыбкой.

— Не смею задерживать, — галантно поклонился и поцеловал ручку. — Благодарю за чудесный вечер. И за арию.

Лёничка отказался провожать Клару, сославшись на подготовку к выходу на сцену. Она вышла на узкую лестницу и вдруг услышала, что внизу открылась дверь. Ей стало страшно, что кто-то вдруг увидит её здесь и подумает бог знает что. В одиночестве и без могуто-камня Клара трусила как заяц. Она юркнула за портьеру маленького окна и затаилась.

Тяжёлые шаги, дверь в гримёрную Лёнички открылась, и она услышала голос, который показался ей знакомым.

— Пожалуй, стоит поискать другого солиста для ансамбля, раз любая заблудшая овца блеет лучше тебя. Ты обещал мне полный зал посетителей. И где он?!

— Мне нужно время, Исая! Есть положительный эффект.

«Ба! Да это никак сам Майер!»

Она вдруг вспомнила едва освещённую аллею, по которой они приехали сюда.

«Неужели — это «Жар-птица»?»

— Вижу я твой положительный эффект. Простую песню осилить не можешь!

— Простую? Тогда попробуй — осиль сам одновременно и солиста, и цыганский хор!

— Плевал я на хор. Не можешь — выбери другой репертуар, попроще. Но собери мне полный зал! Так чтобы тебе хлопали так же, как этой курице.

Клара задохнулась от возмущения. Всё-таки права она была, когда думала, что Лёничка тут ни при чём, и во всём виноват этот жулик Майер! Каков негодяй!

Она выскользнула из-за портьеры и, сняв босоножки, на цыпочках спустилась по лестнице. Больше ни минуты она не останется в этом... курятнике! Больше никогда в жизни она не придёт в «Жар-птицу»! Открыла дверь и врезалась в Иннокентия.

— А, вот вы где! — на лице его читалось беспокойство и облегчение. — А я потерял вас. Меня ж за это... Того... Не уходите так больше, фройлян!

Кларисса с благодарностью кивнула. Какой же, оказывается, милый, этот Иннокентий. И надёжный. Как скала. Как Гоша.

[1] Любовь — строптивая птица,
Которую никто не может приручить,
И совершенно бесполезно звать её,
Коль ей угодно отказать...

Глава 16. Буря

За время её отсутствия ничего не изменилось. Профессор Кравцов, казалось, спал, Гоша увлечённо рисовала пальцем на столе какие-то схемы, Пьетро Шляйфмен — будущий председатель правительства, хмурил брови и сосредоточенно следил за манипуляциями Гоши. Иннокентий, успокоившись и развалившись на диванчике, раскурил огромную сигару.

Клара, улыбнувшись мрачному Шляйфмену и стрельнув глазами слесарю, «похитила» Гошу попудрить носик. Схватив за руку, она вывела ее на улицу. Ночь влажно обняла за плечи и взлохматила кудри свежим ветерком.

— Ты хоть понимаешь, с кем ты сейчас разговариваешь? — накинулась она на подругу, как только входная дверь заглушила шум заведения.

— Понимаю, дорогая. Ты вовремя пришла!

— Ты знаешь?

— Конечно. Он же представился.

— Послушай! Этот Шляйфмен... Он не так прост. Он связан с политикой, с какими-то людьми, которые хотят... Хотят... — Клара понизила голос и оглянулась. — Свергнуть правительство!..

— Но как иначе приходят к власти, дорогая? — тоже понизив голос проговорила Гоша с улыбкой.

— Что ты там ему рассказывала?

— Правду. Я рассказывала о том, что с нами станет через пятьдесят лет. Но это неважно.

— Как неважно? — кипятилась Клара. — Как неважно?! Ты же сама вкладываешь ему карты в руки! Сама рассказываешь, как сделать нашу жизнь такой... невыносимой... как сейчас. А ведь могла бы что-нибудь и изменить. Взять хотя бы проклятый Жилкоммаг! Или запреты на использование магии!

— Нет, дорогая. Будущее надо менять в настоящем, а не в прошлом. Что бы мы сейчас ни сделали, прошлое всё равно пойдёт по заданному курсу. Поэтому нам так нужна книга. И вот что, — она крепко взяла Клару за плечи. — Запоминай адрес: улица Пробуждения, дом ноль-дробь-двадцать восемь. Мы со Шляйфменом едем туда. Уверена, что найду либо саму книгу, либо её концы. Вы поедете за мной. Да я и сама, если честно, не доверяю Пьетро. Нс он настаивает, а нам это на руку.

Клара всхлипнула — ей было так страшно как никогда в жизни. Гоша оставляла её с калекой-профессором, ладно хоть Иннокентий с ней. Всё так закручивалось, что непременно должно было привести к катастрофе. Она чувствовала это.

— Кларисса! Не время сачковать, — строго сказала Гоша. — Помни — Гретхен ждёт нас, и ждёт с книгой!

— А если нас убьют? — прошептала Клара.

— Не посмеют! — Гоша выпятила нижнюю челюсть. — Верь мне.

Дверь распахнулась и на пороге возникла невысокая коренастая фигура Шляйфмена.

— Ах, вот вы где! — прогундосил он.

Клара сразу узнала этот гнусавый до омерзения голос — сколько раз она слышала его по радио — запреты, запреты, запреты! Новые законы, штрафы, наказания! Ему удалось воплотить задуманное! Вся жизнь Клары прошла под запретами. Вся жизнь в страхе. Что еще

ей было делать, как не шляться по праздникам, если этот гад не оставил другого выбора?!

И все же в лице этого молодого и здорового мужчины пока еще чего-то не хватало. Какой-то ускользающей от внимания Клары детали, которая делала бы его настоящим Шляйфменом.

— Погода меняется! — сказала Гоша.

Клара оглянулась — и правда! На улице поднялся ветер. Вдали прогремел гром. Редкие капли начинающегося дождя падали холодными плевками на оголённые плечи. Клара обхватила себя руками.

— Тем более пора, — сказал Шляйфмен, и по-хозяйски приобняв Гошу за талию, повлёк её на стоянку автомобилей. — Чудный голос, мадмуазель, — бросил он Кларе. — Хорошего вечера.

Гоша, подмигнув ей напоследок, позволила себя увести и посадить в длинный автомобиль. Пыхнув бензиновыми парами и моргнув огнями, он скрылся из виду.

Иннокентий добыл где-то деревянную швабру. Конечности профессора пребывали как раз в нужном расположении — рука справа, а нога слева — и он неловко прыгал вперёд по аллее, которую Клара окончательно опознала — всего пару дней назад, а, казалось, целая вечность прошла, Гоша тащила её по этим дорожкам вон из «Жар-птицы», только там, в настоящем. В том уютном и безопасном настоящем.

Страх сжимал сердце. Страх за Гошеньку, за себя, за профессора, который был сосредоточен и бледен. На вопрос о самочувствии, он, ухмыльнувшись, ответил:

— Ресурсоёмкость твоего могуто-камня не безгранична. Это можно исправить, но сейчас нет времени, — он достал из нагрудного кармана часы с цепочкой. Клара тотчас узнала их — те самые, бабушкины, на обратном ходу. Открыл крышку, захлопнул и сердито буркнул: — Поторопимся!

Фонари, подвешенные на цепи, качались от ветра. Над головой громыхало. Редкие капли пронзали душный, наполненный энергией дождя воздух. Гроза копилась, но никак не могла прорваться. Чем дальше она искрила короткими молниями, тем сильнее ожидался шквал. Слесарь накинул на плечи дрожащей Клары свою куртку, обдав запахом табака и чем-то техническим, но Клара благодарно завернулась в неё.

Вдруг профессор остановился. Впереди, в мелькающем свете фонарей, Клара разглядела бегущего навстречу человека. Когда появились ещё трое, профессор сделал знак рукой, и они спрятались за парковую скамью, обросшую кустарником. Сквозь отверстия между перекладинами хорошо просматривался кусок аллеи: качающийся на ветру фонарь, а за ним берёза, чьи плакучие ветви металась на ветру лохматыми плетями. Молния ослепила и следом раздался оглушительный грохот. Долго сдерживаемый ливень обрушился на аллею косыми потоками.

Человек поскользнулся и упал прямо перед ними. Клара взвизгнула, но почувствовала могучую лапу слесаря, зажавшую ей рот.

Трое настигли упавшего через мгновение. Пыхтя и сдержанно ругаясь, они принялись молча пинать его ногами. Он закрывал руками голову, иногда стонал, но не просил пощады, не звал на помощь и не сопротивлялся. Слесарь дёрнулся, но профессор остановил его и покачал головой. Он больно сжал Кларе плечо сухой клешнёй. Не отрываясь, Кравцов следил за происходящим. Фонарь высвечивал его злобный оскал, глаза сверкали ненавистью.

«Меня били ногами по голове» — вспомнила Клара и вцепилась в кулак зубами от внезапной догадки. Теперь дёрнулась она, схватившись за слесаря. Но железная рука

профессора усадила её на место.

— Вас же убьют! — прошептала она.

Он придвинул к ней жуткое лицо и, скалясь во все зубы, ответил:

— Меня уже убили!

Послышались шаги, подошла фигура, похожая на тень. Трое перестали избивать. Лежащий на земле тяжело дышал, отплевывался.

— Ильюша — Ильюша, — услышала Клара неторопливый гнусавый голос и сердце заметалось в панике: «Где Гоша? Что этот подонок с ней сделал?» — Упрямство родилось вперёд тебя, верно? Всё, что тебе сейчас нужно сделать — отозвать своё послание правительству. И будешь жить дальше и изучать ахно-волны на радость обывателям.

— И помогать тебе? — услышала она слабый голос лежащего на земле человека.

— Не мне, Ильюша. Новому правительству. Твоё упрямство ничего не изменит. Вотум недоверия уже объявлен. Выборы, мои выборы, начнутся через неделю. Ты мог бы быть рядом и... творить. Ты же творец. Творец новой реальности. Я лишь хочу внести в неё кое-какие поправки.

— Без меня, Пьетро.

— Как скажешь.

Тень вытянула руку, раздался едва слышный сквозь грозу хлопок. Фигура на земле дёрнулась и замерла. Силуэты, пятась и оглядываясь, растворились в дожде, и профессор, наконец, отпустил плечо Клары. Её зубы громко стучали. Открыв рот, она закричала. Иннокентий крепко обнял её и прижал к себе и держал, пока страх не истончился с этим криком, не вышел из нее без остатка.

Иннокентий помог подняться профессору, обойти скамью и сесть на неё. У ног Кравцова распласталось тело самого Кравцова. Профессор был слаб и бледен.

У Клары заныло под ложечкой — она уже предполагала, знала, что будет дальше.

— Могучо-камень?

— Послушай, чувствительность моей души, — ненависть пропала с лица профессора, он снова стал собой — беззащитный, ранимый до боли в сердце. — Здесь мы расстанемся. Могучо-камень, да. Я почти исчерпал его резерв, а он будет нужен вам, чтобы вернуться. Сейчас я его выну, вы возьмёте какую-нибудь тачку — я так и не посидел снова за рулём — и поможете Гоше добыть книгу. Не знаю, у Шляйфмена она или нет, но найти вам ее необходимо. Самые ценные вещи он хранит в сейфе. Придётся попотеть, чтобы вскрыть его. Не перебивай! — он накрыл пальцами губы Клары. — Ты так похожа на свою бабушку!.. Твоя подруга правильно взяла след. «Философия энергии ахно-волн» содержит опровержение предшествующим исследованиям... И в то же время дополняет их.

Профессор тяжело дышал, голос его слабел. Клара, вцепившись в его руку, плакала, проклиная Шляйфмена. Буря прошла, дождь обмельчал и мелкими брызгами завершал ее деяния. Слезы смешивались с дождевой водой и текли по телу холодными ручьями.

— Я вспомнил сейчас... — профессор взял ее руку и сжал холодными пальцами. — Все, абсолютно все люди обладают ахно-волнами. Только у некоторых, как у Наташи, или у тебя, мачо, — он глянул на слесаря, — они как бы спят... Так называемый латентный период. Но их можно разбудить... Как раз над этим я работал, отправив в правительство послание, чтобы они не разворачивали программу по обследованию людей... чтобы не делили их на бурлаков и ахногенов... чтобы дали мне немного времени...

Он перевел дух. Казалось, он слабел с каждым словом.

— Книга поможет, даст точку опоры. С ее помощью вы быстро найдете способ, как разбудить ахно-волны.

Шляйфмен давно рвётся к власти. Он финансировал некоторые мои опыты, и одним из первых узнал об открытии. У него давно готов план по отставке правительства, есть своя команда, и спланирован курс. Такой поворот в его планы не входил. Но я недооценил Пьетро, не думал, что он способен убить. Теперь я сожалею, что был настолько глуп и горд, что не подыграл ему. Будь я жив, наверняка мог бы что-то придумать, как помешать... не допустить... Но что толку теперь об этом.

Он пошарил рукой под полкой пиджака, выдернул камень и протянул его Кларе. Она всхлипнула, не в силах сдержаться.

— А как мы назад вернёмся?

— Очень просто. Действие зелья закончится через три часа, и вы вернетесь туда, откуда всё началось. Он протянул ей карманные часы. Торопитесь. Иначе застрянете в межвременье, — рука его бессильно упала, он обмяк и уменьшился в размерах. — Передай Гретте, что она была энергией моей души, я всегда любил её.

И замер.

Часы слегка вспыхнули, и голосом профессора повторили:

— Торопитесь!

Иннокентий тянул Клару за руку, а она всё смотрела на профессора — его фигура таяла. Оглянувшись в последний раз, она увидела на лавке лишь кучку тряпья — одежда тоже истлела, превратившись в рваную ветошь.

Слесарь выбрал автомобиль без крыши.

— На барбосе с ветерком, — сказал он, повыдёргивал из панели провода, пыхтя ругательствами повозился и взревел мотором.

— Быстреей, фройляйн!

Клара, путаясь в мокром подоле, неловко забралась на кожаное сиденье. И кабриолет рванул с места.

Города вновь понесся навстречу. Ветер игриво лохматил кудри, сдувал обильно катившиеся слёзы. Слесарь, сжимая руль и зубы, сосредоточенно гнал авто по старым улицам. Подобно чайке летели они на улицу Пробуждения.

Город утомленно спал, наряженный в бриллианты огней. Клара с интересом смотрела по сторонам и не узнавала его. Он был настоящим! Эти дома и улицы еще не опутал своими сетями Жилкоммаг, не нанес на них дивной кистью иллюзию праздника и благополучия, под которой таилась тоска и разрушение. Не надел на глаза людей розовые шоры. Он спал, но он жил, а не бился в предсмертных судорогах вечного канавала.

Вскоре сквозь ветер и шелест шин, она услышала, как Иннокентий что-то говорит.

— Какая помойная яма выродила такое г... я тебя... свищ на жопе... ржавое колено... сначала ёршиком, а потом паяльничком... Ну ничего-о! Я им таких достану улик... Что... Ха-ха-ха!.. Они еще... Твоювдущумать...

Гнев, которому слесарь дал волю, взбурлил в Кларе в унисон, да так, что могуто-камень раскалился докрасна. Больше она ничего не боялась. Жажда возмездия пылала в ней очищающим огнем. Она покажет этому Шляйфмену! За профессора! За Гошеньку! За себя! За всех бурлаков и ахногенов! За всех обманутых людей!

Хотелось выругаться заодно со слесарем, посолидной тли обкусанной, но слова выносило из головы горячим ветром ярости.

Глава 17. Пьетро Шляйфмен

Дом прятался среди зарослей жасмина, рябин и лип. Клара и Иннокентий остановились у высокой кованой ограды с въездными воротами и небольшой, но роскошной аллее, ведущей прямо ко входу. Ворота смотрелись неприступной, крепко запертой стеной. Клара почувствовала защитную магию на замке сразу.

«Бездарность!» — с презрением фыркнула она.

После многократного обесточивания государственных замков на развалах и заброшенных цехах, она с лёгкостью справилась с простой защитой этого. Однако, сам замок всегда вскрывала Гоша.

— Ваш выход, Иннокентий, — тихо сказала она.

Слесарь пощупал замок мозолистыми лапами, вынул из кармана какую-то мелкую деталь — Клара не разглядела в темноте какую, Гоша носила набор отмычек — раздался тихий металлический щелчок, и ворота распахнулись, открывая путь.

Гнев продолжал кипеть в сердце, требуя разнести этот притаившийся в зарослях дом по камушку. Она чувствовала себя генералом, идущим на штурм крепости. Мысль работала чётко. «Теперь я решаю, что делать. Моя воля!» — думала Клара, вдыхая густой запах медовых лип и жасмина. «Я покажу вам Клариссу фон Райхенбах!»

Там, на аллее, кроме Шляйфмена было ещё трое отморожков, чьи тени в свете качающегося фонаря она ещё долго не забудет. И Лёничка говорил, что у этого мерзавца много сильных сторонников. Магия — это хорошо, конечно. Но против грубой физической силы можно противопоставить только такую же силу. А в её арсенале только слесарь, которого следовало беречь, а не раскидываться такими аргументами.

Держась в тени лип, окаймлявших аллею, они подошли вплотную к дому. У входа стоял криво припаркованный лимузин. Верхние окна светились светом, приглушенным шторами. Из нижних, открытых и ярко освещенных, доносились голоса. Тихо ступая по газону, они прокрались к ближайшему окну и заглянули в него.

Так и есть. Трое молодцев, развалившись кто на диване, кто в кресле, а один ворошил угли в камине длинной чугунной кочергой, попивали какое-то пойло из бокалов и лениво обменивались впечатлениями.

— А боярин крут — собственными руками этого, артиста.

— Да уж, хотел бортануть, да не вышло.

— И чё теперь?

— Да ничё. Боярину видней. Как скажет, так и будет.

Мысли Клары лихорадочно металась в поисках дальнейших шагов, но на ум приходила какая-то ерунда, вроде приманить всех птиц в округе, чтобы загадили крышу и окна, отравить своим ядом все жасминовые кусты и липы. Обрывками всплывали строчки бабушкиных заклинаний: вызвать газы в животе или вспучить геморрой. Но всё это не то! В отчаяние она кусала губы, но что делать дальше, не могла придумать.

— Так тихо в городе, — прошептал слесарь, стоящий за спиной надёжной глыбой. — Будто все спят, кроме этих.

«Точно! — взвилась спасительная мысль. — Усыпить их к чёртовой матери! Всех в доме, до последней мухи!»

Клара, довольная собой, обдумала план заклинания. Необходимо предусмотреть всё

нюансы — она, как учили в выпускных классах, взяла в оборот своего внимания всё окружающее пространство — очищенное после грозы звёздное небо, серебристый рог месяца, озоновый воздух, наполненный влажным цветочным ароматом, мокрый асфальт и прибитую дождём пыль. Громада двухэтажного дома никак не хотела уместиться в поле воздействия, и она потребовала от слесаря войти в дом.

Также тихо щёлкнул замок. Прежде, чем открыть дверь, слесарь впрыснул на петли вонючего масла, запах которого немного сбил Клару с мысли.

Бесшумно возникла перед ними чёрная пустота проема, бесшумно вступили они в темный холл. Со стороны гостиной, за которой они только что подглядывали, раздавались приглушенные голоса. Гоша была где-то наверху, и ей угрожала опасность. Теперь Клара чувствовала границы дома и была готова. Могуто-камень пульсировал в руке, оставляя стойкое ощущение, что это теперь профессорское сердце.

— Держитесь ближе, Иннокентий, — шепнула она.

Слесарь придвинулся и тихо ответил:

— Для вас — просто Кеша.

Клара без сомнений вышла за пределы дозволенной магии, но здесь об этом даже не думалось. От силы могуто-камня ее распирало так, как никогда прежде. Она чувствовала, что ее собственные границы расширяются, будто профессор изменил свойства могуто-камня и перенастроил его. А может, перенастроил её, Клару?

Своим осязанием она вышла за границы холла, проникла в смежные помещения, охватила второй этаж. Она пропитывалась роскошной и холодной атмосферой — нет жизни в этом пышущем деньгами доме, мечты здесь оседают тяжёлым чёрным туманом, не плещется радость, а счастье никогда сюда не заглядывало. Мрак и смертная тоска. Хуже, чем в могиле Кравцова.

«Хватит! Больше не могу!» — она махнула рукой с зажатым в ней могуто-камнем. В воздухе огненным росчерком повисла формула из букв.

— Сомнус![1] — отчётливо и громко произнесла она, вкладывая в это слово накопленный за жизнь протест против всего, что олицетворял Шляйфмен.

— Сомнус! — надежда и жажда изменений.

— Сомнус! — твёрдо запечатала она накладываемую магию и прислушалась.

Приглушённые голоса в гостиной стихли.

— Какая вы жаркая, фройлян, — прошептал слесарь отодвигаясь. — Я аж вспотел.

— Это защитное поле, Кеша. Старайтесь не покидать его.

Они поднялись на второй этаж.

Найти Гошу не составило труда. Они находились в спальне, из приоткрытой двери коридор освещала полоска света.

Заклятие сна застало Шляйфмена у одной из картин, которую он снял с гвоздя, да так и заснул в обнимку с ней, усевшись на пол и опустив голову на позолоченную раму.

Гоша сидела в кресле, уронив голову на грудь. Под сводами высокого потолка с лепниной разливался руладами её храп. Клара с облегчением выдохнула: «Ах, как хорошо она храпит!»

— Фройлян, можно я... воздам... этому... — услышала она хриплый от гнева голос Иннокентия.

Клара открыла крышку на карманных часах.

«Семнадцать минут!» — тут же пророкотали они тихонько профессорским баском.

— Сейф важней, Кеша. Займитесь им. А этого... Оставьте нам с Гошей.

Она подошла к подруге, погладила по волосам, взяла её руку обеими ладонями. На среднем пальце Гоши она увидела кольцо с огромным камнем сапфира, которого раньше не было.

— Сургит![2] — тихо произнесла она.

Гоша перестала храпеть, сжала её пальцы и открыла глаза. Сонно улыбнулась, зевнула, потянулась, хрустнув суставами и оглянулась.

— Подумала, что мне всё приснилось.

— Он не... не причинил тебе вреда?

— Он?! Нет. С чего вдруг?

— Профессор, — голос Клары дрогнул. — Это он... он убил его.

Гоша помрачнела.

— «Мне надо отлучиться по одному дельцу, крошка», — передразнила она Шляйфмена. — Так вот куда ты «отлучался»!.. Впрочем, я за это время осмотрела весь дом. Если книга и здесь, то она может быть только в сейфе. Вы, кстати, рановато. Он, как видишь, сам уже его открывал. Пара минут и не пришлось бы мучаться с замком.

— Ничего, фройлян. Я повидал разные замки на своём веку. Этот не самый сложный.

Клара увидела, как Гоша задорно ей подмигнула.

— А какой для вас сложный, Кеша? — ей впервые пришла в голову мысль, что этот человек, такой надёжный и сильный, может быть совсем не тем, кем кажется. Иначе с чего бы он умел вскрывать замки?

— Там, где есть магия, фройлян. Тогда приходится брать с собой того, кто умеет с ней управляться. Вот как вы, например. На такое не каждый отважится, так что моё вам почтение.

Клару покорило. За кого он вообще её принимает? Раздался металлический щелчок. Слесарь открыл дверцу и присвистнул.

— Сокровищница!

Груда самоцветных камней без огранки размером с куриное яйцо.

— Это же могуто-камни! — восхищенно воскликнула Клара. — Да так много! На черном рынке они будут стоить столько, что нам можно больше не думать о таюнах всю оставшуюся жизнь.

— А вот и книга! — Гоша с видом победителя вытащила знакомую уже Кларе по обложке «Философию», пахнущую свежей типографской краской, и удовлетворённо вздохнула. Глаза ее светились, и Клара вдруг подумала, что впервые в жизни видит Гошу по-настоящему счастливой. Наверное, все стоило того.

— Восемь минут до старта! — проговорили часы.

— Берём всё! — решительно сказала она. — Только быстрее.

— Что это? Часы?

— Да. — Клара протянула было часы Гоше, но передумала давать их в руки и просто показала.

Профессор отдал их ей, они до сих пор хранили его тепло. Это была как бы частичка его самого, память. И несмотря на то, что Кравцов для Гоши был кумиром и чуть ли не Богом, ей, Кларе, он тоже стал дорог, ещё и потому, что когда-то был дорог бабушке. Она зажала часы в кулаке и сказала:

— Не могу их тебе дать. Восемь минут закончатся, и они должны быть в моих руках,

чтобы мы могли вернуться. Могу только показать.

Часы закачались маятником на цепочке перед глазами Гоши.

— А что с этим? — спросил слесарь и потёр кулаки. Может, я его того? Не будет этой параша на свете, глядишь, и ...

Гоша покачала головой.

— Нет, Иннокентий. Нельзя.

Несколько секунд она смотрела на часы, и вдруг глаза её сверкнули, а челюсть чуть двинулась вперёд. Этот жест Клара знала хорошо — новая идея в голове сумасбродной подруги.

Она подвинула руку Клара с часами так, чтобы циферблат оказался перед носом Шляйфмена.

— Можешь немного разбудить его?

Клара пожала плечами:

— В поле моей защиты, сила заклятья меньше. Он сейчас спит, но думаю, если потрясти хорошенько...

Гоша хлопнула Шляйфмена по щекам. Он зачмокал губами, пожевал язык и слегка приоткрыл сонные глаза.

— Смотри на часы и слушай мой голос, — произнесла Гоша так мрачно, что Клара едва сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху. Гоша запустила часы маятником, и они закачались на цепочке.

Глаза Шляйфмена поймали их в фокус и в такт заходили туда-сюда.

— Повторяй за мной. Я, Пьетро Шляйфмен..

— Я, Пьетро Шляйфмен, — повторил он невнятно.

— С момента как увижу кольцо, подаренное Наташе Гергиевой в знак вечной любви к ней...

— Что?! — вскричала Клара.

Слесарь поперхнулся и закашлялся.

Но Гоша гневно вскинула руку в знак молчания.

— С момента как увижу кольцо, подаренное Наташе Георгиевой в знак вечной любви к ней...

— Ни медля ни минуты подам в отставку...

Шляйфмен побледнел, попытался вырвать взгляд из плена качающихся часов. Но Клара, разгадав задумку Гоши, не дала ему это сделать — сделала так, что маятник в её руке закачался ритмичней. Она добавила чуток магии притяжения и ослабления воли, и взгляд Шляйфмена приклеился к часам намертво.

— Ни медля ни минуты подам в отставку... — обречённо повторил он хриплым шёпотом.

— Признаюсь во всех преступлениях, которые совершил до вступления в должность председателя правительства и после...

— Признаюсь во всех преступлениях... которые совершил до вступления в должность председателя правительства... и после, — послушно повторил он, хотя рожа его кривилась.

— Гоша, скажи ему, чтобы он прежде всего разогнал Жилкоммаг, — воодушевлённо прошептала Клара, но Гоша отмахнулась, и Клара закусил губу от обиды: «Вот всегда так!»

— Расскажу о подельниках и лицах, которые принимали участие и помогали мне совершать преступления, — твёрдо продолжала Гоша.

Черты лица Шляйфмена исказил страх. Не выпуская из фокуса маятник, он помотал головой.

— Повторяй! — прикрикнула Гоша.

— Расскажу... о подельниках и лицах... которые принимали участие и помогали мне совершать преступления.

— Понесу наказание, назначенное мне судом, и не посмею уклониться от него.

— Умоляю... — прошептал Шляйфмен. — Понесу наказание... назначенное мне судом за преступления и не посмею уклониться от него...

Шляйфмен больше не пытался избавиться от маятника. Жалобно он смотрел на качающиеся часы, ища в них сострадания и помилования. Но Гоша была беспощадна.

— Всё имущество, нажитое нечестным путём, я потрачу на восстановление допущенной мной несправедливости. Отныне и навсегда посвящу свою жизнь на благо общества... — Гоша на миг запнулась.

— Заклинателей говна очень не хватает, фройляйн, — тихо подсказал слесарь. Она благодарно посмотрела на него и добавила:

— Отныне и навсегда посвящу свою жизнь на благо общества на службе ассенизатора.

Шляйфмен заплакал. Всхлипывая, он выдал собственный приговор.

«Иннокентия она послушала! А меня нет! — Клара почувствовала, как во рту появляется горечь. — А ведь я так здорово всё придумала!».

— Время! — сказали часы и вспыхнули ярким светом.

Клара опомнилась — «Что это я в самом деле!». Надо закрепить совершённую только что магию. Всё закрутилось перед глазами и внезапно она поняла, чего ей не хватало в лице Шляйфмена, чтобы узнать его.

— Да будет так! — запечатала она Гошино первое в жизни какое-никакое заклинание и плюнула в лицо мерзавца, именно в то место, где у него в настоящей жизни была рябая рожа. Со жгучим удовлетворением она смотрела, как яд разъедает кожу и Шляйфмен корчится и кричит, боясь прикоснуться руками к опалённому лицу.

Часы в её руке стали увеличиваться. Скоро уже она не могла их держать и поставила на пол.

Но в тот же миг могуто-камень погас и начал стремительно остывать. Часы тянули из нее силы. Им нужна была такая мощь, которую Клара оказалась не способна дать им. Ее мысленному взору открылся сосуд, который необходимо было заполнить бурлящей золотой энергией ахно-волн. Клара видела свои запасы и понимала, что их катастрофически не хватает. Был ли причиной этому профессор Кравцов, который истощил запас могуто-камня, или ее собственное, вышедшее за границы колдовство, уже не важно. Важно теперь стало то, что времени до возврата оставались считанные минуты, а магический заряд вышел в ноль. И теперь только время могло их спасти, время на зарядку могуто-камня.

«Помните! — внезапно вспомнила Клара нить, которую кинул профессор перед перемещением. — Помните, что время ваш друг и союзник, если знать, как с ним обращаться».

Время! Ей нужно время! Клара смотрела на секундную стрелку часов, неумолимс приближающуюся к моменту невозврата. Если сила могуто-камня не хватит — а ее не хватит, — то они застрянут здесь навсегда! Как остановить время? Как?!

Гоша, наблюдающая за секундной стрелкой с неменьшим напряжением, чем Клара, внезапно сказала:

— А когда-то мы думали, что им можно управлять, помнишь?

Управлять... Управлять!

Клара лихорадочно надавила пальцем на крошечную кнопку, и стекло, защищающее циферблат, издав короткий мелодичный звук, медленно открылось. Три стрелки, неумолимо движущиеся вперед, стали теперь доступны!

Сколько надо ей времени, чтобы наполнить сосуд? Час, два, три? Ахно-энергия, ей нужна магия, как можно больше! Три, наверное, достаточно! Дольше оставаться опасно. Она не знала почему, но чувствовала.

Клара перевела стрелки на три часа назад и захлопнула крышку.

Мир завертелся.

Она едва успела схватить Гошу за руку, а слесаря они поймали вместе, несясь куда-то в туманную мглу. Ну как поймали. Иннокентий выплыл из марева, а они вцепились в него, конечно, уже намертво.

Их тела переплелись в затягивающем вихре, как переплетается узор калейдоскопа. И когда Клара потеряла над происходящим контроль, что-то вспыхнуло, и их разметало в разные стороны.

[1] Somnus (лат.) — Спать.

[2] Surgit (лат.) — Проснись

Глава 18. Вскрытие тайного

Уже второй час Войцех изнывал в кабинете Павлыча от вынужденного бездействия. Ему хотелось куда-то бежать и что-то делать. Беспокойство за своих протеже разошлось в навязчивую паранойю — казалось, не будь его на месте — с ними, с Гошей, поступят по-скотски, причинят вред. Он не мог допустить, чтобы кто-то другой провел допросы. Эти дуралеи обязательно упустят самое важное — мотив. Гоша вынуждена была пойти на преступления, и Клара тоже. Так устроена система, и система должна... непременно должна! учесть собственное несовершенство и не наказывать их по всей строгости.

Вдруг, белый шар на столе Павлыча, который Войцех принял за настольный светильник, ожил, засветился голубым, прокашлялся и произнес неизвестным голосом:

— Ну что, Медведев, есть новости?

Павлыч поморщился и кинул быстрый взгляд на Войцеха, прижал палец к губам, призывая соблюдать тишину. А сам ответил:

— Нет, товарищ комиссар. Жду.

“Комиссар? — удивился Войцех. — Он сказал “комиссар”?!” Комиссарами могли называть только одних людей на этом свете — службу собственной безопасности при Совете Объединенного государства.

— Медведев, ты уверен, что нужно ждать?

— Уверен, — твердо сказал Павлыч. — Пока мой агент не выйдет на связь, начинать операцию преждевременно. Кроме того, с ним гражданские.

— А чем твой агент может помочь или помешать? Он там, а мы здесь. У нас все готово.

— Они в прошлом, Чистяков! Черт знает, что они там могут натворить! И как это отзеркалит здесь, — раздраженно ответил Медведев, и Войцех внезапно увидел, а скорее почувствовал, в каком напряжении сейчас Павлыч. — Успеешь еще звездочки заработать.

Шар помолчал, но Войцех слышал, что Чистяков на том конце все еще на связи. Такого способа общения не было даже у его шефа. Это что — голодное око-переросток? Генетически выведенный гибрид-мутант? И о чем это они?

— Хочешь сорвать операцию? — зло, сквозь зубы произнес Чистяков. — Столько лет работы и... коту под хвост?

— До начала еще пять часов... Успокойся, Андрей. Как только поступят новые данные, я свяжусь с тобой.

Шар погас. Войцех так и не понял — то ли Чистяков на том конце отключился, то ли Павлыч сам прервал разговор.

Павлыч в задумчивости барабанил пальцами по столу. А в это время фамилия Чистяков вертелась в голове Войцеха волчком, вот-вот готовая выпрыгнуть, как черт из табакерки, кем-то узнаваемым.

Внезапно, шар покраснел и стал мяться, будто резиновый. Послышался треск и сквозь него обрывки слов, которые Войцех поначалу не мог разобрать.

«... лять... чайка... чайка... яконький... здарность», — и вдруг совершенно отчетливо: «Шляйфмен»

Войцех напрягся. Председатель правительства? Он взглянул на Павлыча. Тот сосредоточено писал, прислушиваясь к треску.

«... фессор... трое... глушак... здец... буждения... помойная... паяльнич... вдушумать»

Брови у Павлыча ходили ходуном, он писал так, что перо изгибалось.

— Это что — шифровка? — спросил Войцех.

Но Павлыч кинул на него грозных взгляд и тихо сказал: «Помолчи!»

Войцех почувствовал, как руки и ноги наливаются свинцом. Он попытался ими пошевелить, но не смог. Но страшней всего — язык. Он быстро распухал во рту так, что спустя несколько секунд, Войцех не мог не то, что говорить или мычать, но трудно было даже дышать. Он закрыл глаза и замер от страха, и вскоре почувствовал, что если сидеть и не шевелиться, то нигде ничего не болит. «Это Павлыч меня так? — думал он. — Но как? Что это? Колдовство?» А потом вспомнил непроницаемое лицо Верочки и чашку кофе. Объяснив свое состояние коварством секретарши, он вернулся к прослушиванию треска и обрывков слов.

«... гипноз... Гоша... обесточен... стартуем...»

Воцарилась тишина. Войцех открыл глаза. Некоторое время Павлыч еще смотрел на шар, но тот снова стал похож на светильник и молчал.

Павлыч ласково провел по нему рукой, и он засветился голубым.

— Они нарыли что-то на фигуранта. Операцию придется отменить... пока. Дождемся, когда они вернуться. Но там проблема.

— Какая еще проблема, Медведев? — недовольно спросил Чистяков.

— Они на одном могуто-камне, который разряжен. Нет энергии на возвращение. А этот... профессор... привязался ко времени. В-общем, могут возникнуть осложнения.

— У тебя там еще и профессор? Медведев, ты спятил — науку приплетать! Ты представляешь, что будет, если хоть один ахно-бит информации просочится в научные круги? Нас порвут!

Медведев неслышно выругался.

— Профессор не помеха. Он... местный. Из того времени.

— Медведев, ты по лезвию ножа ходишь. Молись, чтобы не споткнуться... Сообщи, когда будут новости.

Шар снова замер и стал светильником. Павлыч откинулся на спинку кресла и залпом допил кофе. Долго, Войцеху казалось, что бесконечно, он сидел и думал, пуская в потолок клубы дыма. А Войцех тоже думал, обо всем и сразу: какие осложнения могут возникнуть при прыжке из прошлого в настоящее, кто фигурант, причем тут Шляйфмен, и раз других фамилий не прозвучало, то фигурант — это Шляйфмен? Председатель правительства? Бессменный и неприкосновенный лидер Объединенного государства в разработке у службы собственной безопасности? Разве это возможно? А, может, это все не то, чем кажется? А на самом деле здесь и сейчас, на глазах у Войцеха, происходит правительственный заговор? А Павлыч — заговорщик, преступник?

От этой мысли у Войцеха пошла голова кругом. Очень хотелось задать все эти вопросы, но он боялся пошевелиться, а во рту был невероятных размеров язык. Он все же попытался привлечь к себе внимание, издав звук, напоминающий: “Му-у-ум”

Павлыч посмотрел на него и спохватился:

— А, это ты... Извини, Войцех. Немного заработался...

Он достал из ящика стола маленький пузырек, и подойдя к Войцеху, сунул его ему под нос:

— Вот, вдохни поглубже. Должно помочь.

Войцех, хоть и опасался, все же вдохнул и сразу почувствовал облегчение. Язык

перестало распирает изнутри, и он немного опал. Пальцы обрели чувствительность.

— Это займет немного времени... Не говори больше под руку, когда я работаю. Вреда от этого заклятия нет, как и последствий. Через час и вовсе забудешь это недоразумение.

Он вернулся в кресло и сцепив пальцы перед собой, посмотрел на Войцеха, и после нескольких мгновений раздумий спросил:

— Что ты знаешь о прыжках во времени и пространстве?

Войцех помотал головой, морщась от боли. В Полицмагии такое преподавали только офицерскому составу, до которого еще дослужиться надо. И только сейчас он подумал, что на самом деле, его должны отстранить от этого дела, и вызвать специалиста соответствующей квалификации. Может, уже и отстранили. Может и вызвали. И снова на ум пришла мысль, что впервые с тех пор, как он полицмаг, дело уплывает из рук, и он совершенно не способен его контролировать.

— Понятно, — сказал Павлыч. — Тогда проведу тебе небольшой ликбез. Небольшой, потому что теорию когда-нибудь ты узнаешь сам. Я расскажу лишь кое-что о практике, для понимания. Есть несколько известных способов перемещения во времени. Но все они упираются в две проблемы: влекут разрушение организма и требуют большой запас ахно-энергии. Нужно было погибнуть не одной тысяче человек, а государству разгрести не одну тонну последствий, возникших после таких прыжков, чтобы правительство, наконец, осознало, насколько опасны игры со временем. Все эксперименты запретили, даже научным институтам, под страхом... там отдельный кодекс за нарушения, от штрафов до пожизненного.

Разные способы отличаются один от другого лишь решением этих двух проблем. Но по своему опыту скажу — те, что применяют наши службы, самые топорные.

— А ы офэ ы-али?

— Да, было дело. И врагу не пожелаю испытать на своей шкуре прыжки по службе... Мда... Так вот, у твоей группы там, в прошлом, произошла разрядка могуто-камня. То есть возникла ключевая проблема.

— Кла-а мо-уто-амень п-офесо-у о-да-а, — подвижность языку возвращалась медленней, чем рукам и ногам, которыми Войцех уже всю двигал, в мышцах еще бродила остаточная ломота, но в целом он почти восстановился. Однако, он засиделся здесь, пора бы и честь знать. Шефу будет очень интересно послушать о том, что на самом деле представляет из себя начальник полиции бурлаков Семён Павлыч Медведев, ахноген вообще-то.

— М-м-м, вот в чем дело. Могуто-камень Клариссы у профессора, — протянул Павлыч. Тогда это многое объясняет... Видишь ли, некромантия — это такое занятие, о котором вам тоже скорей всего давали лишь обзорную лекцию, — Войцех закивал, а сам попытался оценить пути к отступлению: за дверью сплошная Верочка с охалкой сюрпризов вроде кофе, за окном третий этаж, достаточно высоко. — Восстановленные, или если угодно, восставшие из мертвых, — продолжал Павлыч, наблюдая за Войцехом, — генерируют свою, особую энергию, которая, смешиваясь с ахно-энергией дает любопытные результаты. Но пока это малоизучено, к сожалению. Специалистов на весь мир единицы... Вообще, этот твой профессор, чтоб ты знал, когда-то организовал некое общество, братство или что-то вроде того, в которое входили и ученые, и не очень, люди. Они отрабатывали на практике всякие невероятные вещи, в том числе и некромантию. Тогда запретов на это еще не было... Погоди-ка... Как, ты говоришь, фамилия у старухи?

— Ай-ен-бах.

— Райхенбах — Райхенбах, — он написал что-то на доске, и через секунду, когда в ответ на его надпись высветилась другая, воскликнул: — Ага! Она была в этом братстве. Правда ей тогда было около двадцати, но... Хм, — он побарабанил пальцами по столу, — Это кое-что объясняет.

— Фо? — Войцех нащупал в кармане ахно-шокер — единственное оружие, которое у него осталось после последних суток. И он решил уходить через дверь, применив, если что, к Верочке свое последнее средство убеждения.

— Откуда наша теплая компания знала, какую могилу надо копать, вот что. Тело Кравцова, как я уже говорил, выкрали и похоронили. Но никто не знал где... Ну да ладно. Сейчас это все имеет не первостепенное значение. Важнее другое — куда их закинуло, и смогут ли они вернуться назад. Им может потребоваться помощь.

— А фы мофете им помофь? — о том, что Гоше нужна помощь, он подумал только сейчас, когда Павлыч сказал, и вдруг все, что он наговорил только что, стало доходить до сознания Войцеха.

— А это в большей степени зависит от тебя, Войцех. Я же вижу, что ты думаешь, как побыстрее отсюда удрать. Можешь уйти, если считаешь, что это правильно. Я не буду препятствовать. Можешь сообщить кому следует, ты достаточно много услышал сегодня. Но прежде, я прошу тебя выслушать меня.

«Он что — и мысли читает?»

На самом деле после всего, что он сегодня узнал о Павлыче, то не удивился бы и этому.

— Открытие ахно-энергии свалилось на мир как снег на голову. Предыдущее правительство медленно соображало, как не допустить социальной напряженности. Ясно ведь было, что мир поделится на два очага, которые рано или поздно вступят в конфликт. И надо сказать, что они честно старались и действительно думали обо всех. Шляйфмен же пообещал людям то, чего они хотели: ахногенам — праздность, а бурлакам — жизненное обеспечение. И люди проголосовали за него большинством. Нельзя сказать, что он не выполнил взятых обязательств, во всяком случае в этой части. Но чем обернулось его председательство для экономики стран? Не буду пересказывать тебе историю. За развал промышленности в Объединенном государстве и за разделение общества на две, можно сказать расы, Шляйфмен заслужил не одно пожизненное.

— Если все так плохо, почему он постоянно переизбирается на новый срок? — наконец-то речь вернулась к Войцеху, и он мог говорить, как раньше.

— Это отдельная и долгая история. Например, знаешь ли ты, что в предыдущем правительстве, как ни странно, две трети состава оказались бурлаками?

Войцех помотал головой — в истории подробно изучались достижения текущего правительства. Что касается предшествующего, то там и проблемы были другие — катаклизмы, перераселение и объединение государств, оно застало эру ахно-энергии в самом начале, буквально несколько лет, где уж там до персоналий... А потом у руля встал Шляйфмен.

— Как думаешь — почему? — спросил Павлыч.

— Потому что много было русских в правительстве?

— Верно. Русские за тот небольшой период, что отработало первое правительство Объединенного государства, стало стержнем и задавало курс. И курс этот со временем учел бы интересы всех сторон: и ахногенов, и бурлаков, и промышленников, и торговцев, и

коммунальщики, и строителей, сумел бы балансировать, понимаешь? Но шайка Шляйфмена за каких-то пять-семь лет практически выдавила русских бурлаков из правительства, на всех ключевых постах сидят его люди. И в результате мы имеем то, что имеем. Будет время и желание я введу тебя в курс некоторых дел, которые мы смогли расследовать, где улики против его прихлебателей неопровержимы. Но сам он, черт! Очень осторожен! Всегда действует чужими руками. Часто эти руки даже и не подозревают, чьим орудием являются. Не представляешь какого труда стоило нам изменить статус-кво. Чтобы посадить в правительстве своих людей — ушли годы.

Войцех не верил. Просто не мог поверить. Не хотел. За последние три дня его мир рухнул. Все, во что он знал, к чему стремился, все в одночасье обесценилось и превратилось в одно сплошное вранье. Он закрыл ладонями глаза, а потом сжал руками голову в попытках удержать разрушение. А что он? Какая его роль во всем этом хаосе? Он-то всегда хотел стоять на страже Закона, нести верную службу и ловить преступников. А как теперь судить Клариссу и Гошу? Нарушение Закона есть, но, если по справедливости, то судить их нельзя.

— И что, — спросил он, — служба внутренней безопасности подготовила государственный переворот? С вашим участием?

— Ты сделал почти верные выводы, — кивнул Павлыч. — У нас достаточно материала, чтобы выдвинуть вотум недоверия. И на предстоящем заседании, которое начнется через три с половиной часа, правда планомерно будет раскрываться перед членами правительства, с предъявлением доказательств. Прямых немного, но достаточно, чтобы пошатнуть его. Как видишь, все в рамках закона, без насилия.

— Но тогда, действительно, зачем ждать?

— Затем, что если мой агент и твои дамы нашли что-то еще, что могло бы помочь, то надо это использовать. У нас масса косвенных улик, и почти нет прямых. И те, при умелых адвокатах можно обыграть. Тогда Шляйфмену удастся избежать наказания, а может и остаться при власти. Это умный и хитрый противник.

— А что в таком случае зависит от меня? Вы сказали, что большей мере зависит от меня, сможете ли вы им помочь.

— Кто-то из них сварил зелье — средство для перемещения. Может, профессор, может старуха каким-то образом, а может — совместный продукт. Не важно. И привязал его ко времени. Не могу сказать, насколько это правильно — надо знать, что за зелье. Но привязка всегда тащит за собой осложнения. Пока все идет хорошо, то нет и проблем. Но как только выпадает какой-то элемент, в данном случае — обесточивание могоуто-камня, вся цепочка рушится. Действие зелья конечно, и чем дольше они остаются там после того, как привязанное время вышло, тем больше вероятность, что они застрянут в прошлом, или где-то в межвременье.

— И что делать?

— Спасать. Что же еще.

Глава 19. Отто Рудольфович Кауфман

Кто-то бормотал себе под нос, но Клара не могла разобрать слов. Она прислушалась, не открывая глаз, и принялась. Резко пахло какими-то техническими запахами, как от Иннокентия, только сильнее. Где это они? Она открыла глаза.

Гоша и Иннокентий сидели в креслах с засаленной обивкой и будто бы спали. Себя она тоже обнаружила в кресле, которое стояло на возвышении и напоминало трон.

Она поискала глазами того, кто бормотал. Это был молодой человек, невысокого роста, худощавый и довольно сутулый. Давно нестриженные волосы торчали неопрятными сальными вихрами, а лицо покрывала рыжеватая худосочная бороденка. Поверх несвежей рубашки и брюк, которые были ему велики размера на два и стянуты ремнем, он надел клеенчатый фартук, замызганный грязью. Весь он был какой-то невзрачный, как постаревшая моль. Шепча себе под нос, иногда резко произнося слова вслух, он бегал от одного металлического шкафа к другому, что-то подкручивал и настраивал. Клара снова прислушалась и уловила: “остаточное... я им докажу... узнают еще... ахногены они... я покажу вам настоящего ахногена”.

Металлические шкафы с облупившейся синей краской, а где-то уже ржавые, с множеством маленьких круглых отверстий лишь отдаленно напоминали мебель, с моргающими лампочками, с кнопками и рычажками, с маленькими круглыми окошками и циферблатами, в которых истерично, под стать молодому человеку, дергались стрелки. Клара впервые видела нечто подобное. Этими шкафами было заставлено почти все помещение, в котором они оказались — длинный ангар, с бетонными стенами, теряющимися в сумеречном свете, которое давали узкие окна под высоким потолком. “Похоже на один из цехов, которые мы с Гошей взламывали” — подумала Клара. И лишь одна лампочка скупо освещала место, в котором они сидели.

«Мы вернулись или нет?»

Клара попыталась встать, но обнаружила, что ее руки и ноги пристегнуты к креслу мягкими и прочными ремешками, и тогда страх запоздало пробрался под сердце и куда-то в горло. Ей пришлось прокашляться, чтобы голос звучал естественно. Молодой человек подскочил и развернулся к ней лицом.

— Э... Простите! — сказала она. — А могу я узнать, куда и как мы сюда попали?

— О... Фрау...

— Кларисса фон Райхенбах, — представилась она. — А вас?

— Отто Кауфман, к вашим услугам, — ответил он и церемонно наклонил голову в качестве приветствия.

“Кауфман? Опять?!.. Впрочем, он любезен, — подумала Клара, — может, не все так плохо. Судя по его возрасту, мы по-прежнему в прошлом. Только вот в чем теперь? И какой год?».

— Так, и где же мы, герр Кауфман? — Клара на всякий случай хлопнула ресницами и мило улыбнулась.

— О! Вы изволили появиться здесь, в моей берлоге, неожиданно для меня самого, — он развел руками. — А это, — он кивнул на руки Клары, — для вашей же безопасности, потому что спали вы достаточно спокойно. Однако под ремешками Клара ощущала легкое покалывание на коже, и это ей не нравилось. Во всем теле она чувствовала слабость, совсем

как после терминала.

Он подошел к ней и отстегнул ремешки, и она едва сдержалась, чтобы не поморщиться — от Кауфмана пахло немытым телом и потом. “Берлога, берлога” — повторяла она знакомое слово. Ей казалось, что она где-то слышала его, буквально недавно. Она встала и подошла к Гоше.

— Они спят?

— Вряд ли это сон, фрау. Это я так сказал, чтобы проще было... Скорее забытие. Пульс учащенный, но на воздействие реакции нет.

“Воздействие? Что еще за воздействие?” — Клара беспокоилась все сильнее.

Руки Гоши, действительно, то и дело подергивались, как и ноги, а зрачки под закрытыми веками ходили ходуном. Клара слегка потрясла ее, но безрезультатно.

— Э-э... А долго?.. — спросила она.

Кауфман пожал плечами. Он вернулся к длинному металлическому столу, заставленному такими механизмами, которые Клара, будь у нее сто пядей во лбу, и тогда бы не придумала, и сосредоточился на какой-то железяке в руках, похожей на небольшой обруч, с торчащими из него проводками. Он тыкал в нее предметом, похожим на обычную шариковую ручку, удовлетворенно кивал и что-то шептал под нос.

Оставалось ждать. Покосившись на Кауфмана, она отстегнула ремешки на руках и ногах Гоши и Иннокентия. Он тут же дернулся и зыркнул на нее из-под нахмуренных бровей. Но ничего не сказал.

Оглядываясь и рассматривая место, в котором они очутились, Клара обернулась и посмотрела на кресло, где только что сидела, — опутанное проводами и обставленное маленькими пузатыми телевизорами за спинкой — и сразу вспомнила, откуда слышала это слово — «берлога». Лёначка называл так свою гримерную. «Каждый раз, садясь в это чудовищное кресло, я боюсь потерять голос навсегда» — сказал он, и Клара содрогнулась от мысли, что она только что там сидела. Этот Кауфман опыты здесь проводит? Она лихорадочно ощупала себя и обнаружила пропажу могуто-камня и часов.

— А... — она осмотрелась в поисках своих вещей.

— Ах, не беспокойтесь, фрау, — поспешил ответить Кауфман, — все ваши вещи здесь. Их раскидало по всему складу, я собрал и сложил. Он указал на один из захламленных столов, где действительно лежали могуто-камень, часы, книга и мешок с камнями из сейфа негодяя Шляйфмена.

— Ох, спасибо, — ответила она, награждая Кауфмана обворожительной улыбкой, отчего он слегка порозовел. — Это очень мило. А интересно, как это произошло? Вы в момент нашего... э-э-э... появления, были здесь?

— Да, фрау. Просто разорвалось что-то в воздухе, все заполнилось паром и дымом, и когда я пришел в себя и туман рассеялся, то увидел вас. Я, признаться, думал, что сам что-то нахимичил, — он истерично хихикнул. — У меня всякое, знаете ли, бывает. Но так чтобы ко мне свалились живые люди — такого, конечно, не было. Вот я и подумал, что...

— А позвольте спросить, над чем вы работаете? Это так интересно, — она стрельнула глазами, подходя к столу с вещами, и убеждаясь, что все на месте, а часы по-прежнему идут. До конца завода оставалось два часа и пятьдесят семь минут. Всего три минуты прошло?

— Я изучаю ахно-волны, фрау, — скромно потупившись ответил он. — А еще остаточное электричество.

— О, как интересно! Я много думала о нем — гуляет по проводам... — повторила она

его слова, услышанные когда-то, кажется, в прошлой жизни. В его взгляде появился экзальтированный блеск, и она поспешила сменить тему. — А ахно-волны? Это так модно! Что вы с ними делаете? Опыты ставите? На людях?

Взгляд Кауфмана стал настороженным и злым, он отвел глаза и дернул головой. «Значит, ставит. Да и Лёничка подтвердит, если что».

— Вот, например, ваш могуто-камень, фрау, — Кауфман подошел к ней, возбужденно жестикулируя железкой. С опаской Клара отступила на шаг, чтобы ее не задело, и разглядела при этом три отдельных шипа на обруче и правда похожих на пальцы, острых и довольно опасных. — Это мощнейший аккумулятор для ахно-волн, встреченный мной до сих пор. Пока вы спали, я измерил его объем, и результаты меня удивили. Пока что я только составляю таблицу по емкости могуто-камней, вот, пожалуйста, посмотрите.

Он подошел к ней и раскрыл гроссбух, где Клара увидела от руки выписанные названия камней с цифрой напротив каждого: лунный камень, опал, изумруд, алмаз, рубин, сапфир, александрит, гранат и топаз.

— Видите — изумруд имеет объем двадцать три единицы, а ваш, извольте, показал сто пятьдесят шесть. Как такое возможно?

Клара усмехнулась — то, что камни живые и их объем меняется от частоты использования, знал каждый. Но видимо сейчас эти знания пока еще не были известны. А может, этот Кауфман и придет к такому выводу в результате своих опытов? Но Гоша запретила вмешиваться в историю. Клара пожалала плечами.

— Право, герр Кауфман, это слишком сложный вопрос. Может, у вас аппаратура шалит, и показывает погоду? Бывает же такое?

— Но я три раза перепроверил. И показания одни и те же.

— А может, это не изумруд вовсе? А какой-нибудь, неизвестный камень, внешне похожий на изумруд? — она взяла могуто-камень и со смятением ощутила, что энергии в нем нет совсем. И себя она чувствовала так же, как этот камень — совершенно пустой. Его надо зарядить во чтобы то ни стало, иначе они не смогут вернуться, и она сжала его в руке покрепче.

— Полагаю, дело в другом, фрау.

Только сейчас, когда он стоял близко, она заметила, что лицо его время от времени перекашивает судорога, а глаза бегают с предмета на предмет. Он положил железку и теперь увлеченно крутил в руках проводок, рассматривая его на свет лампы то одним концом, то другим. Он постоянно дергал головой и бросал короткие тревожные взгляды то на шкафы, то на столы, то на поперечные окна под потолком, то в темноту ангара, будто чего-то ждал или боялся. Это его беспокойство и суета передалась и Кларе, и она некоторое время пыталась уследить за его взглядом, рассмотреть, что он там видел. Но не успевала, и от этого в ее душе все сильнее нарастала тревога. Наконец, она поняла, что от непрерывного мельтешения веет скрытым безумием, а не настоящей опасностью, и Клара вспомнила, как бабушка назвала Кауфмана «полоумным».

— В чем же? — спросила она, хотя ей совсем расхотелось с ним разговаривать, а наоборот, возникло желание поскорей убраться из этого места. Когда же проснутся Гоша и Кеша?

— Дело в вас. Вы простите меня фрау?

— За что же? — у нее сжалось сердце от плохого предчувствия.

— Я провел кое-какие исследования без вашего на то разрешения, исключительно

профессиональный интерес, ничего такого, не подумайте... И выяснил, если позволите, что ахно-энергия в вас основательная, вы не просто ее носитель, ахноген, если, конечно, правительство примет такую терминологию, но носитель, как бы это сказать... со стажем... с многолетним опытом.

Клара всеми фибрами ощущала напряжение Кауфмана, как у пружины, которую долго сжимают. Она наклонилась к нему и заговорщическим шепотом спросила:

— И поэтому вы забрали у меня мою энергию, не так ли?

Он дернулся и испуганно посмотрел на нее, кусая губы. Дыхание его участилось, а зрачки расширились.

— Вы ведь простите меня, фрау? — ответил он, и от его улыбки по коже продрало морозом. — Ведь этого никак не может быть, мне надо было посмотреть, — он выбросил проводок и схватил металлическую коробочку, из которой торчали куски проволоки. — С момента, как Илья Васильевич заявил о своем открытии не прошло и пяти лет. Я слежу за несколькими носителями магии, и постоянно отслеживаю показатели ахно-энергии в них. Развитие, конечно есть, у всех разное, но, чтобы добиться уровня, который я считал с вас, нужно, простите, не одно десятилетие. Кто вы такая?

Он сделал шаг, и она отступила назад.

— Вот ваши друзья — совсем другое дело. Они пусты... были пусты — и он сделал еще шаг вперед, а она — назад. — В них нет ахно-волн ни на йоту... Не было.

— Вы что — обыскивали нас?.. Что значил «не было»?

— Мне пришлось.

Снова шаг вперед и ее шаг назад.

— Я, видите ли, практик, и упустить такой шанс с моей стороны было бы глупо.

«Но прошло всего три минуты! Когда он успел?»

— Вы пугаете меня, герр Кауфман! Прекратите! — строго сказала Клара, повысив голос, и, сделав еще один шаг назад, споткнулась и села в кресло, то самое.

— Простите, фрау, я не хотел, — вдруг сказал Кауфман, виновато опустив голову, и отойдя от нее, сел на табурет. Теперь он выглядел так, словно его только что отругала мамочка. — Уверяю, вам и вашим друзьям ничего не угрожает.

— Т-тогда, в чем дело? Что вы хотите?

Он вскинул голову и посмотрел на нее все с той-же злой и совершенно ненормальной улыбкой.

— А вы? Что хотите вы, фрау?

— Вернуться домой, — ответила Клара и нахмурилась, скрывая этим желание закричать или хотя бы заплакать.

Почему, ну почему они никак не придут в себя? Почему ей нужно разбираться с этим психом? Она столько всего уже сделала, чтобы вытащить их из этой заварухи, в которую они втянули ее, неужели нельзя как-то...

— И что вам для этого нужно, фрау?

— Ахно-энергия, — пожаловалась она. — Много. А вы меня только пугаете.

— Еще раз простите, фрау, — даже улыбка трупа профессора Кравцова не наводила на нее такого ужаса, как эта. — Но, кажется, я могу вам помочь.

— Помочь?.. Вы?.. Так помогите же, что вы сидите!

— Услуга за услугу, — ответил он. — Вы помогаете мне провести исследование, я — наполнить ваш могуто-камень ахно-энергией.

— К-какие ис-следования?

— Пока вы спали, я сделал еще кое-что. Я посмотрел книгу.

— Сколько же мы спали, черт возьми?! — вырвалось у нее.

— Э-э... Около суток.... Не перебивайте меня, фрау... — он нервно моргнул и дернул лицом. — Так вот. Я глубоко признателен вам за возможность так быстро ознакомиться с этим трудом, в котором, надо признаться, господин Кравцов превзошел самого себя. И раз уж вы так неожиданно свалились ко мне, то будет любезно с вашей стороны помочь мне проверить теоретические выкладки Кравцова на практике. У нас есть целых два испытуемых, — он мотнул головой в сторону Гоши и Иннокентия. — Если они дадут согласие, мы попробуем обнаружить в них спящие ахно-волны и разбудить их. Если верить профессору, их сила должна быть внушительной. Помогите мне, убедите их.

Клара с облегчением выдохнула. Все-таки этот ненормальный Кауфман говорил вполне логичные и разумные вещи. Но он сказал, что прошло около суток. Как такое возможно? Если что-то случилось с часами, то... О! Нет! Неужели они сломались?!

Она встала с кресла, подошла к столу и посмотрела на часы. Судя по стрелке, не прошло и полминуты с тех пор, как она проснулась. Что-то с ними не так. Но что?

— Я не могу решать за моих друзей, герр Кауфман, — сказала она, сдерживая в голосе дрожь. — Но я попробую им объяснить важность ваших опытов.

— Хорошо. Очень хорошо, — страшно обрадовался он.

Он подскочил, и не обращая больше внимания на Клару, суетливо схватился за книгу. Раскрыл ее и стал по одной выдирать страницы прямо из середины.

«Все это ничего не значит, — бормотал он вполголоса. — без остаточного электричества все эти теории не имеют никакого значения... Не имеют... Ха-ха... Теперь-то я докажу! Докажу этим теоретикам! Бездарностям! Ахногенам чертовым!...»

Клара смотрела на него, зажав рукой рот, чтобы не закричать. Книга! То, ради чего они так сильно рисковали, ради чего погиб профессор. Гошенька. Она с ума сойдет! Как остановить этого психа? Как?

Но вид у Кауфмана был действительно безумный. Клара зажмурилась и приказала себе: Нет-нет-нет! Ничего не делай! Будь проклята эта проклятая книга! Надо бежать!

Она вернулась к часам.

Как бы Клара их ни крутила, они продолжали вести себя неподобающим образом: секундная стрелка двигалась как надо, а минутная даже не шевелилась. Поэтому показалось, что Гоша и Иннокентий очнулись через целую вечность.

Клара познакомила их с Кауфманом, и рассказала о его предложении, промолчав о тех ужасных минутах, когда Кауфманом вырывал страницы из книги. И молилась, чтобы наблюдательная Гоша не спросила ее: “А что это за листы такие везде валяются, а, Кларисса?” Но Гоше было не до то них.

— Не нравится мне этот хмырь, — говорила она вполголоса, а Клара шикала на нее, чтобы не дай бог Кауфман не услышал.

— Мне тоже, — шептала она в ответ. — Но профессор тоже вспомнил о своем исследовании, и напоследок сказал мне, что не надо делить людей на ахногенов и бурлаков. Потому что ахно-энергия есть у всех. И кстати, — добавила она, как ей казалось, убийственный аргумент, — разве ты не к этому стремилась? Кроме того, чтобы вернуться, нам нужна ахно-энергия. Могут-камень заряжается, но очень медленно. И я как-то, тоже... Не чувствую в себе сил.

— Фройлян права, — прогудел слесарь в поддержку Клары, и она одарила его благодарным взглядом, — впервые в жизни она почувствовала себя победительницей в споре с Гошей. — Но лучше пойти мне.

Гоша закусила губу.

— Нет, Иннокентий. Если что-то пойдет не так, мы с Клариссой вдвоем можем не справиться. Посмотри на этого чудика, кажется, у него не все дома... Начнем с меня. Если все получится — тогда ты.

— Добре, фройлян. Я подстрахую. Встану сзади, и если что пойдет не так, то... — он вдавил кулак одной руки в ладонь другой.

— Да... Но как он будет это делать?

Как он будет это делать, Отто Кауфман так и не сказал. Только твердил, что все будет наилучшим образом, не извольте беспокоиться.

Он усадил Гошу в то самое жуткое кресло, надел ей на лоб обруч, от которого тянулось множество разноцветных проводов — вот для чего он был нужен! — пристегнул ремешками руки и ноги вложил ей в руку могоуто-камень, к которому тоже прицепил проводок, теряющийся в общей куче за спинкой кресла. Он носился между коробов и установок, нажимал какие-то кнопки, подкручивал ручки. На лбу у него появилась испарина, улыбка с лица сошла, и оно теперь выглядело напряженно, а лицо подергивалось все чаще. И чем дольше это длилось, тем больше Клара тревожилась. Гоша, опутанная проводами, выглядела совершенно беспомощной, и только Иннокентий, с мрачным видом наблюдающий за приготовлениями Кауфмана, немного успокаивал своим грозным видом.

Когда Кауфман сел рядом на табуретку и надел себе на голову такой же обруч, опустил вниз большой рычаг, Клара вдруг поняла, что собственноручно обрекла Гошу на эксперимент, природу которого никто из них не понимает, и неизвестно чем все это может закончиться. Шкафы загудели и заморгали лампочками, а провода на голове Гоши вдруг заискрились и покрылись короткими молниями. Гоша задрожала, сначала мелко, а потом все сильнее и сильнее, пока руки и ноги ее, пристегнуты к креслу, не стали трястись.

— Стой! — закричала она, и бросилась к Гоше, но Кауфман выставил руки вперед и крикнул:

— Нельзя! Ни в коем случае нельзя! Это убьет ее!

— Кеша! Остановите!

Иннокентий одной рукой схватил за шкуру Кауфмана, другой сорвал с него обруч и поднял рычаг назад. Короба и установки взвыли так, что Клара зажала уши руками — казалось мозг лопнет от этого воя, — а потом взорвался сначала один шкаф, затем второй, изрыгая из-под железной обшивки клубы едкого дыма, который мгновенно окутал все помещение. Гошу выгнуло в кресле, изо рта у нее пошла пена. Камень вывалился из ослабевшей руки и упал к ногам Клары. Она схватила его и почувствовала в нем невероятную мощь. Стрелки на часах пришли в движение и побежали вперед все сразу с сумасшедшей скоростью.

Иннокентий, бросив Кауфмана, шатаясь и страшно кашляя, сделал шаг к Гоше.

— Нельзя! Не трогай! — кричал Кауфман.

Он пополз за ним, обхватил двумя руками его ногу и повис на ней, пытаясь задержать. Слесарь пнул его, как шавку, и сделал еще шаг, оказавшись совсем рядом с Кларой. Ее закружило в водовороте.

— Пять секунд, — провопили часы.

Теряя равновесие и сознание, она успела протянуть руку к слесарю и схватиться за него. Перед тем, как вихрь закрутил их, она увидела, как в замедленной съемке, Кауфмана в клубах дыма с толстым проводом в руках. Дико хохоча, он закричал:

— Оно существует! Остаточное электричество существует! Будьте вы прокляты, ахногены! Вы еще попомните меня!

Он поднял над головой кусок толстого провода, искрящего на концах, и изо всех сил кинул в них. Гибкая змея взвилась, описала дугу и ударилась в спину слесаря. Иннокентия выгнуло, волосы встали дыбом, рубашка треснула по швам, а пуговицы отлетели. Он сказал одно, очень неприличное слово, и крепко обнял Клару. Солнечный вихрь подхватил их и закружил, рассыпая вокруг снопы искр.

* * *

Раздался телефонный звонок, и Войцех сразу понял, что это именно то, что они ждут. Павлыч взял трубку и коротко сказал:

— Медведев.

В трубке кто-то коротко прокричал, Павлыч бросил ее, дал шару смачный щелбан и сказал:

— Трамвай. Срочно! — и только после этого обратился к Войцеху: — Пошли. Они вернулись.

На выходе, прямо напротив двери уже стоял двухместный трамвай — железная коробушка на трех колесах, без пассажирских сидений. Едва они вошли, он дернул с места и понесся по улицам. Войцех вцепился в поручни.

— Почему перестали использовать автомобили? — спросил он, чтобы хоть как-то отвлечься от дурного предчувствия, которое овладело им, как только раздался телефонный звонок.

— Экономически не оправдано. Слишком сложные устройства. Много деталей, длинная технологическая цепочка, сложное в управлении. Кроме того, двигатель на горючке совершенно нельзя приспособить для ахно-энергии. Другое дело — трамваи. Электрические волны близки по характеру ахно-волнам. Замена одного вида энергии на другой прошло практически идеально. Трамвай очень прост в исполнении — салон и принимающие устройства.

— Антенны? Так они же висят по сторонам.

— Они есть, значит, принимают.

— А управление?

— На сегодняшний день это действительно лучший гибрид ИИ и простого механизма. Называешь адрес — он рассчитывает наикратчайший маршрут.

Трамвай несся по пустым улицам города с бешеной скоростью. Пять минут спустя двери распахнулись перед злополучным домом на Пролетарском тупике, номер два, Войцех с Павлычем выскочили, и он умчался, хлопнув створками.

— Как мы войдем? — спросил Войцех, имея в виду свою переброску, дважды произошедшую за последние полтора суток.

Он весь день чувствовал себя глупо, впрочем, как всегда, рядом с Павлычем. Пока что он еще не до конца поверил во все эти шпионские истории, но от тревоги за Гошу, и за Клару, и даже за агента, которого в глаза не видел, он был сам не свой. Надо было напроситься, чтобы его внедрили в агенты... Хотя... Он бы, наверняка все провалил.

Павлыч не ответил. Вместо этого он накинул на Войцеха едва видную взгляду сеть. А

потом на себя. И скомандовал:

— Вперед!

Вопреки ожиданиям, сеть не подвела, сработала. Не сгорела, и перебреса не случилось. Они беспрепятственно поднялись на второй этаж. Экипировка у Павлыча была что надо! Не чета стандартному полицмаговскому.

На лестничной площадке их встретил дворник.

— Пять минут тому — как пыхнет в окнах! — сказал он, обращаясь к Павлычу. — Я сначала доложил, как по инструкции. А потом поднялся — вдруг пожар. Но нет, вроде, дымом не пахнет. И тихо! Как в гробу.

Войцеха передернуло.

— Спасибо. Дальше мы сами, — сказал Павлыч. — Вечером заходи, покурим.

Дворник кивнул и собрался уже уходить, да увидел Войцеха.

— Ты чтоль?

— Как видите, — усмехнулся Войцех.

— Живучий, значит, — проворчал дворник и тогда уж пошел.

Дождавшись, когда его шаги стихнут, Павлыч вскрыл замок, сделал знак Войцеху молчать и следовать за ним, и тихо вошел в квартиру.

Глава 20. Спасение

Войцех собирался и готовился так, как не готовился к выпускному экзамену в Полицмагии. То, что надо прыгать, Войцех понял и сам. Пятнадцать минут, проведенные в злополучной квартире, окончательно разорвали устоявшийся порядок его жизни и погрузили в хаос. Все шло кувырком. И чтобы не свихнуться, он решил просто делать то, что должен — спасать Гошу. Он положился на свою интуицию, а она кричала, что это правильно. Мелькнула слабое видение нежного девичьего взгляда младшей дочери Павлыча. Мелькнуло и растворилось, а потом и вовсе забылось.

— Это какой-то цех, — рассказывал агент по имени Иннокентий.

Кларисса фон Райхенбах лежала тут же. Показатели ее были в норме, если верить Павлычу, который сразу приложил на запястье какой-то датчик.

— Отто Рудольфович Кауфман, — продолжал агент. — Я так и не понял, то ли он ученый, то ли псих.

От этого имени у Войцеа забегали мурашки. Если он с голодным оком сотворил такое, то что будет с Гошей, проведи она у него хотя бы час.

— Надо торопиться, — сказал он. — Это тот самый упырь, я уверен!

— Упырь, говоришь? Очень может быть, — сказал Иннокентий. — Во всяком случае, похож.

Но Павлыч уже подсоединился к сети через радио и искал адрес. Через минуту он вывел на кухонный стол карту города и указал место — прямо за заброшенным дачным поселком “Фантом-2” тянулись цеха бывшего электромеханического завода, на котором когда-то и работал Отто Рудольфович инженером.

Павлыч достал из кармана голодное око.

— Верочка, доставьте мой чемодан номер три по адресу... — и он продиктовал адрес.

Сами они прибыли на место через двенадцать минут. Иннокентию Павлыч запретил ехать с ними.

— Позаботься о даме, — сказал он. А потом бегом к Санычу, на карантин.

— Зачем ему на карантин? — спросил Войцех, когда двухместная коробушка на трех колесах — та же самая или другая — черт ее разберет — несла их по ухабам заросших дорог пригорода.

— Не могу знать, что делает сейчас этот Кауфман с Гошей, но агенту он ахно-волны вскрыл. Ты разве не почувствовал?

— Я списал это на остаточную энергетику от прыжка и Клариссу. Меня мутило.

— Энергия в нем сейчас бушует, как шторм. Это продлится дня три, прежде чем он начнет ее понимать и возьмет под контроль. По себе знаю. И лучше, если рядом будут люди, которые знают, что с этим делать. Это довольно опасно и для него самого и для окружающих. Но тебе не об этом сейчас надо думать.

Они вышли у ворот в кирпичном заборе, окружавшим завод. Павлыч легко совладал и с замком, и с защитой, и уверенно привел к одному из цехов, от которого остались только стены — крыша и внутренности так выгорели, что до сих пор даже бешеный огурец не кинул сюда свои споры. У черного провала, где когда-то раньше был вход стоял аккуратный саквояж из темно-коричневой кожи, немного потертой, но крепкий, с блестящими медью клепками.

Павлыч торопился. Причпокнул Войцеху на локтевые сгибы и за ушами студенистые пуговицы, похожие на слизней — датчики. Они тут же больно присосались, кожа под ними зачесалась. Войцех поморщился, но промолчал.

— Один из датчиков будет вести обратный отсчет времени. Второй — считать жизненные показатели, я смогу отследить твоё самочувствие. В третьем заложена доза энергетика — впрыснет сам при необходимости. Четвёртый держит связь с могуто-камнем и питает тебя для прыжка, — он похлопал по необработанному сапфиру размером с кулак.

Павлыч опрыскал его штаны и куртку серой пылью из балончика, которая покрыла одежду и впиталась, надел перчатки на руки и балаклаву на лицо. И тоже щедро опрыскал. Закапал глаза какими-то каплями.

— Там сейчас пожар, — коротко инструктировал он. — Можешь смело идти в огонь — это защита. Твоя задача проникнуть в цех и вытащить... черт! Как её?!.. Гошу, в общем. Положишь ей в рот вот это, вторую возьмешь сам, — он сунул в карман две таблетки размером с монету. — Это позволит дышать, но у тебя восемь минут! Больше не получится. Кауфмана не трогай. Я не получил подтверждения его смерти. Понимаешь?

Войцех кивал. Он был сосредоточен и внимал каждому слову. Насчет Кауфмана у него было другое мнение — при одной мысли о том, чему он подверг бедную девушку, пусть и нарушившую закон, руки сами собой сжимались в кулаки.

— Он может быть жив или нет. И то и другое объясняет его появление в “Фантоме-2”. Ты с этим разберешься. Потом. Сейчас важнее всего она. У тебя не будет помощников, связи, оружия. Так что без геройств.

— Обещаешь, что мы поймем его? — спросил Войцех.

— Обещаю. Живого или мертвого. Ты поймаешь. Сам. У тебя десять минут.

Он нажал кнопку со стрелочкой на маленьком пульте и поспешно добавил:

— Я говорил, это не очень хорошее оборудование. Будет непри...

Но Войцех уже не слышал — его накрыла боль.

Она возникла внезапно и везде, пронзила каждую его частичку. Войцех не мог дышать. Так продолжалось до тех пор, пока в глазах не потемнело. Он почувствовал, что падает на колени, его пригнуло к земле и он нырнул в темноту. Лишь ритмичный стук в правом ухе удерживал его связь с жизнью. Будто сердце стучало. Тук-тук-тук.

За это “тук” он зацепился и вытянул себя из мрака. Оказалось — это тикал обратный отсчет, стремительно сокращая время.

Боль отступила так же внезапно, как появилась. Войцех вздохнул полной грудью и закашлялся — едкий, химический дым наполнил легкие. Он сунул таблетку в рот и огляделся. Очнулся он в том самом месте, с которого стартовал: метрах в трех от входа в цех. Дым вырывался из открытых дверей клубами. В паре метров от него ничком лежал мужчина. Видимо, Кауфман, — думал Войцех на ходу.

Он ринулся внутрь.

— Осталось восемь минут — прошелестел в ухе женский голос.

Верочка? Показалось или действительно она?

Огня он не видел из-за непроницаемого дыма. Рот наполнился ледяным ментоловым воздухом, а глаза непрерывно слезились, защищая от раздражения. Он шел наугад, натываясь на какую-то мебель, обходил очаги огня. Он действительно не чувствовал ни жара, ни дыма. Но когда наткнулся на тело женщины, пожалел, что не захватил с собой хотя бы балончик с серой пылью. Он засунул ей в рот таблетку. Сквозь непрерывные слезы он видел все как

сквозь окно, по которому стекает ручьями дождь.

— Четыре минуты, — прошептал голос.

Войцех поднял тяжелое тело, взвалил его на себя и пошел назад. Во всяком случае, он верил, что он идет назад, доверился внутреннему чутью. Через минуту свежий воздух закончился, и он проклял свою глупость. Едкий дым пробрался в ноздри и в рот, пришлось натянуть балаклаву на нос. По тому, что он стал обливаться потом и с боков припекало, он понял, что и серая пыль слабеет. А кругом по-прежнему стоял плотный дым.

— Две минуты.

Голос в этот раз показался напряженным. Но какие к черту две минуты, если он уже все?! Уставшей пиявкой шевельнулась мысль, что ни на что он, Войцех Загорски, не способен. Даже человека спасти. Одно бахвальство. И отключился. Но еще не успел упасть, как пришел в себя от резкого укола в основание черепа. В голове прояснилось, а в мышцах появилась энергия. В дымовой завесе он увидел просвет и рванул туда изо всех сил.

— Одна минута.

Он выбежал из цеха и свалился рядом с Кауфманом. Откашливаясь и отплевываясь, он потянулся к нему, и пощупал пульс. Вена на шее слабо билась — Кауфман был жив.

— Десять, девять, восемь, — отсчитывал тихо голос в правом ухе.

Войцех с трудом поднялся, сел и подтянул на себя Гошу и повернул ее лицо к себе. И внезапно понял, что это другая женщина.

— Семь, шесть, пять, четыре.

Она была похожа на Гошу, но это не она! Не Гоша! Он прекрасно помнил ту непослушную копну волос, другое лицо, и не такое... сложение! И Войцех закричал.

— Три, два, один.

Уже знакомая боль накрыла его снова. Но в этот раз она была не такой сильной — другая боль, гораздо более мучительная пронзала его изнутри. Гоша! Он убил ее! Он оказался настолько туп, что спутал ее с другой женщиной! Он продолжал кричать, хотя в легких не было воздуха. А когда боль отступила, его рвало и крутило до тех пор, пока мир не померк.

Как он не хотел, сознание выплывало, выталкивало его из небытия. Горечь была во рту, горечь пропитывала его существо, горечь отныне будет преследовать всю его жизнь. Он погубил единственную женщину, рожденную специально для него, для Войцеха Загорски. Что стоят все его достижения, вся его борьба, чего стоит Закон, если он не сможет вернуть ему Гошу. Будь проклят этот трижды проклятый Закон! Но он настолько ослабел и не хотел жить, что и проклясть как следует не хватило сил.

— Датчики все еще на тебе. Они показывают, что ты очнулся, — услышал он голос Павлыча.

Войцех попытался проклясть и его.

Он открыл глаза. Мир закружился. Он закрыл глаза.

— Она жива? — спросил он и сам поразился, как тихо прозвучал его голос. Сказал и выбился из сил. Зачем он их потратил, ведь, в сущности, ему все равно, жива та женщина или нет.

— Гоша? Да, жива. Ты все сделал правильно.

Войцех открыл глаза и, преодолевая карусель, сфокусировал взгляд на лице Павлыча.

Тот улыбался, держа трубку зубами и подобно злому, хотя нет — очень доброму демону — выпускал дым изо рта и из носа одновременно. Всклоченные волосы, растрепанная

борода, уставший, но безудержно улыбающийся, он был так не похож на себя, что Войцех спросил:

— Павлыч, это ты? — перейдя внезапно на “ты”.

Тот довольно кивнул.

— Повтори, что ты только что сказал про Гошу.

— Она жива. Жива! Мне пришлось вспомнить курс реанимации, но таблетка, которую ты дал, спасла ее от удушья.

Он счастливо взлохматил себе и так взъерошенные волосы.

— Если честно, я до последнего не верил, что все получится. Но попытаться стоило. Ведь стоило?

Войцех почувствовал, как по вискам стекают горячие слезы. Все еще ничего не понимая, он сказал:

— Но... Это была не она... Я не Гошу спас.

— Гошу, конечно!.. Не стал тебе говорить. Я ни разу не использовал этот чемоданчик. Он стоит у меня на всякий случай. Нормальное оборудование тоже есть. Но сначала надо получить разрешение, собрать подписи, подготовить его. Оно более щадящее, конечно, современное. Но волокита заняла бы пару дней. А ты сам понял, что счет на минуты. Мы бы тогда не успели бы спасти ее. Надеюсь, ты не в обиде на меня за такой экстремальный прыжок.

Войцех улыбался и слезы лились помимо его воли.

— Будет что вспомнить. Почему я не чувствую ни боли... ничего не чувствую? — Он оглянулся и только сейчас заметил, что они находятся в лазарете. — Мы в ведомственной больнице?

— Где ж еще. Это восстановительная терапия. Просто отдыхай. Пара дней и будешь лучше прежнего.

— А Гоша? — снова спросил Войцех, блаженно закрывая глаза. Как хорошо, когда ничего не болит. Как хорошо, когда можно просто поспать. Когда нет горечи.

— Да все нормально с твоей... Гошей. Кауфман, похоже, проводил свой собственный эксперимент. Он разбудил в ней ахно-волны, но, судя по тому, что рассказал агент, хотел тут же ее и забрать. Он уже тогда, на заре появления ахно-энергии занимался ее воровством. Упырь, короче. Как ты и говорил.

— А книга?

— Да не нужна нам теперь эта книга, Войцех. Мы нашли все... или почти все записи этого Кауфмана... И у нас настоящая бомба в руках.

Но Войцех слышал это уже сквозь сон. И улыбался.

* * *

Первое, что увидела Клара, когда открыла глаза — грязный поношенный ботинок слесаря. А потом почувствовала, как что-то больно упирается в спину. Она скосила глаза, не в силах пошевелиться — она лежала между холодильником и дверным проемом своей кухни. Своей кухни! От радости она села, голова резко закружилась, и она закрыла глаза.

— Забористая карусель вышла, фройляйн, — пробасил слесарь, сопение которого она слышала в метре от себя.

— Жив! — с облегчением выдохнула она.

Но второго голоса она не слышала. Как и второго дыхания. Она не чувствовала Гошу рядом с собой. Вспомнив последние мгновения перед прыжком, она открыла глаза, хотя и

так знала, что увидит — Гоши нет.

— Гошенька! — всхлипнула она.

— Фройляйн, не переживайте, — заговорил вдруг взволнованно Иннокентий, и взял ее за руку. — Ее спасут. Прошло уже минут двадцать... Они уже там.

— Мои маленькие друзья! — произнес с подоконника Николаша. — Чтобы вы знали, вас не было четыре часа и пятнадцать минут. Вы вернулись не все. Но ничего страшного. Мойте руки, разогревайте молоко, печенье в шкафу. Подсаживайтесь ближе. и я расскажу, что произошло за то время, пока вас не было.

— Помолчи, — прошипела Клара.

— Но...

— Антенну вырву... Еще раз, Иннокентий! Кто и куда пошел?

В глазах Иннокентия что-то мелькнуло. Он отвел взгляд и, кряхтя, попытался встать. Клара почти физически ощутила волны исходящей от него энергии. Ахно-волны. Ей стало тесно рядом с ним, захотелось вытечь из кухни, потому что казалось, что его присутствие раздавит ее сейчас.

— Вы что?.. У вас тоже?.. Но ведь это с Гошей проводили эксперимент...

Чашки и бокалы в шкафах мелко зазвенели, от ложек и вилок в ящике раздался тихий металлический лязг. Иннокентий протянул ей руку, и когда она взялась за нее, он поднял ее как пушинку и поставил на ноги. Клару качнуло. Он взял ее за плечи, как тогда, на кладбище. Только сейчас ей показалось, что он сдавил ее всю целиком, сердце сжалось и стало трудно дышать.

— Послушайте, фройляйн. Если вы в порядке, мне нужно идти. Я попрошу, чтобы к вам пришел доктор и осмотрел вас. Как только будут какие-то вести о фройляйн Гоше, вам сразу же сообщат. Надо просто немного подождать.

«Осмотрел? Меня?» — Клара покрылась холодной испариной.

— Нет-нет, — улыбнулась она сквозь слезы. — Все в порядке, Иннокентий! Но вы объясните мне, что происходит? Где Гошенька? Кто ее спасает? Вы сейчас уйдете, а мне что делать? Ах, я же с ума сойду! Оставайтесь! Прошу вас!

Она жалобно посмотрела на него и всхлипнула.

На его небритом лице читалось сострадание и что-то еще. Такое теплое и почти родное, давно-давно забытое. Нежность? Так смотрел на нее один человек, когда она была совсем-совсем крохой, человек, который потом исчез из ее жизни, и осталась только бабушка. Она вспомнила, как заметила изменения в кухне, когда проснулась после кладбища. И сейчас отчетливо поняла, что связаны они именно с этим человеком. В ее жизни появилось что-то надежное, монументальное, такое, как бабушка, которое никогда не оставит и не подведет.

Он все держал ее за плечи, а дверки на навесных шкафах открывались и захлопывались, чашки подскакивали на местах, занавеска заколыхалась будто от ветра, а торшер на потолке шатался, грозясь оторваться и улететь в космос.

“Ахно-энергия! Он же просто не умеет ею управлять! Сейчас разнесет тут все!”

Клара поискала глазами и нашла свой могуто-камень в углу.

— Вот, — она подняла его и вложила в руки слесаря. — Держите! Сейчас станет легче.

Действительно. Энергия потекла в камень, и кухня перестала ходить ходуном. Она заметила мешочек с камнями на полу — отлично!

— Вы не можете сейчас никуда идти, Иннокентий! Вы не смее! — решительно сказала она. — Вы представляете опасность для общества!

— Чего?

— Того! Пока не будет вестей от Гоши, вы никуда не пойдете!

Теперь, когда излишний выброс энергии был снят, она и сама почувствовала себя лучше. Могуто-камень обезличивал энергию, и она подпитывалась ею, восстанавливая силы.

Она вспомнила шаг за шагом их пребывание в цеху, все, что делал полоумный Кауфман, эти провода, эти обручи на голове. Вспомнила, как он вздрогнул, когда она в шутку сказала ему, что он забрал ее энергию.

— Вы знаете, что он делал? — спросила она не то, чтобы Иннокентия, но вообще. — Он воровал энергию напрямую, не через камень.

— И... что с того? — спросил Иннокентий и протянул ей могуто-камень, который светился розовым.

— Держите еще, — сказала она, немало удивившись такой скорости заряда. — Это только половина... Когда человек напрямую скачивает ахно-энергию у другого человека, это все равно, что... пить его кровь. Понимаете? Вот, например, вам нужна кровь? Вы обращаетесь в больницу и вам вливают донорскую. Так и с энергией, вы можете взять ее из могуто-камня, в нем энергия становится донорской, потому что отдана добровольно. Но если вы берете кровь напрямую, то кто вы после этого?

— Упырь?

— Верно, Иннокентий! Вы упырь! Боже мой! Бабушка в детстве рассказывала сказки не ночь, но я не верила. Они были как раз про кровь... Кто бы мог подумать, что она закладывала в них другой смысл? Ведь ахно-энергия для человека — это все равно, что кровь.

— А все люди — ахногены, — мрачно изрек Иннокентий.

— Да, верно... Гошенька всегда знала это... чувствовала... И хотела доказать. И доказала!.. Да будьте же вы, наконец, человеком! Расскажите, кто должен ее спасти? Мы сидим тут уже час, и никаких новостей!

В этот момент раздался телефонный звонок.

Глава 21. Снятие приворота

— Не напрягайся так, Гошенька, — говорила Клара подруге, сидящей очень прямо на табурете. И все было почти как прежде — уютная кухня и фотография бабушки. Вот только Гоша стала ахногеном, и они вдвоем находились под домашним арестом. — Так ты блокируешь каналы, и энергия застаивается. Кроме головной боли ты этим ничего не добьешься. Не забывай, ты еще не совсем оправилась после возвращения.

Покрасневшая, как вареный рак, Гоша резко выдохнула. Икебана в углу вспыхнула огнем и мгновенно сгорела, чудом не зацепив шторку. Клара успела плеснуть водой из кружки, но огонь уже погас, и вода потекла по стене.

— Я ж орех хотела поднять! — сказала Гоша, упрямо выпятив нижнюю челюсть. — Не понимаю, Кларисса, как оно работает! Вот ей-богу, мне легче еще раз выкопать профессора, чем освоить эту ахно-премудрость! Может у меня какая-то неправильная энергия? Как знаешь, бывают дикие кони, необъезженные, которые никак не хотят, чтобы на них накидывали уздечку.

— Так! — Клара убрала орех со стола, села напротив подруги и взяла ее за руки. — Расслабься. Закрой глаза. Вдохни глубоко. И дыши. — Гоша задышала. — Спокойней, Гошенька, не сопи как паровоз. Все хорошо у тебя с конями... Вот. Теперь представь, что воздух и есть твоя ахно-энергия. Ты дышишь ею, она наполняет тебя, бежит по крови, ты и есть одна сплошная ахно-энергия... Ты накидываешь на своего коня уздечку, садишься верхом и пускаешься вскачь.

Гоша открыла глаза и загоготала. Послышался сухой треск, посыпалась штукатурка. Клара едва успела сама отпрянуть и оттолкнуть Гошу, как вывалился кусок потолка и упал между ними, засыпав их известковой трухой.

Гоша вздохнула.

— А может, ну ее, а? Эту ахно-энергию? — спросила она. — Жила без нее и дальше проживу. Пусть назад заберут.

— Знаешь что, дорогуша?! Хотела равенства — получай! Я чуть не умерла, восстанавливая в мире справедливость! И ты, между прочим, тоже! — захлебнулась Клара от возмущения. — Ты думаешь — мне легко? Я всю жизнь с ахно-волнами. И вообще, это такая же природа, как... как сердце. Ты не можешь отдать сердце. Поняла?

— Мои маленькие друзья! — произнес торопливо Николаша. — Извините, что прерываю вашу беседу, но к нам идет тот самый полицмаг, молодой и очень перспективный молодой человек. Впускать?

— О, не-ет! — простонала Гоша. — Опять?!

— Конечно, впускай! — оживилась Клара. — Он наверняка с новостями об Иннокентии!.. Гоша, немного благодарности. Все-же он тебе жизнь спас... Кроме того, пусть уж лучше будет он, чем какой-нибудь хмырь из их управления, которого мы не знаем. Этот хотя бы приличный.

— Он был бы... милым, Кларисса, — мрачно ответила Гоша, — если бы не смотрел на меня как обкуренная индюшка.

— Ради Иннокентия можно и потерпеть... И у нас что, есть выбор?.. Как ты сказала? Обкуренная?

В этот момент раздался набат дверного звонка. Клара закрыла уши ладонями и показала

глазами Гоше, чтобы она открыла.

На пороге стоял Войцех Загорски с букетом ромашек. Клара хихикнула — в прошлый раз Гоша приняла розы холодно, бросив между прочим, что ромашки куда поинтересней цветы. Где он их взял? Она представила, как этот серьезный полицамаг, от вида которого в первый раз она чуть не обмочилась со страху, рвет ромашки на дачных окраинах, и разомлела:

— Ах, Войцех! Вы как знали! Это неразумное чадо сожгло сегодня икебану, — она зыркнула на Гошу, принимая вместо нее букет. — Еще неделя с ней под одной крышей, и придется делать тут капитальный ремонт. Вы уверены, что нас нужно держать под стражей?

— Не под стражей, а под домашним арестом, — поправил он вежливо. — Это в интересах вашей же безопасности.

Войцех покосился на куски штукатурки на полу и сел на предложенный табурет. Каменное лицо оставалось бесстрастным, и только глаза непрерывно и как-то болезненно следили за Гошей.

— Как проходит обучение? — вежливо спросил он.

Клара закатила глаза, а Гоша нервно дернулась.

— Не будем о грустном, Войцех Казимирович. Лучше расскажите, есть ли новости от Иннокентия? Такой дальний путь. Я... мы... конечно, с Гошенькой, очень волнуемся за него.

— Насколько мне известно, он благополучно добрался до места и приступил к выполнению поставленной задачи.

Клара покачала головой.

— Вот зачем было его впутывать, а? Это же не в прошлое прыгнуть. Это, как никак, правительственный за... — Гоша сделала большие глаза, и Клара осеклась. — Задание.

— Было еще несколько кандидатур. Но Иннокентий подходил лучше всех. Он числится везде, как бурлак и рабочий человек, поэтому к нему не возникнет подозрений. У него навыки оперативной работы, умеет втереться в доверие...

— Это точно! — прокомментировала Гоша, нахмутив брови. Она до сих пор злилась на себя, как ловко слесарь обвел ее вокруг пальца. — Куда ворона летит, туда и глядит.

— ... и у него мощная ахно-энергия, — закончил Войцех.

— За это я и переживаю, — вздохнула Клара. — Бешеному дитяти ножа не давати, как сказала бы бабушка. Он же как обезьяна с гранатой сейчас, со своей магией.

— Поверьте, Кларисса Никитична, у нас хорошие инструкторы, а Иннокентий — агент с опытом... Кстати о вашей м-м... бабушке. То есть о Гретхен Вольфганговне... Тут такое дело, — он замялся.

Кларисса напряглась и с беспокойством спросила:

— Что она еще натворила?

— Кхм... Да, ничего... — улыбнулся он. — Она же... Мда... В общем, в ходе... некоторых разыскных мероприятий следствие наткнулась на один факт, не касающийся вашего дела, но прозвучало имя Гретхен фон Райхенбах.

Ну вот опять! — подумала Клара. — Сколько это может продолжаться? Только же все наладилось. По словам этого славного Войцеха за все былые прегрешения им грозит лишь штраф. И у Гоши теперь есть ахно-энергия, и она сама будет вскрывать замки на заброшенных цехах, если ей приспичит. Но нет же! Она сделала лицо, показывая, что она — вовсе не Гретхен фон Райхенбах, какие претензии?

— И учитывая, что ваша бабушка уже десять лет, как... кхм... почил... и спросить

больше не у кого, я пришел к вам с просьбой.

— Да, — осторожно согласилась Кларисса, ничего, однако не обещая.

Он с облегчением выдохнул и оживился.

— Есть группа лиц, женщин, которые проводят обряды, не совсем законные.

— Вот как?

— Кларисса, дай ему сказать! — раздраженно бросила Гоша. — Иначе мы так просидим до утра... А у пана Загорски наверняка куча нераскрытых преступлений.

Войцех покраснел и жалобно посмотрел на Клариссу.

— Говорите же Войцех Казимирович, — подбодрила она его.

— В-общем оперативным путем удалось установить, что группа женщин встречается регулярно и совершает обряды, понуждающие людей делать то, чего они не хотят. А это уже нарушение права человека на свободный выбор.

— Что? Какой выбор? Ничего не понимаю.

— Имеется в виду, выбор спутника жизни, — выпалил Войцех и стал пунцовым. Он старательно не глядел на Гошу. А она, наоборот, впервые, как он стал приходить в качестве контролирующего инспектора, посмотрела на него с интересом.

— Вы имеете в виду приворот? — догадалась Клара.

— Да, — он снова с облегчением выдохнул. — Знаете, это не мой профиль. Но начальство приказало разобраться.

— А почему вы решили, что был именно приворотный заговор?

— Потому что я сам при нем присутствовал. Мне нужно как-то выйти на этих женщин. Я думал, что, может, вы согласитесь помочь мне, найти их.

Клара ахнула и прикрыла рот ладонью. Так вот почему он так смотрит на Гошу!

— Что? — не понял Войцех.

Клара нервно хихикнула.

— Перестань вести себя, как дурочка, Кларисса! — не выдержала Гоша. — Говори уже, что там с этими обрядами.

— Расскажите поподробней, Войцех Казимирович, как это происходило, — попросила она.

И Войцех, опутив подробности, по какой причине он оказался в заброшенном дачном поселке и деталей своего присутствия, рассказал про сам обряд, про то, как колдуньи напевали хором слова, и даже припомнил первые строки заговора.

Кларисса кивала, в знак подтверждения своим догадкам.

— Я, в общем-то, тоже не практикую, — сказала она. — Но бабушка у меня имела широкие познания на тему бытовой магии. Насколько широкие, что я и сама не знаю границ, но по всякого рода заговорам она кое-что рассказывала. Есть разные техники их исполнения. Насколько я понимаю, в этом случае была применена одна из сильнодействующих. Была бы колдунья одна, справиться с приворотом было бы куда легче. Но три... Это, как водка тройной крепости.

— Сто двадцать градусов? — спросила Гоша.

— Да.

— Столько не бывает.

— Это у тебя не бывает, — съязвила Клара. — Освоишься и сама поймешь, что бывает многое... Так вот, Войцех Казимирович. Те, кто проводит обряд, защищены, само собой от действия собственных чар. Но присутствующие... попадают под его влияние, хотят они того

или нет. Понимаете?

Войцех кивал в знак согласия, но Клара видела, что до него не доходит смысл того, что она только что сказала.

— Все присутствующие, — уточнила она.

— Все? — переспросил он. — Как все?.. Там же... раба божья Настасья, раб божий Андрей... При чем тут все?

— Это тоже энергии, Войцех. А если их еще и ахно-волнами усилили, то... труба ваше дело.

— И он тоже что ли? — спросила Гоша, показав на него пальцем.

Клара кивнула.

Гоша загоготала так, что зазвенели чашки в шкафу. Она смеялась взхлеб, сначала откинувшись на стену, а потом согнувшись и схватившись за живот. По лицу ее катились слезы. Войцех сначала побагровел, потом побледнел, а потом как-то расслабился и впервые за все время, как они знали его, улыбнулся.

— Ясно теперь, — сказал он. — Теперь мне все ясно! А я-то уж испугался... — он смущенно замолк и посмотрел на едва успокоившуюся Гошу.

— А ты уж думал, что... — и она снова зашлась смехом.

Неестественным смехом, — отметила про себя Клара. — Небось уже думала, что такой видный мужчина, да еще и при должности, клюнул на это ее “Гы-гы-гы”, а теперь вот и не рада. Поэтому и смеется так.

— И что с этим делать? — спросил он. — Ведь есть средство от этого... Противозаговорное какое-нибудь.

— Наверняка есть, — ответила Кларисса, улыбаясь. — И колдуньи наверняка его знают.

— А вы? Вы можете мне помочь?

— Я?! Войцех Казимирович, вы что мне предлагаете? Закон нарушить? — она с удовольствием посмотрела, как он краснеет. — Да, если бы и так, — добавила она. — Даже если бы я согласилась на это, то не смогла бы...

— Почему?

— Заговорить бородавку — это одно, а снять такой сильный приворот — тут, знаете ли, нужна практика. И знания. А у меня ни того, ни другого.

Гоша перестала смеяться и нахмурилась.

— Значит, надо освоить Кларисса.

— Вот сама и освоишь, — ответила Клара. — Ты теперь тоже ахноген!

— Ладно, я понял. Помогите хотя бы разыскать их.

Разыскать их не получилось. Клара не знала круга общения Гретхен. В последние годы ее жизни она постоянно пропадала на праздниках и карнавалах. Удивительно, что вообще оказалась дома, когда бабушка умерла, и хотя бы за это ее не мучила совесть.

— Надо вызывать Гретхен, — озвучила Гоша витавшее в воздухе решение.

Но Клара воспротивилась.

— Оставьте бабушку в покое. За свою жизнь она столько сделала, что заслужила отдых.

На самом же деле, Клара и сама думала еще раз обратиться к бабушке, когда вся шумиха уляжется, чтобы поподробнее поспрашивать ее и о профессоре, и о том, чем это они с ним занимались. В ней вдруг проснулся жгучий интерес к колдовству. А когда она, тайком, пока Гоша спала, достала пакетик с пейтолом, то поняла, что там осталось-то всего ничего. На раз или два. Жизнь еще долгая, а бабушка со своими советами может быть очень кстати и по

более важным вещам.

Но Гоша вцепилась в нее клещами. И даже Войцех призвал ее выполнить свой гражданский долг и помочь в раскрытии преступления.

Пока Клара держала оборону, она думала, сможет ли она где-нибудь достать пейтоль. Название было не русское, подозрительное. Где его брать, если что — она понятия не имела. Но совершенно четко вдруг осознала, что отныне возможности вызвать бабушку у нее уже не будет. И от этого тоскливо щемило сердце.

Наконец, она поделилась своими сомнениями с Гошей, и та сказала:

— Из-под земли достанем! Обещаю!

— Хорошо, — сказала тогда Клара, обращаясь к Войцеху. — Но у меня есть одно условие: вы будете держать нас в курсе выполнения задания Иннокентием.

А когда Войцех в ответ нахмурился, она жалобно добавила:

— Ах, поймите же, я с ума схожу. Вы послали его на смерть! А мне что делать? Сидеть и ждать? Угораздило же тебя вляпаться в самого Шляйфмена! — сказала она Гоше

— Перестань, Клара, — закатила глаза Гоша. — Иннокентий не мытьем так катаньем доберется до него и доставит ему кольцо.

— А вы будете держать меня в курсе. Или так или никак.

Войцех после долгих колебаний согласился.

— Но вы же понимаете, что я в некотором роде иду на нарушение инструкций.

— Ой! Если бы не Гошенька, то вы вообще бы никого и никуда не отправили!

На том и порешали.

Гоша вызвалась в этот раз сама сварить пунш. Получилась страшная гадость. Клара едва смогла проглотить пойло, а Войцех пил и не морщился. «Конечно, — думала она, — ему сейчас и польнь из Гошиных рук нектаром покажется. Вот вернется Иннокентий, надо будет сварить настоящий пунш».

Бабушка на фотографии надрывно закашляла, хватаясь за грудину.

— Ч-что это? — прохрипела она. — Отрыжка кикиморы?

Гоша поспешила извиниться:

— Гретхен, тут такое дело внезапно выскочило, что без вас ну никак его не решить.

Гретхен кашляла еще долго, потом вытерла слезы и только тогда увидела Войцеха и нахмурилась.

— Николаша! — строго спросила она. — Что этот человек делает в моем доме?

Непроницаемое лицо Войцеха стало и вовсе каменным. Его волнение выдали лишь внезапная бледность и побелевшие губы.

— Бабушка, — поспешила вмешаться Клара, хотя дала себе зарок не участвовать в разговоре. В ней вдруг вскипел гнев — наконец-то она нашла ответственного за все их страшные приключения! — Это я разрешила Николаше пропустить его. Твоя затея с книгой, между прочим, чуть не стоила Гошеньке жизни! А Войцех Казимирович спас ее.

Брови бабушки сменили гнев на удивление, а потом и вовсе ее глаза засветились по-доброму.

— А прямо сейчас еще один человек рискует жизнью. И мы не знаем, что с ним, — плаксиво добавила Клара. — А ты даже не можешь выслушать по-человечески!

— Ладно, Кларисса, не распускай сопли. Для начала расскажите, что у вас там произошло. Вам удалось найти книгу?

И Гоша с Кларой рассказали, перебивая друг друга. Когда они добрались до Кауфмана,

Клара вспомнила, как видела его в трамвае, еще до начала всего, и Войцех добавил про случай с голодным оком. Бабушка снова нахмурилась и вынесла вердикт, как приговор:

— Этого психа надо найти! — она обращалась к Войцеху, а тот, сидя на табурете, выглядел так, будто вот-вот отдаст честь и пойдет выполнять приказ. — Я думала, что он умер. Во всяком случае у нас, там, прошла такая волна. Однако, что этот горе-изобретатель сделал с собой и была ли это смерть в обычном смысле — тут надо покопать и разобраться.

Войцех кивнул.

— Гошенька, ты молодец! — похвалила бабушка. — И ты, мой хороший, тоже. — радио удовлетворенно моргнуло огоньками. А Клара подумала, что, наверное, ей надо умереть как-нибудь героически, чтобы бабушка, наконец, заметила ее и похвалила.

— Кстати, — съязвила она, — Войцех Казимирович пострадал от твоих подружек, между прочим. Не хочешь извиниться?

Пришло время говорить Войцеху, и тот путанно, заикаясь и постоянно краснея еще раз рассказал про обряд приворота.

Пока он рассказывал, бабушкино лицо разгладилось, и в конце она уже улыбалась, как умеет улыбаться только она — морщинками.

— Понятно. Распоясался орден... И чего ты хочешь? — спросила она у Войцеха.

— Гретхен, — вступилась Гоша. — Прежде всего нам надо снять с пана Войцеха приворот. А потом найти этих су... ведьм. Там же еще были какие-то...

— Настасья и Андрей, — напомнил Войцех. — Особенно Андрей. Ведь он, насколько я понимаю, не выражал своего согласия на приворот.

Бабушка усмехнулась.

— Если бы он выражал согласие, то в привороте не было бы необходимости. Ладно. Я выведу тебя из-под действия чар.

— А ведьмы? — спросила Гоша. — Вы сможете их найти?

— Нет... Но я обещаю, что поговорю с ними. И полицмагия больше никогда ничего о них не услышит, — и добавила, прерывая Войцеха, который хотел было что-то возразить. — За все надо платить, молодой человек! Особенно за чрезмерное любопытство! Приворот — не преступление века. Расхлебывать его Настасье. Ну и до этих троих откат доберется. Жизнь сама все расставит на свои места, без участия полицмагов.

Войцех понурился.

— Меня и так начальство из-за... — он покосился на Гошу, — ваших внучек замотало... Если вся эта идея с кольцом не выгорит, мне отставка грозит. А тут еще и ведьмы эти... Шефу вдруг приспичило поймать их.

— Все получится, — сказала бабушка так, что ей сразу все поверили, включая Войцеха. — Печать ахногена поверх гипноза имеет большую власть над человеком. Не каждый сможет справиться с ней. А старый маразматик, если и был когда-то силен, то все силы растратил. Давно пора ему на... Куда вы там его отправили?

— Ассенизатором.

— Самое место... А про Кауфмана я узнаю... И, Николаша, снимай защиту с квартиры. Ни к чему она больше. И вот еще что. Я пробью тебе канал связи до столицы — слушай эфир. Раз мы такое дело затеяли, негоже нам пребывать в неведении.

Бабушка на секунду замерла и потом повторила:

— А про Кауфмана я узнаю.

Действие пунша заканчивалось, и Клара торопливо сказала:

— Бабушка. Профессор Кравцов просил передать...

— Да?

— Что он всегда любил тебя.

Бабушка замерла, и на ее лице застыла одухотворенная улыбка, которая светилась любовью и нежностью, так не свойственными Гретхен фон Райхенбах.

Глава 22. Вести от Иннокентия

Во время обряда Войцех поплыл практически в самом начале — голова закружилась, и он провалился в воронку, открывшуюся в его сознании. Помнил только, как начала Гретхен — старухой ее назвать у него теперь язык не поворачивался — говорить низко и протяжно, так что каждое слово проникало в него, как воздух, и, как шампанское, било в голову:

“Как мать быстра Урал-река течет,
как пески с песками споласкиваются,
как кусты с кустами свиваются...”

Войцех почувствовал, что его сознание отключается, и усилием воли сосредоточился.

“Есть нежить простоволоса,
и долговолоса,
и глаза выпучивши...”

Как только Клара начала говорить то же самое, Войцех отключился окончательно, и проснулся уже от того, что Гоша легко похлопывала его по щекам.

— Ну что, раб божий? Отлегло? — спросила она, когда он очнулся.

В ее глазах — прозрачных, как болото в ясный августовский день, подернутое ряской — плескалось беспокойство и задорные смешинки. Он прислушался к себе и улыбнулся.

— Да, кажется, отпустило.

Но смотреть в эти глаза ему было все равно приятно.

Прошло уже два дня, а он все думал о ней, но уже не так, как раньше. Мысли не гноились неясной тоской, не завивались удушливыми пиявками. Теперь они не доставляли ему боль и страдание, как раньше. Наоборот, в душе его было тепло и светло, и хотелось думать о Гоше еще.

Как только Войцех проснулся, еще в больнице, но уже здоровым, Павлыч сказал:

— Как все начнется, ты узнаешь, а потом я сам тебя найду. Настаивай на домашнем аресте своих дам, для их же безопасности. Прикрытие сверху я тебе обеспечу.

И он и правда обеспечил — шеф легко согласился с мерой пресечения. Однако три дня спустя, когда Войцех уже пришел в себя после обряда, строго сказал:

— Только неделя у тебя, Загорски! Если через неделю ты не объяснишь мне все, а особенно, с какого боку тут Чистяков, три шкуры с тебя сдеру. Понял?

— Так точно.

— А пока займись этими... ведьмами... А то распоясались...

Войцех вздрогнул. Шеф сказал словами Гретхен. Случайно или ...? Если выяснится еще что и он тоже с Гретхен был знаком, будет даже не удивительно. В любом случае он взял себе на заметку это «распоясались».

— Есть разобраться, товарищ майор!

И он занялся. Подключил всех свободных от работы сыщиков и оперативников, поднял городские базы по жителям, списки и адреса. Посадил регистраторов все фиксировать. И отделение полицмагии наводнили женщины — все сплошь Евдокии и Марчеллы. Их записывали в грессбух, заводили в кабинет по трое, и Войцех просил приподнять юбки до колен. Он внимательно смотрел на ноги, и некоторых просил почитать “Гражданский кодекс”.

Женщины возмущались, смеялись и строили глазки, а одна бабуля повернулась, задрала

подол и продемонстрировала зад в панталонах в розовый цветочек.

— На, сынок, полюбуйся... Ну шо? Годится?

Войцех, с каменным лицом, невозмутимо проводил опознание. Он старательно вглядывался в ноги женщин, просил их сесть, скрестить ноги, вытянуть их, подобрать под себя... А потом неизменно говорил:

— Следующие.

На самом деле “свои” ноги он увидел еще до обеда. Евдокия оказалась полной и добродушной с виду рыжухой, с мясистым носом, улыбчивым ртом и пытливым взглядом, за который никак было не уцепиться, но как только Войцех отворачивался, то чувствовал его на себе. Он запомнил ее. Как учили в академии. Чтобы потом воспроизвести портрет во всех подробностях. А потом так же спокойно сказал:

— Следующие.

На ноги Марчеллы смотреть было приятней, чем на нее саму — лицо хоть и с правильными чертами лица, но злое, отталкивающее. Она презрительно вздергивала брови и кривила лягушачий рот. Появилось устойчивое ощущение, что она чем-то больна и может быть заразной. И Войцех брезгливо сказал:

— Следующие.

Войцех держал слово. Войцех умел быть благодарным. Войцех платил по счетам.

К вечеру из кабинета выглянул шеф, и увидев очередь из взволнованных женщин, приказал Войцеху зайти к нему.

— Это что за цирк?

— Ищу подозреваемых, товарищ майор. По вашему распоряжению. Евдокии и Марчеллы осмотрены, опознанные отсутствуют. На очереди Евдокеи и Авдотьи, Маркеллы и Марселлины.

— А если не найдешь?

— Тогда буду смотреть производные от этих имен.

— Прекращай. Это могут быть не настоящие имена. Их, может, зовут Катей и Любой, а ты носом роешь, шум поднимаешь, полицмагию на посмешище выставляешь... Давай, Зигорски!.. Прекращай!.. Передай все, что нашел и свой рапорт Нарымову, пусть он занимается, поаккуратней... У него опыта побольше.

— Есть.

Только Войцех повернулся к выходу, как голодное око на столе шефа ожило и уставшим голосом произнесло:

— На волне «Правительственный дайджест», специальный выпуск новостей. Обращение председателя правительства Пьетро Шляйфмена к жителям всех четырех губерний в прямом эфире.

Войцех замер. Шеф подсел ближе и сделал знак Войцеху подойти.

— Граждане Объединенного Государства, — произнес дрожащий от напряжения гнусавый голос председателя. — Сообщаю вам, что я... — он запнулся и после долгой паузы продолжил. — Сообщаю вам, что с момента своего избрания я и моя команда скрывали некоторые данные. А именно: все, абсолютно все люди имеют ахно-волны и обладают магией, дарованной им Господом Богом. Подробности изложу лично министру внутренней безопасности. Я, Пьетро Шляйфмен, официально заявляю о своей отставке и слагаю с себя полномочия председателя правительства немедленно. К н и г о е д . н е т

Оставив своего шефа звонить во все колокола, Войцех вышел в коридор, мановением

руки отпустил очередь из ошарашенных женщин, которые как оказалось, тоже прослушали новости, и позволил себе улыбнуться.

* * *

После того, как Гоша намяла бока Кларе, обнимая ее от радости, поднимая и кружа по маленькой кухне, после выпитых двух бутылок шампанского, которые принес любезный пан Войцех Казимирович, после того, как Войцех с Гошей ушли гулять на всю ночь, тайком нарушили все еще действующий домашний арест, Клара впала в тревожную тоску. Шло время, а об Иннокентии ни сном ни духом.

Утром вернулась Гоша, воодушевленная и счастливая.

— Тебе же он не нравился? — спросила Клара.

— А тебе б понравилось, если б на тебя смотрели как удав на кролика — сейчас сожрать или потом? А этот... заговор на любовь...

— А сейчас?

— А сейчас все совсем по-другому.

— Ах, Гошенька, он такой хороший! А ведь он полицмаг... Кто бы мог подумать.

Гоша молча кивала и тихо светила.

Время превратилось в азбуку Морзе, где внезапные новости были точками, а их ожидание — длинным, почти бесконечным тире.

На второй день после отставки Пьетро Шляйфмена, Войцех пришел с новостями с снятия домашнего ареста. Клара вцепилась в него мертвой хваткой — где Иннокентий? Но оказалось, что у Войцеха нет с ним связи, а человек, который мог бы ответить, уехал в столицу. Он обещал сразу же дать знать, как только что-то узнает, он торопился — в отделе творилось черте что. Каждый час приходили приказы и директивы, одна противоречивей другой, и шеф бился в истерике, пытаясь лавировать между ними.

Мир сузился до стен квартиры, самой важной частью которой стал Николоша.

— После беспрецедентного заявления председателя правительства Пьетро Шляйфмена об отставке, — передавал он, — которую он объявил по всем каналам лично, нам стало известно о его визите в резиденцию министра внутренней безопасности, где он находится и по сей час. Во избежание ущерба от мошеннических действий недобросовестных лиц, экстренное правительство просит всех жителей Объединенного Государства не предпринимать действий, связанных с получением какой-либо информации самостоятельно. Когда будут более подробные данные, всех бурлаков официально уведомят. Следите за нашими новостями.

— Почему молчит Иннокентий? — спрашивала Клара каждые минут десять-пятнадцать. — Бабушка же должна была наладить канал. Николаша?

— Канал хороший, дружок, — отвечало радио. — Щупаю эфир.

Гоша время от времени принималась пытаться Николашу:

— Ничего?

— Ничего, — напряженно отзывалось радио, вода по сторонам вытянутыми в струну антеннами.

— Слушай, Николаша, слушай! Найдешь Иннокентия — почищу тебе транзисторы, и смажу машинным маслом.

Николаша старался.

— «Правительственный дайджест» продолжает держать вас в курсе последних событий. Визит Пьетро Шляйфмена, объявившего о своей отставке, к министру внутренней

безопасности еще не закончен. Прошло уже девять часов, как герр Шляйфмен скрылся в стенах резиденции. О причинах столь длительного посещения государственным деятелем органов правопорядка не сообщается. Известно лишь, что по срочному вызову также прибыл глава Службы безопасности Объединенного Государства с заместителями, и руководитель департамента ахно-энергии. Территория резиденции, где проходит встреча, оцеплена магическим заслоном. Прессе, как и другим службам Объединённого Государства доступ запрещён. Наши обозреватели дежурят на подступах круглосуточно. Оставайтесь с нами, и вы узнаете новости из первых уст.

Иногда Николаша выключал белый шум и сообщал о тревожных событиях, которые официальными СМИ не освящались.

— В Восточной Губернии, в Дубае прошли собрания профсоюзов бурлаков с выдвижением требований экстренному правительству немедленно дать комментарий заявлению Пьетро Шляйфмена.

— В Африканской Губернии в городе Анцирабе Мадагаскарской среды митингуют эмигрирующие переселенцы из бывшей Американской среды, требуют открыть им доступ к ахно-энергии.

— Начало-ось, — говорила Гоша, посверкивая глазами. — Гретхен рассказывала, что творилось в мире, когда профессор Кравцов заявил о своем открытии. — Сейчас им мало не покажется. Давай-ка еще продуктов подкупим.

— Да куда уж...

— Ладно, я сама.

— Гоша, может не стоит торопиться? Спалят твои способности, а потом начнутся вопросы — откуда? Почему? Что ты им скажешь?

— Правду, — и упрямо выпячивала нижнюю челюсть. — Теперь они от нее не отвернутся, Кларисса! Теперь то им придется признать нас нормальными людьми.

— Все равно. Я с тобой. Мало ли что.

И они возвращались домой, груженные сумками с гречкой и консервами. И вовремя. Продукты в магазинах начали исчезать.

Наконец, в конце второго дня после заявления Шляйфмена, Николаша востепенно и, вытянув антенны в струну, чужим голосом, не привыкшим к сантиментам, строго произнес:

— Внимание, граждане Объединённого Государства! — Говорит кхм-кхм... начальник оперативного штаба особого подразделения при правительстве Дедушкин. Всем бурлакам следует явиться... кхм! — он замялся на мгновение. — Правительство просит граждан, не обладающих магией ахно-волн явиться в ближайший к вам пункт Жилкоммага согласно нижеперечисленных списков за разъяснениями и получением дальнейших инструкций относительно природы и инициации... — голос замер, явно запутавшись в нагромождённых определениях. — Прошу вас соблюдать порядок и дисциплину... Отныне и навсегда правительство устраняет разделение граждан на бурлаков и ахногенов. Соответствующий закон принят и подписан только что, и вступает в силу немедленно!

Это была победа!

Но для Клары она проходила фоном. Для нее вообще все стало фоном, белым шумом. Она ждала хоть слова, хоть вздоха от Иннокентия.

Гоша не могла радоваться, видя подавленное состояние подруги. Она то и дело крутила у Николаши ручку настройки антенны в поисках какой-нибудь новой волны, отчего он издавал страшный треск и вой, сквозь который испуганным голосом пытался остановить

издевательство.

— Мой маленький друг, — увещевало оно мрачную Гошу. — Мое внешнее сходство с радиоприемниками образца середины двадцатого века — это лишь дизайнерский прием, и манипуляциями с ручками вы не поймаете никакой лишней волны. Но транзисторы действительно могут пострадать. И тогда я точно не выловлю господина Иннокентия, когда он найдет надежный канал связи и появится в эфире.

— Гоша! Прекрати донимать его! — в сердцах говорила Клара, едва сдерживая слезу. — Он действительно найдет все сам, он же ИИ... Когда же Иннокентий, в самом деле, найдет этот проклятый надежный канал? Ведь это невыносимо!..

Гоша отступалась. Но проходило время и она, выключив громкость, снова дергала его за антенны и упрямо крутила ручки.

Войцех, посеревший от недосыпа, заходил раз в день навестить Гошу, конечно. Коротко сообщал о том, что творится в отделе, на улицах, о сотнях безумных людей, о демонстрациях с требованием немедленно «включить» ахно-волны всем бурлакам, но и это Клару перестало интересовать.

Они установили ночное дежурство, чтобы не проспять сеанс связи и запретили Николаше рассказывать все другие новости. Иногда они брали его и выходили во двор подышать свежим воздухом. Но мир сошел с ума и теперь пытался вернуться назад — бывшие бурлаки ходили по департаментам, отмечались то в одних списках, то в других, занимали очереди, собирали справки, сдавали анализы, ругались, мирились, от души и скандально отмечали. Сообразительное министерство праздников завело широкую пропаганду приближающегося Бразильского карнавала и десятка-другого торжеств поменьше, на улице постоянно работал громкоговоритель, возвещающий о начале очередного праздника.

Кларе становилось тошно, и они снова запирались в квартире, отгораживаясь от «этого дурдома».

Наконец, на пятый день после начала всей кутерьмы, когда измученная Клара, дежурившая в эту ночь, положила голову на стол и задремала, Николаша зашипел, затрещал и далеким голосом, которого они так долго ждали, произнес:

— ...надеюсь, вы меня слышите!

— Слышу, конечно, слышу, Иннокентий! — сипло прокричала Клара и дотянувшись мысленно до спящей Гоши, пихнула ее в бок.

— Скажу сразу, — продолжал голос, недослушав ее крика. — Это запись. Братва помогла мне натянуть провода... пардоньте, товарищ Медведев... наладить с вами контакт. Меня заверили, что связь надежная, но надо соблюдать осторожность... Я не силен в радиоэлектронике, так что...

— Кто такой товарищ Медведев? — спросила сонная Гоша.

Клара пожалала плечами.

— Наверное, Николаша перехватил доклад Иннокентия своему начальнику. Он же агент. Гоша сразу проснулась.

— Ай да Гретхен!

Некоторое время Николаша трещал. А потом голос слесаря прорезался и зазвучал громко и чисто.

— ... попал я к дяде на поруки... в смысле, в тюрьме сейчас, но вы не думайте, поставленная задача выполнена.

— И это “надежный канал”? — прошипела Клара Гоше, а та, хрюкнув в кулак, беззвучно засмеялась.

— ... сделал все без сучка и задоринки. И так, все по порядку. Не помню, говорил ли, что есть у меня кореш — двоюродный племянник сестры невестки троюродного брата одного из помощников пятого заместителя нашего фигуранта? Так вот, он мне должен еще с позапрошлого года за комплект унитаза с раковиной, который я тогда с большим трудом достал в Японской среде. Не важно... В-общем, я напомнил ему про долг. А вы знаете, я не беру таюнами.

Он свел меня с тем помощником пятого заместителя, и убедил его помочь мне. Не знаю, как он это сделал, но тот действительно помог — достал мне план-схему правительственного здания. А большего мне и не надо было.

А еще я попробовал на племяннике прием, которому вы меня научили. Посмотрели бы вы на его рожу! Я из бара вышел, а когда вернулся, то он увидел не меня, а Шляйфмена. Он подумал, что вскрылась его выемка план-схемы, и председатель правительства пришел лично на нем баранки застегнуть. — Иннокентий коротко хохотнул.

— Что за прием? — спросила Гоша шепотом.

— Не знаю, — ответила Клара. — Тихо.

— Кажется я поняла, — не унималась Гоша. — Жил когда-то некто Мессинг...

— Да замолчи ты!

— А потом, все прошло в лучшем виде. Захожу я в здание, иду, значит, и внушаю всем, что я — Шляйфмен, а охрана мне козыряет, какие-то люди в костюмах здороваются, кто-то грабли жмет. А я мало того, что чувствую себя все равно что клоун, еще и всех их вижу насквозь. Его боятся, или такое — подобострастно желают выслужиться и при этом страшно ненавидят. Некоторые завидуют и желают скорее сдохнуть. Это ж какой мерзотой надо быть, чтобы не вызывать что-нибудь хорошее к этому Шляйфмену, хоть какую-то доброту в душе... Шел, как помоями облитый. И как жить так можно, не понимаю.

Он меня как увидел, так и забыл про все. Сидит в своем кресле и хлебобрезка у него, что жерло терминала. Какой у него компот был в голове, помимо страха, так вспоминать не хочется. Я его мысли картинками видел. У него перво-наперво всех замов заподозрил, что де устроили ему такое. И тогда я понял, чего так испугался помощник пятого заместителя. Да и как он профессора грохнул, тоже не забуду. Но потом у него появилась мысль, что он вальтанул. И я не удержался и помог ему смириться с ней. Ведь нет худшего ада, чем тот, что внутри. А когда его страх стал невозможным, я подошел к столу и положил перед ним кольцо. Ну и все. Он его как увидел, так забыл про меня и накрыло его, стал как зомби... Хотя нет, зомби, они же без мозгов. А этот все понимает, не хочет, но и не может не делать. Я прямо все чувствовал, что и он. Очень жестокое наказание! И так мне стало плохо, что я по-быстрому ушел, и тоже без труда. Здорово вы все придумали. А этот Вольф Мессинг головастым мужиком был.

— Я ж говорила! — радостно вскричала Гоша, и Клара изо всех сил пнула ее.

— Выхожу я, значит, из этих правительственных зданий, и такое чувство, будто отравился. Тошнота, головная боль и трясет всего. Погодите-ка...

В эфире раздался треск и Николаша приглушил звук.

— Хм... Он что — отключился? — спросила Гоша.

— Не думаю, фрау, сигнал идет. Возможно, отошел на некоторое время.

— Что это с ним было, как думаешь?

— Это был откат, Гошенька. И учитывая, какое колоссальное количество магии он потратил, весьма мощный.

Минуты потянулись бесконечными километрами ожиданий. Наконец, связь снова затрещала и голос Иннокентия появился в эфире.

— Извините, товарищ Медведев... Баланду принесли, а кормят тут не так чтобы... Так вот... Мне после Шляйфмена требовалась большая доза противоядия. Я пошел к тому помощнику и напился. Потом протрезвел и опять напился. Потом у нас кончилась водка и я пошел за ней в магазин. Он оказался закрыт, потому что ночь была. Не идти же назад...

Ну я и...

В-общем, тот замок я пальцем открыл, только не подумал, что он на магической защите. Я честно оставил на прилавке деньги за то, что взял, у меня только одна монета и осталась, но зато старинная. Ее бы хватило, чтобы половину этого продмага купить. На выходе меня что-то в грудь толкнуло, да сильно, я метров на пять отлетел вглубь магазина, башкой ударился. А когда очнулся, то уже был как младенец в пеленках — не двинуться. Сижу вот, жду суда... Что обидно, монета пропала. Когда я очнулся, ее уже не было.

Рассказал братве тут, на кичмане, а они смотрят на меня так, с умилением, как на котёнка, говорят: ты не настоящий. Хорошо относятся, в общем. Не обижают... А еще, — Иннокентий понизил голос, — полицмаги, что меня брали, не поняли, что у меня дар теперь тоже есть. Этот... Ахно-дар... А я и не говорю... Я же пьяный был, от меня спиртом за версту разило, где там ахно-то учуять?... Да и по всем их базам я бурлаком числюсь... Меня на крытку для бурлаков и привезли... Когда смотрящий в камере узнал, отвел меня к самому главному ихнему, ну вы понимаете... Не к начальнику тюрьмы... А к тому, кто в законе... в другом каком-то законе... я и сам пока не понял в каком... но мужик серьезный, белая кость. Посмотрел на меня внимательно и говорит: чего ж ты, говорит, замок не размагичил? А я хрен его знаю, чего... Забыл я... В-общем, я так понял, что у него на меня большие планы теперь. Он как бы это сказать, оказывает покровительство. Щупает ноги. Так что, скоро буду.

Николаша затрещал, потом зашипел и, включив фоном белый шум, подвел итог:

— Запись закончена, дружок. Суши сухари.

Гоша и Клара переглянулись.

— Я что-то не все поняла, — задумчиво сказала Клара. — Кто кому и чьи ноги там щупает?

— Это «побег» по фени, Клара. Они собираются сбежать.

— По фени? Что за «феня» такая, Гошенька?

— Если этот... товарищ Медведев... не вытащит его оттуда, то он сядет по-настоящему, — решительно сказала Гоша, сдвинув брови. — Либо он дождетсся суда, ему выпишут штраф и отпустят. Либо он сбежит и тогда... Как-то надо донести до него, чтобы он сидел ровно и не дергался. А «феня» — это воровской язык, Кларисса.

— Надо же! Иннокентий производит впечатление простого человека. А поди ж ты... Полиглот!.. Скажи-ка, дружок, — обратилась Клара к радио. — Этому каналу можно доверять? Можешь ты по нему ответ передать?

— Да, фрау, эфир спокоен и ответ записать можем. Но не берусь сказать, когда господин Иннокентий услышит ваше сообщение. На том конце — конструктор.

— Что еще за конструктор?

— Передатчик, собранный, как сказал бы Иннокентий, если позволите, из говна и

палок.

— Раз он сюда передал, значит и принять сможет. Так, пиши... Только измени голос на мужской. Иннокентий, это Медведев. Оставайтесь на месте. Это приказ!

Жаркое июльское утро весело катилось по пустым улицам Малых Вещунов. За прошедший месяц процентам семидесяти бывших бурлаков разбудили ахно-волны. Процедура была быстрая и почти безболезненная — несильный удар током и добро пожаловать в мир бесконечного праздника. Готовя дополнительный пакет законов и проектов, правительство в новом составе решило собрать самые сливки с людей, толком не осознавших еще возможностей обретенного дара. Бразильский карнавал замедлил свой ход и изменил маршрут, продвигаясь теперь только по крупным городам. Он вбирал реки ахногенов, жаждущих веселья.

В Малых Вещунах жизнь замерла.

Ровно в девять утра Клара вошла следом за Гошей в здание с надписью «Жандармерия», что на площади Изобилия. На проходной молодой человек, проверив документы, взволнованно сказал:

— Третий этаж, кабинета товарища Медведева. Поторопитесь. Вас ждут.

— Зачем мы пришли сюда? — прошептала Клара, дергая Гошу за руку. — Чует мое сердце, не к добру все это! Это тот самый Медведев?

— Войцех сказал прийти, вот и пришли.

— Да. Но зачем?

— Я не знаю.

— А вдруг они нас арестуют? Мы же в их канал влезли...

— Хотели бы арестовать, уже арестовали бы, сюда не стали бы приглашать. Потерпи, сейчас все узнаем.

В коридорах в этот утренний час было пустынно. Они нашли кабинет Медведева, и только Гоша взялась за ручку, как из-за закрытой двери послышался незнакомый сердитый голос.

— ... взрослый человек, а ведешь себя как пацан! Ты — агент прежде всего, а потом уже рабочий человек. Даже Райхенбах сообразила, что надо сидеть ровно и не дергаться. Ноги он щупает, твою мать!..

В ответ послышалось неразборчивое бубнение.

— Это Иннокентий! — шепотом произнесла Клара, решительно открыла дверь и вошла в кабинет. Он вернулся только вчера, и она даже не успела его как следует рассмотреть. Следом за ней ввалилась Гоша, раздувая ноздри.

В кабинете воцарилась тишина.

Посередине стоял здоровенный мужик в парадном мундире с аккуратной бородой. Рядом с ним даже Иннокентий казался обычным.

Войцех, тоже при параде, очень красивый, стоял тут же, вытянувшись во фронт. Иннокентий, в белоснежной рубашке и брюках сиял бы как начищенный золотой талер, если бы не вид побитый собаки, от которого у Клары сжалось сердце.

— А, явились... — сказал мужик с бородой. Он дождался, когда они подойдут ближе и сердито спросил: — Кто позволил вам вмешиваться в секретный правительственный канал связи?

— Так это... — Клара под его строгим взглядом сразу растеряла всю свою решимость, и растерянно улыбнулась. — Николаша сам... Шалун.

— Это еще кто? — спросил бородастый, обращаясь к Иннокентию.

— Так ить, — произнес тот и сделал жест лапой будто ручки у радио крутит, и лицо его при этом разгладилось и стало таким трогательно-нежным. — Радио ж... Забавная такая фиговина... С мозгом.

— Искусственный интеллект, между прочим, — добавила Клара.

— Читать уголовный кодекс от корки до корки! — приказал бородач. — Особенно вам! Как вас?.. — обратился он к Гоше.

— Гоша, — ответила она, выпятив вперед нижнюю челюсть, и всем видом показывая, что этот тип ей не очень-то и нравится.

— Наташа, — поправил он ее, поморщившись.

— А это уже не вам решать, — ответила Гоша.

— Войцех! Через две недели примешь экзамен! — приказал он, продолжая глядеть на Гошу.

— Есть, — отозвался Войцех.

— С чего это? — спокойно спросила Гоша.

Бородач смягчился. Он посмотрел на Войцеха и спросил:

— Ты не рассказал?

— Не успел, — ответил тот.

— Надо поймать того упыря, что вас мучил, — сказал он. — Да и другие дела копятся, в которых очень кстати был бы женский взгляд. Поэтому к вам есть предложение о...

Светильник на столе вдруг засиял голубым цветом и рявкнул:

— Медведев, ну что там у тебя?.. Дел невпроворот!

Бородач махнул рукой.

— А, ладно, потом... Войцех, давай, веди.

Войцех открыл створки дверей в глубине кабинета и мотнул головой, приглашая войти.

Небольшой зал заседаний с помостом в конце и аккуратно стоящими в ряд по стеночке стульями, был освещен лампами и солнечным светом. В центре стояла разношерстная группа мужчин из пяти человек.

Клара и Гоша, взявшись за руки, и постоянно оглядываясь на Войцеха, который кивал им, мол, все верно, заходите, вот так, все правильно, и даже немного подталкивал, вошли в кабинет и остановились, не доходя до мужчин метров трех.

С другой стороны Клары место занял Иннокентий, а Войцех встал рядом с Гошей.

Один из группы — невысокий плотный человек в скромном армейском костюме прочитал с листа:

— Орденами за заслуги перед Российской губернией и Объединенным Государством награждаются: Кларисса Никитична фон Райхенбах!

Клара громко ахнула, прикрыв рот рукой. Другую руку ей крепко сжала Гоша.

Человек с совершенно черной кожей, одетый в малиновый балахон и шапочку, напоминающую ведерко, ослепляя белизной зубов, аккуратно надел Кларе на шею ленточку с орденом и, страшно гыркая, сказал:

— Примите нашу благодарность от лица африканских людей и других народов, что живут на Африканской губернии. Подвиг простой русской женщины навсегда отметится в нашей история.

Черный мужчина поклонился, взял теплыми руками руку Клары и коснулся ее губами.

— Наталья Георгиевна Георгиева! — торжественно произнес мужчина в армейском

костюме.

Маленького роста человек с узкими глазами в строгом черном костюме подошел и, встав на цыпочки, надел ленточку на Гошу.

— Наташа-сан, — произнес он, складывая руки перед собой и кланяясь. — Вы прекрасная смелая женщина! Азиатская губерния восторгается вами!

Гоша покосилась на Войцеха. Он улыбнулся ей и кивнул.

— Войцех Казимирович Загорски!

Его награждал человек в светло-сером с иголки костюме, вальяжный, с надменным лицом. Он надел ленточку с орденом, пожал ему руку и неожиданно тепло сказал:

— Данке шон, пан Зигорски! Большая честь для меня.

— Служу отечеству! — ответил Войцех.

— Кукушкин Иннокентий Савельевич!

Гоша хрюкнула в кулак, а потом покашляла, размазывая смешок. Орден Иннокентию вручал мужчина военной выправки и в военной же одежде. Он крепко пожал ему руку и проникновенно сказал:

— Благодарю за службу, товарищ Кукушкин!

— Служу России! — отсалютовал Иннокентий и добавил: — И Объединенному Государству.

— Вольно! — махнул рукой человек в армейской форме и крикнул: — Медведев, распорядись подать шампанское что ли!

Гоша, повернувшись к Войцеху и притянув его за голову к себе, крепко поцеловала. Он был не против. Лишь приподнял ее немного, чтобы не сломала ему шею.

А Клара, коснувшись руки Иннокентия, вдруг почувствовала, как ее слегка прошибло током. Горячая дрожь поднялась по плечу и в голове стало ясно-ясно. Она отдернула руку и посмотрела на него. Судя по его выражению лица, он испытал то же самое.

— Кукушкин, значит? — спросила она.

— Надеюсь, вы не против, фройлян?

— Не против, — сказала Клара и замкнула цепь, взяв его за руки.

Их обоих охватили в кольцо короткие молнии, которые искрили и извивались змеями, пока не принесли шампанское. Прическа у Клары распалась, а волосы у Иннокентия встали ежиком. Лица у обоих были такие, что все смутились и отвернулись.

Говорят, у ахно-энергии есть особые полюса, которые если сходятся, то прикипают друг к другу намертво.

Больше книг на сайте - Knigoed.net